Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

На правах рукописи

Ханова Анна Андреевна

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА О ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО, РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Леонтович О.А.

Волгоград 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ…….....4

Глава 1. НАРРАТИВ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА ……...…11

1.1. Теоретико-методологические подходы к исследованию нарратива…….11

1.2. Исторический нарратив как особый вид повествования…….....….21

1.3. Понятийный аппарат, методика и материал исследования…….28

1.4. Историческая значимость и лингвокультурологическая ценность нарративов о Великом шелковом пути……...…….36

1.5. Функциональные характеристики исторического нарратива ……..…..43

1.6. Жанровая парадигма исторического нарратива……..…….....47

Выводы по главе 1……..…….67

Глава 2. СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТВОВАНИЙ О ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ)……70

2.1. Конститутивные признаки исторического нарратива…….....70

2.1.1. Темпоральность……..…....71

2.1.2. Пространственность……..…..86

2.1.3. Событийность……..…..… 99

2.1.4. Информативность……..…....113

2.1.5. Интерпретативность……..…....126

2.1.6. Интертекстуальность……...……..140

2.1.7. Идеологизированность……..……....153

2.1.8. Семиотичность……..……....164

2.2. Лингвистические средства репрезентации исторического опыта……179

Выводы по главе 2…….……191

ЗАКЛЮЧЕНИЕ……..……194
БИБЛИОГРАФИЯ……...…197
ПРИЛОЖЕНИЯ……...220
Приложение 1. Разножанровые нарративы о Великом шелковом пути……220
Приложение 2. Великий шелковый путь в изобразительном искусстве……226

ВВЕДЕНИЕ

История существует не только как совокупность событий прошлого, но и как средство их представления и интерпретации. Именно в процессе нарративного осмысления разрозненные исторические события приобретают последовательность и смысл, превращаясь в целостную картину прошлого.

До сих пор исторический нарратив, выступающий как механизм конструирования коллективной памяти, преимущественно изучался в рамках философии истории, нарратологии и историографии, но не становился предметом самостоятельного лингвистического анализа. Данная работа направлена на восполнение этого пробела: в ней содержится комплексный анализ лингвокультурных особенностей и конститутивных признаков исторического нарратива, проведенный на материале повествований о Великом шелковом пути на китайском, русском и английском языках.

Актуальность настоящего диссертационного исследования определяется следующими факторами: 1) значимостью повествовательной интерпретации исторических событий с различных культурных и идеологических позиций; 2) необходимостью изучения структурных, жанровых и языковых особенностей исторического нарратива; 3) возрастающим геополитическим и культурным значением Великого шелкового пути как символа и исторического обоснования современных трансконтинентальных инициатив.

Объектом изучения являются разножанровые нарративы, посвященные истории Великого шелкового пути, на китайском, русском и английском языках. В качестве **предмета** исследования выступают их структурно-содержательные характеристики и культурно-языковые особенности.

Цель работы – провести системный анализ ключевых функций, жанров, конститутивных признаков и языковых особенностей исторического нарратива на примере повествований о Великом шелковом пути на китайском, русском и английском языках.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

1) проанализировать подходы к понятию «нарратив» в отечественной и зарубежной науке;

2) дать определение понятию «исторический нарратив» как объекту лингвистического анализа;

3) исследовать ключевые функции исторического нарратива;

4) охарактеризовать жанровое разнообразие текстов об истории Великого шелкового пути в китайской, русской и англоязычной традициях;

5) выявить и теоретически обосновать конститутивные признаки исторического нарратива, детально описать соответствующие им текстовые маркеры;

6) изучить универсальные и национально-специфические языковые средства репрезентации исторического опыта**.**

Степень разработанности проблемы. В трудах, написанных на стыке истории, философии и социологии (А. Данто, 2002; Х. Уайт, П. Рикер, Ф. Р. Анкерсмит, Э. Х. Карр, К. Дженкинса), историческое повествование рассматривается как особая форма организации и репрезентации знания о прошлом, неотделимая от интерпретации, отбора фактов и средств их представления. А. Л. Стризое трактует исторический нарратив как специфический способ преобразования информации из исторических источников в научное знание о прошлом, конституирующий историю как науку. Е. В. Мишалова детально исследует соотношение объективного и субъективного начал в историческом повествовании. Особо следует отметить изыскания В. И. Тюпы, автора теории событийности нарратива и фундаментального труда «Горизонты исторической натрратологии». Ономастическое пространство исторического текста разрабатывалось в трудах А. В. Суперанской и В. В. Молчановского.

История Великого шелкового пути представлена в фундаментальных трудах У. Макнила, В. Хансен, П. Франкопана, С. Уитфилд, Л. Н. Гумилева, Е. Н. Черных, Е. Е. Кузьминой, Э. В. Ртвеладзе, Е. С. Докашевой, Чжан Ипина, Лин Мэйцуна, Жун Синьцзяна, Го Цзяньлуна и других ученых.

Однако при всем многообразии историографических и лингвистических трудов до сих пор отсутствуют работы, посвященные комплексному описанию структурно-содержательных характеристик и языковых механизмов, конституирующих исторический нарратив как особый тип повествования, в связи с чем и предпринято данное диссертационное исследование.

Помимо вышеупомянутых трудов, **теоретико-методологическую базу** исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные теории нарратива в целом (Р. Барт, Ж. Женетт, В. Я. Пропп, П. Рикер, Ц. Тодоров, Х. Уайт, В. Шмид); нарратологическим категориям события, пространства и времени (М. М. Бахтин, И. Р. Гальперин, Ж. Женетт, Ю. М. Лотман, Э. М. Омаршаева, В. Ю. Прокофьева, Н. Д. Тамарченко, Б. В. Томашевский, М. Ян и др.); семиотике культуры и теории идеологемы (И. Л. Адилханян, Л. Л. Бантышева, Т. Винтер, О. В. Демин, Ю. М. Лотман, Е. Г. Малышева, Б. А. Успенский, Д. Чандлер и др.); ономастике (И. В. Крюкова, В. И. Супрун и др.) и. т. д.

Материал исследования. В качестве единицы анализа в настоящей работе выступает текстовый фрагмент, содержащий связное повествование о событиях, связанных с Великим шелковым путем. В общей сложности проанализировано 317 текстовых фрагментов общим объемом 5090 страниц. Источником практического материала послужил отобранный нами корпус текстов историко-публицистического, научно-популярного, художественного и политико-дипломатического характера о Великом шелковом пути на китайском, русском и английском языках. В качестве дополнительного иллюстративного материала привлекались фрагменты текстов, посвященных современной китайской инициативе «Один пояс – один путь», а также нарративы, существующие в невербальной и креолизованной форме (картины, оперы, балеты, кинофильмы, компьютерные игры и т. д.).

Для реализации поставленной цели исследования и решения вытекающих из нее задач использовались следующие **методы и приемы** анализа:

- метод целенаправленной выборки – для подбора нарративов, составляющих практический материал исследования;
- дефиниционный анализ – для определения ключевых терминов и формирования понятийного аппарата исследования;
- нарративный анализ – для выявления конститутивных признаков исторического нарратива и их структурной организации в тексте;
- элементы дискурс-анализа – для рассмотрения порядка описания исторических событий с учетом социального контекста, а также для выявления эксплицитных и имплицитных смыслов, продуцируемых в процессе коммуникации;
- контекстуальный, стилистический и лингвокультурологический методы – для выявления текстовых маркеров конститутивных признаков исторического нарратива;
- прием количественных подсчетов – для обобщения результатов исследования.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней: 1) проведен комплексный анализ исторического нарратива как особой формы повествования; 2) выделены его ключевые функции; 2) определена представленность исторических нарративов в различных повествовательных жанрах; 3) на материале трех разноструктурных языков (китайского, русского, английского) выявлены и описаны конститутивные признаки исторического нарратива о Великом шелковом пути, установлены языковые и текстовые маркеры каждого признака; 4) исследованы универсальные и национально-специфические лингвистические средства репрезентации исторического опыта.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в развитие теории исторического нарратива и лингвокультурологии за счет разработки и апробации комплексной модели описания его конститутивных признаков. Результаты исследования расширяют представления о взаимодействии языка, культуры и историографической традиции при репрезентации одного и того же трансъязыкового и исторического феномена.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в вузовских курсах по лингвокультурологии, сопоставительному языкознанию, теории нарратива, а также в спецкурсах, посвященных анализу исторического и политического дискурса. Материалы исследования могут применяться при подготовке учебных пособий и семинаров по русскому, английскому и китайскому языкам, а также представляют интерес для специалистов, работающих с темой Великого шелкового пути в переводческой, журналистской и просветительской деятельности.

Личный вклад автора заключается в систематизации и критическом осмыслении научных подходов к исследованию нарратива; разработке критериев отбора практического материала и формировании корпуса текстов о Великом шелковом пути на китайском, русском и английском языках; проведении многоаспектного анализа отобранных исторических нарративов, их функциональности и жанрового разнообразия; интерпретации полученных результатов с учетом языковой и культурной специфики исследуемых языков.

Положения, выносимые на защиту:

1. Исторический нарратив представляет собой особый тип повествования, которое, наряду с общими структурными характеристиками нарратива (наличием нарратора, адресата, персонажей, последовательности переживаемых ими событий, каузальных отношений между событиями, завершенности сюжета и выраженного отношения повествователя к излагаемому), требует дополнительного уровня референции – опоры на верифицируемые данные о реальных исторических фактах.

2. Исторический нарратив выполняет комплекс взаимосвязанных функций, к которым относятся: упорядочивающая, трансформирующая, информативная, дидактическая, коммеморативная, убеждающая, развлекательная, а также функция переключения внимания.

3. Жанры исторического нарратива о Великом шелковом пути делятся на следующие группы: а) письменные (летопись, историческая хроника,

мемуары, путевой дневник, исторический роман, историческая повесть, историческое нарративное эссе, научная статья/монография на историческую тему), б) исполняемые (нарративные песни, эпос, пьесы, оперы, балет, кинофильмы); в) жанры изобразительного искусства (картины, фрески, скульптура); 4) креолизованные медиажанры современности (исторические комиксы и компьютерные игры).

4. К конститутивным признакам исторического нарратива, относятся темпоральность, пространственность, событийность, информативность, интерпретативность, идеологизированность и семиотичность, которые в совокупности формируют многослойную структуру текста, одновременно репрезентирующую верифицируемую историческую реальность и ее культурно обусловленную интерпретацию. Данные конститутивные признаки реализуются через систему текстовых маркеров, представленность которых может различаться в зависимости от жанра и языка источника.

5. Языковая специфика исторического нарратива обусловлена присутствием в нем исторической терминологии, историзмов, архаизмов и прецедентных феноменов. Набор этих средств не является статичным и может изменяться под влиянием индивидуально-авторской установки и социального контекста.

Достоверность и верифицируемость результатов исследования обеспечивается привлечением значительного количества теоретических работ отечественных и зарубежных исследователей, репрезентативностью проанализированного иллюстративного материала, а также последовательным применением комплекса исследовательских методов, соответствующих принципу триангуляции.

Апробация работы. Результаты исследования были представлены в докладах на 9 конференциях различного уровня: на I, II и III Всероссийском с международным участием научно-образовательном форуме преподавателей китайского языка (г. Волгоград, 2021, 2022, 2023 гг.), на XXVI региональной конференции молодых ученых и исследователей Волгоградской области

(г. Волгоград, 2021 г.); на IV Международном студенческом научно-образовательном форуме «Любопытное в лингвистике, переводоведении, лингводидактике» (г. Волгоград, 2024 г.); на Международной научной конференции «ДИСКУРС – ЯЗЫК – СОЦИУМ» (гг. Волгоград-Минск, 2023 г.); на IV, V, VI Международном научно-образовательном форуме преподавателей китайского языка «Китайский компас» (г. Волгоград, 2024, 2025, 2026 гг.).

По теме исследования опубликовано 6 работ, в том числе 3 в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии и двух приложений.

Во *Введении* обосновываются актуальность, теоретическая и практическая значимость темы исследования, формулируются гипотеза, объект, предмет, цель и задачи работы.

Первая глава «Нарратив как инструмент интерпретации исторического опыта» посвящена теоретическому обоснованию понятия исторического нарратива, рассмотрению основных подходов к его изучению в различных научных дисциплинах, а также определению его функций и жанрового своеобразия.

Во *второй главе* «Структурно-содержательные характеристики исторического нарратива (на материале повествований о Великом шелковом пути)» последовательно анализируются конститутивные признаки исторического повествования: темпоральность, пространственность, событийность, информативность, интерпретативность, идеологизированность и семиотичность; для каждого признака определяются языковые и текстовые маркеры, приводится описание лингвистические механизмов репрезентации исторического опыта.

В *Заключении* подводятся основные итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Глава 1
НАРРАТИВ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

1.1. Теоретико-методологические подходы к исследованию нарратива

Рассмотрение исторического нарратива – центрального объекта настоящего исследования – предполагает предварительное обращение к общей теории повествования, поскольку исторический нарратив, при всей специфике своего референциального статуса (притязания на достоверность в отношении реально имевших место событий), остается частным случаем нарратива как такового и закономерно наследует его базовые структурные, коммуникативные и интерпретационные механизмы. Поэтому данный раздел открывается обзором ключевых теоретико-методологических подходов к исследованию нарратива в целом, на основе которых далее будет выстроена модель анализа собственно исторического нарратива.

В гуманитарных науках наблюдается устойчивый интерес к изучению повествовательных форм репрезентации действительности. Это связано с так называемым «нарративным поворотом», в рамках которого повествование рассматривается не только как литературная форма, но и как универсальный способ осмысления, структурирования и передачи человеческого опыта. Нарратив позволяет упорядочивать события во времени, связывать прошлое и настоящее и тем самым формировать целостную картину действительности. Нарратологический подход предполагает изучение механизмов создания, организации и интерпретации рассказа о событиях, а также коммуникативных стратегий, посредством которых формируется нарративное представление жизненного опыта.

Истоки нарратологических исследований восходят к античной традиции. В трудах «Поэтика» Аристотеля и «Государство» Платона были предприняты первые попытки разграничить повествовательные и неповествовательные

тексты, в которых повествование делится на *diegesis* (простое повествование) – самостоятельное повествование нарратора и *mimesis* (подражание) – речь от имени одного из персонажей [Приводится по: Женетт, 1998, с. 167 – 168]. Другие античные философы (Гораций, Донат), классицисты (Н. Буало, Г. Э. Лессинг), немецкие романтики (Ф. Шлегель, Г. Гегель) и теоретики романа XIX века (Г. Флобер, Г. Джеймс) внесли свой вклад в понимание структуры сюжета, автора и повествователя.

Нарратология как самостоятельное направление гуманитарного знания сформировалась в XX в. на стыке нескольких научных дисциплин – лингвистики, литературоведения, философии, культурологии и семиотики. Существенную роль в разработке ее теоретических основ сыграли представители русского формализма и отечественной филологической школы. В 1910–1920 гг. русские формалисты «Общества по изучению поэтического языка» и члены Лингвистического кружка Московского университета ввели понятие «литературности», то есть того, что делает конкретный текст художественным произведением. Их интересовал не «смысл» сам по себе, а приемы, с помощью которых этот смысл конструируется. Подчеркивалось, что критерий художественности связан не с процессом вымысла, а со способом подачи словесного материала. В. Б. Шкловский [1929] и Б. В. Томашевский [1925] разработали концептуальный аппарат, без которого немыслим современный анализ повествования. Они разграничили фабулу (совокупность событий в их взаимной внутренней связи, развивающихся в естественном, хронологическом порядке) и сюжет (художественный порядок развертывания этих событий в тексте).

Одним из первых исследователей, обратившихся к системному анализу повествовательных структур, был В. Я. Пропп. Развивая идеи русского формализма, он предложил структурную модель повествования в работе «Морфология сказки», выделив 31 устойчивую функцию персонажей и последовательность их реализации в структуре сказочного сюжета [Пропп, 1928]. Именно он доказал, что под многообразием текстов скрывается единая

и точная структура. Его подход стал одним из первых примеров формализованного анализа нарратива.

Особое значение для понимания природы текста имеют изыскания М. М. Бахтина. В работе «Проблемы поэтики Достоевского» он ввел понятие полифонического романа, рассматривая текст как диалогически организованное явление, возникающее в процессе взаимодействия автора, героя и читателя [Бахтин, 1963]. Бахтинская концепция диалогичности существенно расширила представления о природе повествования, подчеркнув его коммуникативный и интерпретационный характер. Другой ключевой категорией бахтинской нарратологии является хронотоп, под которым понимается «существенная взаимосвязь временны*х* и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин, 1975, с. 234]. Хронотоп представляет собой поэтическую и историко-культурную категорию: каждая эпоха и каждая культура вырабатывает специфический хронотоп, задающий допустимые способы организации события в нарративе. В статье «Формы времени и хронотопа в романе» [1975] автор прослеживает, как различные жанровые формы (авантюрный роман, роман испытания, идиллия, плутовской роман) задают специфические хронотопические конфигурации, определяющие саму возможность тех или иных нарративных событий.

Р. О. Якобсон подошел к нарративу с позиций лингвистики и теории коммуникации. В программной статье «Лингвистика и поэтика» [Якобсон, 1975] он сформулировал модель речевой коммуникации, включающую шесть факторов (адресант, адресат, контекст, сообщение, контакт, код) и шесть соответствующих функций языка (референтивную, эмотивную, конативную, фатическую, металингвистическую и поэтическую). Поэтическая функция, направленная на само сообщение ради него самого, является, по Р. О. Якобсону, доминирующей в художественном тексте, хотя никогда не бывает единственной [Якобсон, 1975].

Развитие идей структурного анализа продолжилось в трудах Ю. М. Лотмана, который рассматривал художественный текст как сложную

семиотическую систему и исследовал механизмы порождения смыслов в рамках культурного пространства. Всякий нарратив, по мнению исследователя, строится на пересечении двух начал: цикличности (повторяемости, ритуала, мифа) и линейности (необратимости, истории, события) [Лотман, 1970].

Окончательное формирование нарратологии как самостоятельного научного направления относится к 60–70-м гг. XX в., когда интерес к исследованию повествовательных структур получил широкое распространение в европейской и американской гуманитарной науке. Термин «нарратология» был введен в научный оборот Ц. Тодоровым в 1969 г. Развивая структурный подход, он предложил рассматривать повествование по аналогии с грамматической структурой предложения. По его мнению, персонажи могут соотноситься с существительными, их характеристики – с прилагательными, а действия – с глаголами, что позволяет анализировать нарратив как систему взаимосвязанных элементов. Ц. Тодоров разграничил историю (*histoire*) и дискурс (*discours*) – различие, ставшее базовым для всей нарратологии: история есть то, что рассказывается (денотируемые события), дискурс – способ рассказывания (нарративная форма) [Тодоров, 1983].

Важный вклад в изучение повествовательных структур также внес Б. А. Успенский, разработавший концепцию точек зрения в художественном тексте и показавший роль повествовательной перспективы в организации нарратива [Успенский, 1970]. Впоследствии как аналогичные, так и иные взгляды были отражены в работах таких нарратологов, как П. Рикер [1983], Ж. Женетт [1966; 1972], Х. Уайт [2002], В. Шмид [2003] и др. А. Ж. Греймас [2004] предпринял наиболее последовательную попытку создать формальную «грамматику нарратива», опираясь одновременно на идеи В. Я. Проппа и соссюровскую семиологию. В «Структурной семантике» он предложил актантную модель, сводящую бесчисленное разнообразие нарративных персонажей к шести актантным ролям: субъект — объект (ось желания), отправитель – получатель (ось коммуникации/ценностей), помощник – противник (ось власти) [Греймас, 2004]. В отличие от семи «сфер действия»

В. Я. Проппа, актантная модель А. Ж. Греймаса абстрактна и применима к любым нарративам – не только к волшебной сказке, но и к юридическому тексту, мифу, политическому дискурсу. Следует также упомянуть труды К. Бремона, который, будучи последователем В. Проппа и в отличие от А. Ж. Греймаса, уделял особое внимание сюжетосложению в повествовании, утверждая, что во всяком нарративе имеют место синтагматические блоки, т.е. «элементарные нарративные последовательности» [Бремон, 1972].

Отметим также вклад одного из крупнейших французских структуралистов XX в. Р. Барта [Барт, 2000]. В программном труде «Введение в структурный анализ повествовательных текстов» он констатирует, что нарратив вездесущ и «присутствует в мифе, легенде, басне, сказке, новелле, эпосе, истории, трагедии, драме, комедии, пантомиме, живописи, витраже, кинофильме, комиксе, журналистике, беседе» [Барт, 1987, с. 387]. Задача нарратологии по Р. Барту – выявить имманентную структурную систему, лежащую в основе этого необозримого многообразия. Он предложил трехуровневую модель повествования: уровень функций (вслед за В. Я. Проппом), уровень действий (вслед за А. Ж. Греймасом) и уровень наррации (дискурса, отношений нарратора и читателя) [Барт, 2000].

Нарратив для Р. Барта стал не статичной формой, а процессом бесконечного рождения смыслов. Эту идею развил семиотик У. Эко [2002; 2007], который ввел понятия «образцового автора» и «образцового читателя» и охарактеризовал нарратив как «текстуальную машину», требующую от читателя сотворчества, актуализации скрытых смысловых лакун и выстраивания «инференций» (прогнозов развития сюжета). Текст, с его точки зрения, всегда предполагает определенную стратегию интерпретации [2002; 2007].

Вклад каждого из вышеупомянутых ученых, безусловно, заслуживает отдельного описания, но в нашей работе мы ограничимся лишь кратким обзором их идей. Продвигаясь дальше, обратимся к работам французского структуралиста, литературоведа и одного из наиболее влиятельных исследователей нарратива Ж. Женетта, который разработал комплексную

теорию повествовательных структур, включающую анализ времени, модальности и повествовательной перспективы [Genette, 1966, 1972]. В работе “Figures III” [1972] он предложил трехуровневую модель нарративного текста: история – означаемое содержание, повествование – означающее, сам нарративный дискурс, наррация (*narration*) – акт производства повествования. Позже Ж. Женетт расширил нарратологический подход до интертекстуальности, исследуя то, как тексты соотносятся, наслаиваются друг на друга и трансформируют предшествующие повествовательные модели [Genette, 1972].

Идеи Ж. Женетта и его предшественников продолжает немецкий литературовед чешского происхождения В. Шмид, рассматривая понятие нарративности, уровни коммуникации и типы дискурса в нарративе, позицию нарратора относительно повествования, соотношение понятий «сюжет» и «фабула», «история» и «событие» [Шмид, 2003, с. 261–273]. Если первоначально круг интересов нарратологии ограничивался художественной литературой, то в настоящее время он продолжает расширяться до повествовательных произведений «любого жанра и любой функциональности» [Шмид, 2003, с. 9].

Другим важным открытием в нарратологии стал философско-герменевтический поворот в монументальном трехтомном труде «Время и рассказ» П. Рикера [1998, 2000]. Он связал воедино человеческое переживание времени и структуру повествования, утверждая, что время становится человеческим в той мере, в какой оно организовано в рассказ. П. Рикер выделяет три ступени осмысления времени в нарративе: мимесис I – предпонимание, то есть то интуитивное чувство времени и действия, которое есть у каждого человека еще до всякого рассказа; мимесис II – построение самой истории, когда разрозненные события складываются в связный сюжет; и мимесис III – восприятие текста читателем, когда рассказанная история возвращается в реальную жизнь и меняет ее [Рикер, 1998].

К числу значимых отечественных и зарубежных исследований, внесших вклад в разработку этой проблематики, также относятся работы Дж. Принса

[1987], Е. В. Падучевой [1996], О. Шпенглера [1998], М. Фуко [1999], К. Леви-Стросса [2001], В. И. Тюпы [2002], М. Яна [2005], Дж.-М. Адама [2005], В. А. Андреевой [2006], Н. Д. Тамарченко [2011], В. Ш. Кривоноса [2011], Ю. Л. Троицкого [2011] и др.

С 80-х годов XX в. западные нарратологические концепции стали активно усваиваться китайским академическим сообществом, порождая оригинальные национальные варианты теории нарратива. На первом этапе (1980-е – начало 1990-х гг.) развитие китайской нарратологии носило преимущественно ознакомительный и адаптационный характер. Этот период ознаменовался массовым переводом и освоением трудов Ж. Женетта, А. Ж. Греймаса, В. Шмида и других западных теоретиков повествования. Центральным событием этого периода стала публикация в 1989 г. сборника «Исследования нарратологии» （叙述学研究）– одного из первых систематических введений в западную нарратологию на китайском языке [张寅德, 1989]. Освоение и адаптация переводного наследия западных теоретиков дали мощный толчок к созданию аутентичной китайской исследовательской базы. В этот период выходит ряд знаковых национальных трудов, среди которых: Лу Синь «История становления китайского рассказа» [鲁迅, 1981], Чжан Лунси «Сказка под сказкой: о структуралистской нарратологии» [张隆溪, 1985], Чэнь Пинъюань «Трансформация нарративной модели китайского романа» [陈平原, 1988].

Второй этап (середина 1990-х – 2000-е гг.) характеризуется стремлением создать самостоятельную «китайскую нарратологию» （中国叙事学）, опирающуюся на специфику национальной повествовательной традиции. Этот сдвиг был обусловлен осознанием того, что западные категории не вполне применимы к китайским нарративам: в частности, отсутствие в китайском языке грамматических времен и местоимений третьего лица существенно усложняет применение привычных нарратологических инструментов. Следует отметить таких авторов и их работы как Ло Ган «Введение в

нарратологию» [罗钢, 1994], Ян И «Нарратология в Китае» [杨义, 1997], Шэнь Дань «Нарратология и исследование художественной прозы» [申单, 1998], Тань Цзюньцян «Силы нарратива: нарратологическое исследование художественной прозы Лу Синя» [Tan, 1999], и др. В книге «Введение в нарратологию» Ло Ган [罗钢, 1994] указывает на прямую связь между развитием китайской повествовательной теории и идеями В. Проппа о ролях персонажей. Автор предлагает дифференцировать художественный текст на предметно-содержательный и абстрактно-структурный уровни, подчеркивая, что последний требует наиболее глубокого текстуального анализа. Роль фундаментального компонента повествовательного каркаса Ло Ган отводит нарративной функции, объясняя это тем, что типология текстовых структур напрямую зависит от характера взаимосвязей между этими элементами [Там же].

Третий, нынешний этап связан с попытками создать «китайскую школу» нарратологии и вывести ее на мировую академическую сцену. Одним из первых системных попыток создания самобытной китайской нарратологии стала работа профессора Ян И [杨义, 1997], который постулировал, что китайская литература обладает собственными отличительными механизмами, моделями и стандартами оценки, принципиально иными по сравнению с западными аналогами. Подход Ян И строится на положении, что китайский нарратив уходит корнями в историографическую традицию, восходящую к «Шицзи» Сыма Цяня, а не к эпическому и мифологическому субстрату, как в западной литературе. Особое место в китайской нарратологии занимает Фу Сюйянь (傅修延), который посвятил свои работы изучению повествовательных форм древнекитайской литературы [傅修延, 2009а; 2009б; 2013]. Он отмечает, что «если западная нарратология вышла из современной лингвистики, то для китайской нарративной теории питательной почвой стала историография» [Фу, 2014, с. 20]. Чжао Ихэн (赵毅衡) подошел к нарратологии с позиций сравнительного литературоведения и в своей монографии «Расстроенный нарратор» (苦恼的叙述者) [Zhao, 1994] исследовал статус

повествователя, отношения между ним и персонажем, а также нарративное время. Дань Шэнь [申单, 1998] представляет иное направление – риторическую нарратологию, ориентированную на диалог с западными концепциями и внесшую существенный вклад в теорию несобственно-прямой речи применительно к китайскому языку, где отсутствие грамматических показателей времени и лица создает особые «смешанные» режимы передачи чужой речи и мысли, не описанные в западной нарратологии [申单, 1998]. Монография Чэнь Пинъюаня «Трансформация нарративных модусов в китайской художественной прозе» (中国小说叙事模式的转变) [陈平原, 1988] стала одной из первых работ, применивших нарратологический инструментарий к анализу перехода от классической к современной китайской литературе, где он показал, как повествовательные стратегии, сложившиеся под влиянием историографической традиции, постепенно уступали место западным моделям – прежде всего в результате переводческой деятельности и прямого усвоения европейских и японских романных форм. Следует также отметить такие самобытные труды как «Сравнительная нарратология» [谭君强, 2022], «Двери в нарратив» [曹文轩, 2003], «Исследование нарративной традиции китайской литературы» [董乃斌, 2012], «Нарратология» [胡亚敏, 2004] и др.

Существенный вклад в изучение китайского нарратива внесли российские ученые, в частности волгоградская лингвистическая школа под руководством О. А. Леонтович. Отметим коллективную монографию «Китайский нарратив как средство осмысления реальности» [2019] под редакцией О. А. Леонтович и Нин Хуайин, в которую вошли исследования китайского повествования в жанрах мифа, притчи, песни, сяншэна, куайбаня и т. д. О. А. Леонтович совместно с Н. Ю. Симоненко разработала методологические основания нарративного анализа как ключевого метода исследования китайских повествовательных жанров, обосновав его продуктивность такими достоинствами, как холистический подход к исследованию текста, многоаспектность его рассмотрения, учет

последовательности событий, внимание к контексту, учет прецедентности и интертекстуальных связей [Леонтович, Симоненко, 2017].

На основании проведенного в данном разделе обзора отечественных и зарубежных исследований в области нарратологии сформулируем следующие положения, составляющие теоретическую базу настоящей диссертации.

1. Нарратология представляет собой междисциплинарную область гуманитарных наук, сформировавшуюся на пересечении лингвистики, литературоведения, семиотики и философии. Ее базовый теоретико-методологический аппарат (разграничение фабулы и сюжета, истории и дискурса, актантные модели персонажей, категории хронотопа, точки зрения и нарративной перспективы), заложенный в трудах Ф. де Соссюра, Р. Якобсона, В. Я. Проппа, М. М. Бахтина, Р. Барта, А. Ж. Греймаса, К. Бремона, Ц. Тодорова, Ж. Женетта, В. Шмида и др., сохраняет свою объяснительную силу при обращении к текстам за пределами художественной литературы, в том числе к историческому нарративу.

2. Нарратив трактуется как универсальная форма осмысления и репрезентации человеческого опыта. Вслед за Р. Бартом, констатирующим вездесущность нарратива во всех областях человеческой коммуникации – от мифа и литературы до журналистики и бытовой речи [Барт, 1987] –, мы рассматриваем его не как сугубо литературную форму, а как универсальный способ структурирования и передачи знаний. Он позволяет упорядочивать события во времени, связывать прошлое и настоящее и тем самым формировать целостную картину действительности. Это положение обосновывает применение нарратологического инструментария к анализу исторических текстов.

3. Нарративный анализ предполагает изучение языковых средств и прагматических маркеров, посредством которых выстраивается повествовательное пространство. В соответствии с якобсоновской моделью функций языка [Якобсон, 1975], нарратологический анализ в нашей работе включает рассмотрение конкретных языковых средств, с помощью которых

авторы исследуемых текстов структурируют повествовательное пространство и транслируют культурные смыслы.

4. Опыт китайской нарратологии [Ян И, 1997; Дань Шэнь, 1998; Фу Сюйянь, 2014] показывает, что категории, выработанные на материале западной литературной традиции, требуют адаптации к нарративам других культур. В частности, утверждение о том, что «для китайской нарративной теории питательной почвой стала историография» [Фу, 2014, с. 20], непосредственно соотносится с задачами настоящего исследования, обращенного к историческим нарративам.

В совокупности данные положения составляют теоретико-методологический фундамент, на основе которого в следующих разделах работы будет последовательно рассмотрена специфика исторического нарратива как особого объекта нарратологического и лингвокультурологического исследования.

1.2 Исторический нарратив как особый тип повествования

В данном разделе диссертации обосновано выделение исторического нарратива в самостоятельный объект научного рассмотрения; определено его место в общей системе текстов нарративного характера; выявлены критерии нарративности исторического текста; установлены признаки, отличающие его от простого описания прошлого и вымышленного повествования.

В последние десятилетия XX в. особую актуальность для гуманитарных наук приобрело сближение интересов исторической науки, лингвистики и литературоведения. Этот поворот в историографии предполагает применение литературных методов анализа к историческим текстам, акцент на интертекстуальных связях, а также изучение моделей повествования и риторических средств, использующихся для выражения пространственных и временных отношений. Данная тенденция наиболее ярко представлена в

работах Х. Уайта [Уайт, 2002] и его последователей, связывающих причины такого значимого поворота с новым способом постановки проблем в историографии, который заключается в смещении акцента с субъекта исторического текста на форму нарративного повествования.

Х. Уайт первым предпринял попытку переосмыслить границы между историей и литературой, разграничить понимание факта и вымысла в произведении, а также отношения к ним читателя [White, 1973]. Им был предложен подход к восприятию прошлой реальности, альтернативный по сравнению с формальной логикой, характерной для аналитической философии истории. По мнению Х. Уайта, историки не просто отбирают события из множества возможных, а организуют их в рамках сюжета, что подразумевает наличие оценочной интерпретации [Уайт, 2002]. Развивая идеи Р. Барта и К. Леви-Стросса, а также изучая вопрос о понятии исторического дискурса, Х. Уайт отмечает, что «повествование об истории» неразрывно связано «с развитием самой истории» [White, 2002. Приводится по: Ашкеров, 2002].

Исследование нарратива как особой формы, которая придает значение и смысл прошлому, а также упорядочивает накопленный материал о былых событиях, стало проводиться во второй половине XX в. в работах А. Данто [2002], П. Рикера [1998], Х. Уайта [2002]. Истоки анализа исторического нарратива содержатся в трудах Ф. Анкерсмита [2003], Р. Барта [Барт, 2000], В. Дильтея [1988], А. Мегилла [2007] и др. В публикациях представителей французской семиотической школы (Р. Барт, Ж. Деррида, Ю. Кристева) акцентируется взаимосвязь текста истории и определенной идеологии, при этом основная прагматическая функция исторических текстов заключается в навязывании адресату определенной картины мира через создание соответствующей текстовой реальности.

Особый интерес для гуманитарного знания представляет сближение интересов исторической науки и литературоведения в последние десятилетия XX в. [см., например, Медушевская, 2008, с. 105] – начале XXI в.. Исследование исторического нарратива затрагивает ряд значимых проблем, к

которым относятся: «статус исторического знания, традиционно характеризуемого как эмпирическое, лишенное теоретичности и нарративное», в противовес объясняющему (аналитическому) [Мишалова, 2012, с. 158], соотношение исторического и литературного повествования, фактуальности и фикциональности [Анкерсмит, 2003; Мишалова, 2012; Стризое, 2012; Сыров, 2020; Barthes, 1981; Genette, 1993; Tlustý, 2017].

Е. В. Мишалова указывает на наличие как узкой, так и широкой интерпретации понятия «исторический нарратив» в контексте современной философии. В узком смысле он рассматривается как «описательно-повествовательное произведение», а в широком – как «когнитивная структура, обеспечивающая осознание и систематизацию окружающего мира в его целостности» [Мишалова, 2012, с. 160]. Е. В. Мишалова считает, что в качестве нарратива может рассматриваться «как отдельное повествование, так и совокупность исторических текстов: хроники, летописи, документы, грамоты, конституции, исторические карты, культурные артефакты, воспринимаемые как сложные знаки или знаковые системы» [Мишалова, 2012, с. 161]. В центре дискуссий, как правило, оказывается вопрос о том, может ли исторический нарратив восприниматься как достоверное научное знание либо как художественное повествование, подобное литературному. Так, А. Л. Стризое оспаривает деление истории на эпистемологическую (объяснительно-фактологическую) и нарративную (объяснительно-интерпретационную и репрезентационную), утверждая, что «исторический текст выступает как специфический способ преобразования информации из исторических источников в научное знание о прошлом, конституируя историю как науку» [Стризое, 2012, с. 172 – 173].

Представляется, что трактовка исторического нарратива с точки зрения лингвистики имеет свою специфику. Сразу оговорим, что в строгом лингвистическом понимании термин «нарратив повествовательного типа», предлагаемый В. Н. Сыровым [Сыров, 2020], тавтологичен, так как нарратив по определению не может быть неповествовательным [Леонтович, Ханова, 2024,

с. 169]. С другой стороны, нарративным является не любой исторический текст, а лишь тот, в котором присутствуют следующие компоненты, выступающие как критерии нарративности: «повествователь /рассказчик; слушатель / читатель; персонажи; последовательность переживаемых ими событий; каузальные отношения между событиями; завершенность сюжета; отношение повествователя к тому, о чем идет речь» [Leontovich, Simonenko, 2017].

В «Большом толковом словаре» понятие «исторический» определяется как: «1) относящийся ко времени, от которого сохранились вещественные памятники быта, культуры и т.п.; 2) относящийся к прошлому того или иного народа; 3) существовавший в действительности; не вымышленный; 4) изображающий, описывающий события или людей прошлого; 5) знаменательный, важный для истории, вошедший в историю; 6) изучающий явления в их последовательном развитии» [Большой толковый словарь, 1998].

Согласно большинству нарративных теорий, основное отличие между литературным и историческим нарративом заключается в разграничении вымысла и фактуальности. Исторический нарррратив ссылается на то, что происходило в действительности, в отличии нарратива фикционального. Как показывает Д. Кон в исследовании “The Distinction of Fiction” [Cohn, 1999], классическая для нарратологии двухуровневая модель «история – дискурс» применима только к художественному повествованию; исторический же нарратив требует третьего, дополнительного уровня – уровня референции, то есть опоры на верифицируемые данные [Cohn, 1999, p. 112]. Именно наличие или отсутствие этого третьего уровня и составляет структурное, формальное отличие исторического повествования от фикционального. На уровне речевых актов Дж. Серль разграничивает два типа дискурса: автор нехудожественного текста «серьезно утверждает» происходящее, тогда как автор художественного – лишь «делает вид, что утверждает» [Searle, 1975]. Дж. Серль, и Х. Уайт считали фикциональный и исторический нарративы формально неразличимыми. Однако Д. Кон возражает против такого подхода,

настаивая на том, что разница между ними носит не только прагматический, но и глубинно структурный характер [Cohn, 1999].

В некоторых моментах историческое описание оказывается близким к художественной интерпретации, когда предполагается необходимость объяснения психологических причин и выявления намерений автора. Историческое описание демонстрирует схожесть с художественной интерпретацией реальности в условиях, когда необходимо прояснение психологических причин и выявление намерений автора текстового материала. Исследователь, подобно автору рассказа, формирует определенный образ действительности и осуществляет контроль над восприятием читателя, применяя определенные стратегии повествования. Устанавливается способ оценки и осознания событий, а также восприятия временных и пространственных аспектов [Рикер, 1998]. Особого внимания заслуживает граница между текстом и событием. По наблюдению А. Эткинда, филологи и историки проводят ее принципиально по-разному: «филологи любят ее пересекать, а историки не любят» [Эткинд, 2001, с. 8]. Для литературоведа текст и есть событие, порождающее новые смыслы и подчиняющее себе восприятие прошлого. Историки же рассматривают реальность как самостоятельный процесс, а текст – лишь как вторичный источник информации об этом движении [Эткинд, 2001, с. 8].

Ф. Р. Анкерсмит выделяет два основных подхода к историческому нарративу: нарративный идеализм и нарративный реализм [Анкерсмит, 2003]. Если в рамках идеализма текст выступает прежде всего, как субъективная языковая интерпретация и презентация прошлого, то нарративный реализм трактует его как «хронологически организованное сообщение, соединяющее время истории и время описания данной истории» [Анкерсмит, 2003]. В нашем исследовании мы опираемся именно на реалистический подход, рассматривая нарратив как комплекс дескриптивных и объясняющих утверждений, связывающих прошлое с настоящим.

Т. ван Дейк [2000] полагает, что все истории повествуют как минимум о двух вещах: во-первых – о людях, во-вторых – о прошлых действиях или событиях. Предпочтительным материалом для любого (в том числе и исторического) рассказа будут интригующие, уникальные события, то есть те, которые имеют значимость и ценность как для нарратора, так и для слушателя. Такого рода повествования о событиях прошлого способны формировать нормы и ценности, на основе которых может производиться оценка исторических событий [ван Дейк, 2000].

Анализ исторического нарратива как особого типа повествования позволяет нам сформулировать следующие выводы.

1. Становление исторического нарратива как самостоятельного объекта лингвистики стало следствием «лингвистического поворота» в историографии во второй половине XX в., сблизившего историю с литературоведением и лингвистикой. Труды Х. Уайта и его последователей доказали, что историческое повествование выводит исследователя за рамки формальной логики аналитической философии. Выстраивание событий в связный сюжет всегда субъективно и неизбежно отражает интерпретацию и оценки самого историка.

2. Основные характеристики исторического нарратива включают принципиальную множественность форм его существования: он может рассматриваться в узком смысле – как отдельное описательно-повествовательное произведение – и в широком – как когнитивная структура, обеспечивающая осознание и систематизацию окружающего мира, охватывающая совокупность разнородных исторических текстов, воспринимаемых как сложные знаковые системы. Статус нарративности применительно к историческому тексту не следует воспринимать как сам собой разумеющийся: нарративным признается не любой исторический текст, а лишь тот, в котором присутствуют повествователь, читатель, персонажи, последовательность переживаемых ими событий, каузальные отношения между событиями, завершенность сюжета и выраженное отношение повествователя к излагаемому.

3. Место исторического нарратива в общей системе нарративных текстов определяется двойственным характером его связи с художественным (литературным) повествованием: с одной стороны, оба типа текста используют сходные нарративные стратегии (организацию событий в сюжет, экспликацию психологических причин и намерений действующих лиц, управление восприятием читателя); с другой стороны, между ними существует принципиальное структурное различие, на которое указывает Д. Кон: в отличие от художественного нарратива, довольствующегося двухуровневой моделью «история – дискурс», исторический нарратив требует дополнительного уровня референции – опоры на верифицируемые данные.

4. Важным для настоящего исследования является разграничение нарративного идеализма и нарративного реализма, предложенное Ф. Р. Анкерсмитом. Нарративный идеализм трактует исторический нарратив как автономную языковую интерпретацию прошлого, не связанную напрямую с самой исторической реальностью. Нарративный реализм, в свою очередь, определяет нарратив как хронологически организованное сообщение, которое соотносит время истории со временем ее описания и сочетает в себе дескриптивные, объяснительные и аргументативные утверждения, связывающие прошлое с настоящим.

5. Для понимания специфики исторического нарратива важно наблюдение Т. ван Дейка, согласно которому любое повествование строится вокруг людей и их действий, причем выбор падает на наиболее значимые и интригующие события. Эта избирательность в сочетании с идеологической обусловленностью текста, о которой писали представители французской семиотической школы (Р. Барт, Ж. Деррида, Ю. Кристева), показывает, что исторический нарратив выполняет не только познавательную, но и ценностно-формирующую функцию. Он задает нормы и критерии оценки прошлого, что обусловливает необходимость анализа его конститутивных признаков во второй главе настоящей работы.

1.3 Понятийный аппарат, методика и материал исследования

Задачи данного раздела – дать определения ключевым понятиям проводимого исследования («нарратив», «событие», «нарратор», «исторический нарратив») и соотнести их с соответствующей терминологией китайского и английского языков, а также описать материал и методы, применяемые в данной работе.

Н а р р а т и в . Большое количество определений нарратива в работах различных ученых свидетельствует о многогранности данного понятия. Как отмечает И. В. Троцук, в современной социологической литературе не существует его однозначной трактовки: «одни авторы предпочитают широкое определение нарратива как метафоры разнообразных форм жизнеописания <…>, другие дают жесткое определение нарратива как истории о специфическом прошлом событии» [Троцук, 2004]. Й. Брокмейер и Р. Харре называют нарратив «формой посредничества» – личным (то, что случилось именно со мной) и общекультурным (то, как подобные истории принято рассказывать в данной культуре): «нарративы действуют как чрезвычайно изменчивые формы посредничества между личностными и обобщенными канонами культуры, то есть являются одновременно моделями мира и моделями собственного “я”» [Брокмейер, Харре, 2000, с. 38].

Нарратив может существовать как в устной, так и в письменной форме. Ж. Женетт определяет его как «представление событий или же последовательности событий, реальных или же вымышленных, при помощи языка и, в частности, при помощи письменного языка» [Genette, 1998]. Многие европейские исследователи (Ж. Женетт, Ц. Тодоров, А. Ж. Греймас) рассматривают преимущественно письменные литературные нарративы, тогда как американские нарратологи уделяют больше внимания устным и разговорным видам; так, У. Лабов определяет нарратив как устный рассказ, обычно от первого лица, о личном впечатлении говорящего [Приводится по: Linde, 1993].

Р. Барт [2000] распространяет данное понятие на любые знаковые системы, способные организовывать события в связное повествование. Он снимает существовавшее прежде ограничение нарратива исключительно словесной формой: нарративными признаками, по его мнению, обладает не только текст, выраженный устно или письменно, но и произведения живописи, комикс, кинематограф [Барт, 2000]. Как мы указывали ранее, Р. Барт подчеркивает, что «повествование <…> может быть выражено при помощи членораздельного языка, устного или письменного, неподвижного или движущегося изображения, жеста или же упорядоченного смешения всех этих субстанций»: оно «присутствует в мифе, легенде, басне, сказке, новелле, эпосе, истории, трагедии, драме, комедии, пантомиме, живописи <…>, витраже, кино, комиксе, светской хронике, разговоре» [Барт, 2000, с. 196–387]. Идею о том, что нарратив является формой дискурса, через которую человек реконструирует и репрезентирует прошлый опыт для себя и других, выдвинул Д. Шифрин [Schiffrin, 1996].

Литературоведы традиционно понимают под нарративом художественный текст, однако к нарративу могут быть отнесены и тексты, выходящие за пределы художественной литературы: бытовые разговоры, дневники, письма, мемуары. Подтверждение этому мы находим в работе Ю. М. Лотмана, отмечавшего, что различные виды повествовательных текстов могут служить основой для различных моделей нарратива [Лотман, 1998]. Поскольку для Ю. М. Лотмана «сюжетный текст» был синонимичен «нарративу», пишет В. И. Тюпа [2001], его рассуждение о «проблеме сюжета» сохраняет актуальность и в современном контексте нарратологических исследований: «Сюжет [нарратив] представляет мощное средство осмысления жизни. Только в результате возникновения повествовательных [нарративных] форм искусства человек научился различать сюжетный [событийный] аспект реальности <…> и организовывать их в упорядоченные цепочки <…> Создавая сюжетные тексты, человек научился различать сюжеты в жизни и, таким образом, истолковывать себе эту жизнь» [Лотман, 1992, с. 106].

Несмотря на разнообразие определений, все они сходятся в том, что в основе нарратива лежат события и их передача от одного человека к другому – от рассказчика к слушателю, от автора к читателю. Расхождения касаются главным образом объема понятия: одни исследователи (Й. Брокмейер, Р. Харре, М. Флудерник) понимают нарратив предельно широко, как универсальный способ осмысления опыта, тогда как другие (У. Лабов, Дж. Принс) задают более формальные критерии. Таким образом, при всем разнообразии подходов нарратив неизменно понимается как организованное, адресованное кому-то повествование о событиях, различающееся лишь степенью строгости и широтой охватываемого материала.

В настоящей работе мы будем опираться на определение нарратива, выведенное Н. Ю. Симоненко на основе трудов Ц. Тодорова [1969], Ю. М. Лотмана [1998], Ж. Женетта [1998], О. Шпенглера [1998], В. Шмида [Шмид, 2003] и др.: «нарратив – это структурированный текст, в основе которого лежит некоторая история, состоящая из упорядоченного, логически выстроенного набора событий; такой текст всегда включает в себя эмоциональную составляющую и предлагает читателю множественный выбор интерпретаций» [Симоненко, 2015, с. 26]. Термин «повествование» используется нами как синоним термина «нарратив», преимущественно в стилистических целях.

Критерии отнесения текста к числу нарративных имеют принципиальное значение для настоящего исследования. Вслед за И. П. Ильиным [2001], М. Яном [2005] и О. А. Леонтович [2011], мы считаем такими критериями наличие в нем повествователя (автора); слушателя/читателя; персонажей; последовательности событий, переживаемых персонажами; каузальных отношений между событиями; завершенности сюжета; отношения повествователя к тому, о чем идет речь; изображаемого (реального либо вымышленного) мира и эстетического содержания.

С о б ы т и е . Стержнем повествовательного текста являются события [Шмид, 2003, с. 14], которые исследователи трактуют как «элементарные

нарративные последовательности» [Бремон, 1972], «изменения состояния» [Шмид, 2003; Андреева, 2006] или минимальные нарративные единицы [Томашевский, 1925, с. 181–182]. События могут быть разделены на статические (состояния и свойства) и динамические (действия персонажей, явления и процессы); последние, в свою очередь, подразделяются на намеренные (действия персонажей) и ненамеренные (явления и процессы) [приводится по: Симоненко, 2015].

Ю. М. Лотман определяет событие как «перемещение персонажа через границу семантического поля» или как «пересечение запрещающей границы» [Лотман, 2005, с. 254]. В. Шмид указывает, что эта граница может быть топографической, прагматической, этической, психологической или познавательной [Шмид, 2003]. Условиями существования события являются его фактичность (наличие реальных изменений в ментальном или фиктивном мире) и результативность, то есть завершенность к моменту окончания наррации [Тамарченко, 2001, с. 171; Шмид, 2003, с. 15]. О. Б. Гацуляк отмечает, что событие представляет собой «герменевтический конструкт для преобразования недифференцированного континуума сырых данных опыта <…> в вербальные структуры, которые мы используем для того, чтобы говорить об опыте в наших повествованиях и таким образом его осмысливать» [Гацуляк, 2011, с. 59].

В настоящем исследовании событийность рассматривается как один из конститутивных признаков исторического нарратива (см. раздел 2.4 настоящей работы), реализующийся в текстах о Великом шелковом пути в форме военных столкновений, дипломатических миссий, миграций и торговых обменов.

Н а р р а т о р . Как указывает В. Шмид, в западном литературоведении нарратором «принято называть адресанта фиктивной нарраторской коммуникации» [Шмид, 2003, с. 63]. М. Ян определяет нарратора как «говорящего», или «голос нарративного дискурса», который «создает коммуникативный контакт с адресатом (аудиторией) <…> решает, что и как поместить в

повествование, а что опустить» [Jahn, 2005, N3.1.1]. Ю. Марголин уточняет, что нарратор представляет собой внутритекстовую позицию высшего уровня, откуда текущий нарративный дискурс берет начало и откуда даются отсылки к описываемым действиям и событиям [Margolin, 1989, p. 1–24].

В русском литературоведении понятия «повествователь» и «рассказчик» отражают разные стороны западного термина «нарратор»: повествователь, как правило, имплицитен и повествует историю от третьего лица, тогда как рассказчик эксплицитен и присутствует в истории, если повествование ведется от первого лица [Хализев, 1988, с. 236; Корман, 1972, с. 33–34. Приводится по: Шмид, 2003, с. 64]. В настоящей работе мы используем термин «нарратор» как ведущий, а термины «повествователь» и «рассказчик» – как его синонимы, к которым мы прибегаем в стилистических целях [приводится по: Симоненко, 2015]. Применительно к историческому нарративу о Великом шелковом пути функцию нарратора может выполнять как автор текста (историк, путешественник, мемуарист), так и обезличенный «голос» историографического или медийного источника (официальная хроника, новостная публикация), не сводимый к конкретному индивидуальному автору.

И с т о р и ч е с к и й н а р р а т и в . Центральным для настоящего исследования является понятие исторического нарратива, требующее отдельного терминологического уточнения. А. Данто определяет исторический нарратив как «способ организации прошлого во временные целостности, структуру, налагаемую на события и объединяющую их в соответствии с некоторым критерием значимости» [Данто, 2002]. Х. Уайт существенно расширяет данное понимание, включая в структуру исторического нарратива элемент интриги и подчеркивая, что историки, подобно романистам, пользуются литературными конструкциями – тропами и сюжетными формами – при построении повествования о прошлом [Уайт, 2002]. В. Шмид определяет нарратив как рассказ об истории, для которой конститутивно наличие события – трансформации объекта повествования [Шмид, 2003, с. 13]; применительно к историческому материалу это означает, что исторический

нарратив организуется вокруг значимых, необратимых изменений исторического мира.

Е. В. Мишалова трактует исторический нарратив как «отдельно взятое историческое повествование», форму «организации и репрезентации исторического знания» [Мишалова, 2012]. Согласно П. Рикеру, историческое повествование не просто фиксирует прошлое, а «конфигурирует» его, превращая разрозненные события в связную интригу (*mise en intrigue*), тем самым делая время «человеческим» [Рикер, 1998, 2000]. В. И. Тюпа подчеркивает, что событие в историческом нарративе, как и в нарративе художественном, приобретает завершенный смысл только через структуру рассказа с выделением начала, развития и завершения [Тюпа, 2021].

Опираясь на приведенные определения, в настоящей работе мы понимаем под историческим нарративом вербально организованное повествование о прошлых событиях, которое: (а) претендует на референциальную соотнесенность с реально имевшими место историческими событиями, в отличие от вымышленного мира художественного нарратива; (б) организует эти события в связную, хронологически и/или каузально упорядоченную структуру, обладающую началом, развитием и завершением; (в) неизбежно опосредовано интерпретирующей позицией нарратора (историка, мемуариста, журналиста, автора художественного произведения на историческую тему), обусловленной культурно-историческим и идеологическим контекстом его создания. Данное рабочее определение служит основой для выделения и последующего анализа конститутивных признаков исторического нарратива о Великом шелковом пути, рассматриваемых во второй главе настоящей диссертации.

Поскольку материалом настоящего исследования являются исторические нарративы на китайском, русском и английском языках, необходимо установить соответствия между терминологическими системами данных языков.

В китайском языке нарратология, или теория повествования, обозначается двумя терминами: 叙事学 “xùshìxué” (学 – наука + 叙事 – изложение дела) или 叙述学 “xùshùxué” (学 – наука + 叙述 – излагать, пересказывать); оба термина могут быть переведены как «наука о повествовании», что отражает общую тенденцию в китайском языке, при которой иностранное понятие передается калькированием с помощью исконно китайских морфем [Симоненко, 2015]. Термин «нарратор» имеет в китайском языке несколько вариантов: в лингвистике и нарратологии – 叙述人称 (досл. «повествующее лицо»); в литературоведении – 讲述者 («рассказчик», досл. «тот, кто рассказывает»); применительно к нарратору, имперсонифицированному исполнителем произведения, – 说书的, 说书人, 说书先生 (для древнего и традиционного сказителя) [罗钢, 1994; Симоненко, 2015]. Понятие «исторический нарратив» соотносится в китайской традиции с термином 历史叙事 (lìshǐ xùshì, буквально «историческое изложение дела»), тесно связанным с термином 史学 (историография, «наука об истории») и восходящем к историографической традиции «Ши цзи» (史记) Сыма Цяня.

В англоязычной научной традиции базовыми терминами являются *narrative* (нарратив), *narrator* (нарратор), *event* (событие), *historical narrative* (исторический нарратив), а также *narrative turn* («нарративный поворот»)– обозначение методологического сдвига гуманитарных наук к пониманию повествования как универсального способа осмысления опыта.

Комплексная методика диссертационного исследования включала метод целенаправленной выборки, дефиниционный анализ, нарративный анализ, элементы дискурс-анализа, контекстуальный, стилистический и лингвокультурологический методы и прием количественных подсчетов.

Сбор материала осуществлялся в соответствии с *методом целенаправленной выборки*. На первом этапе производился отбор всех

доступных текстов историографического, научно-популярного, художественного и медийного характера, посвященных Великому шелковому пути, на трех исследуемых языках. На втором этапе из корпуса текстов отбирались те, которые отвечают сформулированным выше критериям исторического нарратива. Данный двухэтапный отбор позволил обеспечить как репрезентативность корпуса относительно многообразия жанров и языковых традиций, так и его методологическую однородность с точки зрения нарративного анализа. Применение целенаправленной выборки позволило создать систематизированную базу источников, отражающую эволюцию взглядов на Великий шелковый путь – от древних историографических источников до современных политических интерпретаций – и позволяющую проследить, как культурный обмен, торговые контакты и миграционные процессы, происходившие на протяжении более двух тысячелетий, получают различную репрезентацию в русской, английской и китайской лингвокультурах. Особое место в выборке занимают тексты, связанные с китайской инициативой «Один пояс – один путь» (一带一路), выдвинутой председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. как программа создания «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Включение данных текстов в материал исследования обусловлено тем, что инициатива сознательно конструируется ее инициаторами как прямое продолжение и историческое возрождение древнего трансконтинентального маршрута.

Дефиниционный анализ используется в настоящей работе для определения ключевых понятий работы, формулирования понятийного аппарата и выявления значений единиц, составляющих практический материал исследования.

В качестве ключевого метода исследования выступает *нарративный анализ*, направленный на структурно-содержательную характеристику повествования о внешних и внутренних изменениях, преломляющуюся через образ рассказчика [Леонтович, 2011, с. 101].

Дискурс-анализ применяется для изучения исторических нарративов о Великом шелковом пути в широком социокультурном и экстралингвистическом контексте. Мы используем данный метод для выявления того, как именно языковые средства создают историческую реальность, отражают специфику межкультурного взаимодействия в пространстве Великого шелкового пути и транслируют авторские интенции.

Контекстуальный метод используется для выявления структурно-семантических характеристик языковых единиц и определения специфики их функционирования в дискурсивном пространстве исторических нарративов о Великом шелковом пути.

Стилистический метод применяется для выявления и описания экспрессивных, эмоционально-оценочных и образных средств языка, формирующих индивидуальный авторский стиль исследуемых текстов.

Лингвокультурологический метод служит для выявления реализуемых в тексте культурно обусловленных смыслов. В данной работе этот метод выступает эффективным инструментом для анализа топонимов, этнонимов и прецедентных имен, обеспечивая доступ к их внутренней форме и культурно-историческому фону.

Прием количественных подсчетов предназначен для установления частотности и удельного веса языковых маркеров конститутивных признаков исторического нарратива в текстах на разных языках, а также для подведения итогов исследования.

1.4 Историческая значимость и лингвокульторологическая ценность нарративов о Великом шелковом пути

С давних времен путешествия и торговля связывали между собой разные цивилизации. Благодаря этим контактам народы не просто обменивались товарами, но и перенимали традиции друг друга, учились новому и меняли

свой взгляд на мир. Главную роль в этих процессах играли караванные дороги, самым известным из которых являлся Великий шелковый путь (丝绸之路) – трансконтинентальная магистраль, действовавшая с конца II в. до н.э. до начала XVI в., по которой шла торговля между Китаем, евразийскими степями, Средней Азией, Индией, Передним Востоком и Европой: Византией, Венецией и др. [Кузьмина, 2010, с. 8]. До Шелкового пути в Центральной Азии уже существовали другие торговые маршруты – «лазуритовый», «нефритовый», «золотой», «серебряный» и «янтарный». Однако именно Великий шелковый путь сыграл ключевую роль в истории, объединив все эти древние дороги в единую глобальную сеть [Хошимов, 2005] (см. Приложение 1, нарратив 1).

Жизнь на протяжении Шелкового пути всегда была бурной: там строились и рушились империи, велись войны и совершались кочевые набеги. Как показывает М. В. Соколова, китайская цивилизация, возникшая в середине II тысячелетия до н.э. в бассейне реки Хуанхэ, с самого начала стремилась расширять свои границы [Соколова, 2002]. Китайцы активно осваивали не только ближние моря, но и выходили в Тихий океан. По мнению И. Л. Беккера [Беккер, 2006], они отправлялись в путь по разным причинам: ради выгоды и заработка (деловые и купеческие поездки); чтобы изучить и понять мир (научные экспедиции); для учебы и получения образования; с целью изменить и обустроить мир вокруг себя; ради духовного поиска и самосовершенствования (паломничество); ради отдыха и поправки здоровья; ради общения и налаживания связей с другими народами [Там же].

Одним из первых китайских первопроходцев во II в. до н.э. стал Чжан Цянь (张骞) – высокопоставленный придворный императора. Осуществляя масштабные перемещения по долгу службы, он совмещал функции дипломата, первопроходца и государственного эмиссара. В современной историографии его деятельность нередко интерпретируется в терминах военно-политического шпионажа и стратегической разведки. Ключевая заслуга Чжан Цяня заключалась в том, что он впервые осуществил системный сбор верифицируемых

данных о природно-ресурсном потенциале сопредельных государств, специфике их социально-политического устройства, а также узнал о большом интересе представителей других народов к продуктам китайского ремесленного производства, в особенности к шелку.

Официальное открытие Шелкового пути как регулярной трансконтинентальной магистрали традиционно связывается с моментом возвращения Чжан Цяня из его драматического многолетнего путешествия по Центральной Азии. Вернувшись в Поднебесную, он представил ханьскому императору У-ди (汉武帝, 140–87 гг. до н.э.) детальный устный и письменный доклад о существовании развитых цивилизаций за пределами традиционных китайских рубежей. Нарративы Чжан Цяня об экономическом богатстве государств Запада и их высокой потребности в китайском импорте оказали важное воздействие на императора. Правитель У-ди, мотивированный полученными сведениями о западных землях, принял стратегическое решение о необходимости прокладывания транзитных дорог и установления прочных, регулярных связей со Средней Азией и Индией. Это послужило отправной точкой для культурного, социального и экономического изменения всей азиатско-европейской геополитической системы [Ахметшин, 2002; Лубо-Лесниченко, 2004; Негматов, 1998; Петров, 1995]. Великий шелковый путь не мог работать сам по себе – его судьба зависела от большой политики и стабильности в регионе. Чтобы торговцы могли спокойно перевозить товары на огромные расстояния, была нужна либо одна мощная империя, способная защитить всю дорогу от разбойников, либо мирный «раздел сфер влияния» между крупными державами, которые гарантировали безопасность на своих участках [Латов, 2010].

Торговля на Шелковом пути шла волнообразно. А. С. Малков выделяет три магистральные исторические эпохи наивысшего расцвета евразийского движения товаропотоков: а) с II в. до н.э. по II в. н.э., б) с VII по X вв. и в) с XIII по XIV вв. Именно в эти периоды трансевразийская торговля работала на полную мощность [Малков, 2005]. Каждая из этих хронологических вех

определялась исходом борьбы евразийских держав за доминирование вдоль караванных трасс. Объединение столь протяженного географического пространства в рамках единой системы представляло собой задачу колоссальной сложности. Тем не менее, исторический нарратив фиксирует редкие периоды моноцентрического контроля над магистралью. Так, в VI в. Тюркский каганат (突厥汗国) объединил Среднюю Азию, но его правление было недолгим. После его распада кочевники могли контролировать лишь отдельные небольшие участки дорог [Малков, 2005; Латов, 2010]. В течение последующих полутора столетий стратегическую инициативу перехватила китайская империя Тан (唐朝). После долгих войн с кочевниками китайцы взяли под контроль почти всю Среднюю Азию, включая Самарканд и Бухару. Именно танский период по праву определяется в историографии как «золотой век» трансевразийской коммерции. Конец этой эпохе положило трагическое геополитическое событие VIII в. – Таласская битва (751 г.), в которой объединенное китайское войско потерпело поражение от арабских армий. Китай потерял контроль над Средней Азией, дороги снова стали опасными, и торговля поутихла [Лубо-Лесниченко, 1994; Латов, 2010]. Позже, в XIII в., безопасность на всем пути снова установилась благодаря империи Чингисхана, а в XIV в. контроль перешел к государству Тамерлана (Тимура), который сделал главным торговым узлом свою столицу Самарканд: «захватив Астрахань и город Сарай, он разграбил эти города, и торговля на этом отрезке пришла в упадок <…> вновь ожили торговые пути, которые тянулись через Отрар, Самарканд, Балх, Герат <…>» [Докашева, 2021, с. 95].

Нарративы о Великом шелковом пути содержат подробные сведения о товарах, каждый из которых был не просто предметом торговли, но и знаком своей культуры. Главным и самым ценным из них являлся шелк. Он обладал идеальным для далеких путешествий сочетанием: весил очень мало, а стоил невероятно дорого. Именно это делало его транспортировку караванами через пустыни и горы максимально выгодной. Высочайшая ценность и дороговизна

превратили шелк в универсальный эквивалент валюты, средство уплаты налогов и маркер элитарного статуса в евразийских обществах [Докашева, 2020; Кузьмина, 2010; Хошимов, 2005; Frankopan, 2015; Hansen, 2012; Liu, 2023].

Е. И. Лубо-Лесниченко отмечал, что существовал встречный поток товаров из Центральной и Юго-Западной Азии, который коренным образом изменил материальную культуру самого Китая [Лубо-Лесниченко, 1994]. Огромное впечатление на жителей Поднебесной произвели ковры и узорчатые шерстяные покрывала. До контакта с народами Центральной Азии китайская технологическая традиция не была знакома с продвинутыми техниками обработки шерсти и ковроделия. Археологические находки фрагментов роскошных шерстяных тканей и ковров в погребениях Восточного Туркестана позволяют современным исследователям по достоинству оценить высокие художественные характеристики и эстетические достоинства средиземноморских и переднеазиатских текстильных изделий, проникавших на Восток [Там же. С. 260]. Еще одним важнейшим товаром была бумага. Китай долго хранил секрет ее создания, но в VIII веке самаркандские мастера переняли эту технологию и открыли собственное производство. Уже оттуда бумага попала на Запад, со временем полностью вытеснив дорогой пергамент и хрупкий папирус [Петров, 1995, с. 70]. Также огромным спросом в Европе пользовался китайский фарфор. О нем даже ходили легенды: люди верили, что фарфоровый бокал расколется или изменит цвет, если в него налить яд.

Преодоление гигантских пространств Шелкового пути требовало от купцов, миссионеров, путешественников специфических форм социальной организации. Из-за колоссальных физических трудностей, климатических угроз и экстремальных финансовых расходов купцы практически никогда не совершали путешествия в одиночку. Торговцы осознанно шли на смертельный риск, поскольку маршруты изобиловали разбойными нападениями, бродячими бандами и природными катаклизмами, однако прагматичное стремление к извлечению сверхприбыли и коммерческой выгоды оказывалось сильнее страха смерти. Для минимизации рисков формировались масштабные,

тщательно снаряженные караваны, состоявшие из сотен верблюдов и лошадей. Все они доходили до города Дуньхуан (敦煌), после которого дорога разделялась на два маршрута: первый шел на юг через Хотан в Кашгар, а второй – на север через Турфан и Кучу в тот же Кашгар. Из Кашгара караваны переваливали через суровые горы Тянь-Шань и спускались в Среднюю Азию. Как правило, ни китайские, ни европейские купцы не проходили весь Шелковый путь от начала до конца. Они встречались в Средней Азии и просто перепродавали товары местным торговцам-посредникам [Hansen, 2012].

Из Средней Азии пути расходились по трем направлениям: на Русь (в Новгород, Киев, Москву); через Афганистан в Индию; в Багдад и к Средиземному морю, откуда на кораблях товары везли в Италию и Египет. Важнейшим инфраструктурным дополнением к сухопутным трассам служили великие китайские реки Хуанхэ и Янцзы, формировавшие разветвленную сеть водных путей сообщения, которые интегрировали внутренние производственные провинции Китая с международными караванными терминалами [Петров, 1995]. Письменные источники подтверждают, что ключевыми центрами межкультурного взаимодействия на Шелковом пути были Самарканд и Бухара. Эти города служили узлами не только товарного обмена, но и активного распространения научных, религиозных и культурных знаний. В частности, благодаря Шелковому пути произошел трансфер сельскохозяйственных культур из Античного мира и с Ближнего Востока в Китай: регион Поднебесной обогатился виноградом, фасолью, гранатом, финиками, шафраном, люцерной и другими агрокультурами.

Как подчеркивает А. М. Петров, ключевую роль в международном обмене играл транзит медицинских трактатов, алхимических рецептов и фармакологических средств [Петров, 1995]. В Индии, Византии и Южной Азии накопился богатый опыт применения пряностей в медицинских целях: восточные врачи успешно использовали черный перец, корицу, имбирь и алоэ для лечения тяжелых заболеваний (например, астмы и мигрени). Это вызвало

высокий практический и научный интерес к восточным пряностям со стороны европейской медицины. Историк В. В. Бартольд писал, что это сотрудничество помогло народам Центральной Азии развить свою культуру. Например, таджики научились у китайцев делать шелк и работать с золотом и серебром, а китайцы, в свою очередь, переняли у них навыки садоводства и выращивания хлопка [Бартольд, 1964]. Наглядным маркером этого взаимодействия служит мощный пласт китайских, согдийских, персидских и греческих лексических заимствований, обнаруживаемый в языках народов Центральной Азии (в частности, в таджикском языке). Великий шелковый путь стимулировал регулярный обмен духовными ценностями. Он привлекал не только торговцев, но и ремесленников, художников и каллиграфов, которые распространяли свои традиции.

Таким образом, Великий шелковый путь представлял собой систему караванных дорог, функционировавших на протяжении многих веков – с конца II в. до н.э. – до начала XVI в., по которым доставлялись самые разные товары. Именно в период Великого шелкового пути получили развитие и распространение самые крупные мировые религии: христианство, буддизм, мусульманство.

Великий шелковый путь дошел до нас не только в виде археологических находок, но и в виде огромного корпуса исторических повествований (нарративов). Лингвокультурологическая ценность нарративов о Великом шелковом пути заключается в их способности транслировать специфические культурные коды и концепты. Необходимо установить, как именно нарративная форма организует исторический материал и какое воздействие она оказывает на читателя. В связи с этим в следующем разделе будут детально рассмотрены ключевые функции исторического повествования.

1.5 Функциональные характеристики исторического нарратива

Исследование функциональности нарратива опирается на междисциплинарный фундамент, сформированный в рамках структурализма, лингвистики и нарративной психологии. Ж. Женетт в работе “Figures III” [1972] систематизировал ключевые функции нарратива. Он выделил повествовательную (референтную) функцию, отвечающую за собственно изложение событий; директивную функцию, связанную с организацией текста и управлением вниманием читателя; контактоустанавливающую функцию, способную обеспечивать связь между рассказчиком и адресатом повествования; удостоверительную функцию, выражающую отношение рассказчика к достоверности собственного текста и источникам информации; и идеологическую (экспликативную) функцию, которая реализуется через оценку описываемых событий [Там же].

Значительный вклад в изучение коммуникативных функций текста внес Р. Якобсон, разработавший модель речевого акта. В рамках данной модели выделяются: эмотивная функция, выражающая отношение говорящего к предмету высказывания; конативная функция, ориентированная на адресата и направленная на достижение определенной реакции с его стороны; референтивная функция, отвечающая за передачу информации о внешнем мире; фатическая функция, обеспечивающая поддержание контакта между текстом и читателем; метаязыковая функция, связанная с пояснением используемых в повествовании кодов; и поэтическая функция, отвечающая за форму, стиль и ритм самого сообщения [Якобсон, 1975].

Учитывая специфику исследуемого типа повествования и опираясь на проанализированный нами материал, мы посчитали возможным предложить собственную классификацию функций исторического нарратива, которая рассматривается ниже.

У п о р я д о ч и в а ю щ а я ф у н к ц и я играет ключевую роль при создании осмысленного повествования. Она нацелена на организацию и

структурирование информации о передаваемых событиях. Благодаря данной функции автор логически выстраивает текст нарратива, делает описываемые события более понятными для адресата, преподносит их не просто как перечисление фактов, а вкладывает в них особый смысл. Это помогает читателю отслеживать развитие сюжета, сопоставлять соотношение событий во времени и пространстве, устанавливать причинно-следственные связи и временные рамки повествования. В результате содержание нарратива воспринимается как связный текст, а не набор разрозненных фактов.

Трансформирующая функция заключается в том, что нарратор способен видоизменять представления и ценностные ориентиры адресата, восприятие им исторических событий и позволяет взглянуть на них под иным углом зрения. Нарратив не просто преподносит информацию, он создает базу для последующего формирования отношения к фактам и событиям. Посредством данной функции автор акцентирует значимость одних событий по сравнению с другими, очерчивает границы «своих» – «чужих», а также закладывает возможные основы для самопозиционирования адресата в социальной среде.

Информативная функция исторического нарратива, как следует из ее названия, заключается в передаче определенных сведений, опыта, знаний и т. п. Нарративы сообщают читателю факты о мире в целом, истории, культуре народа и т. п. Создание широкого контекста влияет на восприятие адресата, это особенно важно в условиях «информационной перегрузки». Сложные исторические концепции передаются более доступно, нежели через абстрактные рассуждения. Неоднозначные ситуации показываются с разных точек зрения и легче запоминаются.

Дидактическая функция восходит к античному топосу *historia magistra vitae* («история – учительница жизни»), сформулированному Цицероном в его трактате «Об ораторе» и подробно проанализированному Р. Козеллеком применительно к трансформации исторического сознания в эпоху модерна [Koselleck, 2004]. Суть дидактической функции состоит в том,

что автор исторического нарратива извлекает из описываемых событий урок, прецедент или назидание, значимые для адресата. В отличие от вышеописанных функций, она направлена на выработку конкретного практического или морально-этического знания, извлекаемого из прошлого опыта. Исторический нарратив предлагает читателю аналогии между прошлым и настоящим, позволяет прогнозировать развитие событий, избегать повторения ошибок. Он формирует модели «правильного» и «неправильного» поведения через позитивные (*exempla virtutis*) и предостерегающие (*exempla mala*) примеры, заложенные в описании деятельности исторических персонажей, задает образцы для подражания или избегания, дает обоснование морально-этических норм и ценностей через отсылку к историческому прошлому [Koselleck, 2004].

К о м м е м о р а т и в н а я ф у н к ц и я заключается в сохранении и трансляции коллективной культурно-исторической памяти сообщества от одного поколения к другому. Обращение к данной функции опирается на теорию культурной памяти Я. Ассмана, определяющего ее как «совокупность повторно используемого текстового, изобразительного и ритуального материала», которая обеспечивает сохранение идентичности сообщества «через поколения» [Ассман, 2004, с. 54], а также на концепцию «мест памяти» П. Нора, понимающего под ними значимые для коллективной идентичности объекты, тексты и символы, вокруг которых кристаллизуется историческая память сообщества [Нора, 1999]. Автор исторического нарратива выступает в этом случае не столько интерпретатором или систематизатором событий, сколько хранителем и ретранслятором памяти, противодействующим ее забвению. Посредством этой функции происходит закрепление «мест памяти» – реальных (архитектурные памятники, музейные экспозиции) и символических (устойчивые образы, топонимы, прецедентные имена) – как опорных точек коллективной идентичности; формирование «канона» исторических событий и персоналий, обязательных для культурной трансляции.

У б е ж д а ю щ а я ф у н к ц и я тесно связана с информативной и осуществляется в совокупности с ней, поскольку, передавая информацию,

автор нарратива одновременно стремится убедить адресата в истинности и значимости своей трактовки. Данная функция реализуется посредством эмоционального вовлечения адресата в восприятие повествования (как правило, истории, которые затрагивают чувства человека, вызывают у него более сильный эмоциональный отклик) и создания доверия к тому, о чем повествуется (например, путем включения в нарратив фактов из личного опыта рассказчика). Через нарратив имплицитно транслируются определенные ценности, моральные принципы и убеждения, формируется чувство сопричастности к происходящему и, как результат, осознание собственной национальной идентичности. В целом, данная функция нарратива направлена на убеждение адресата в правильности точки зрения, продвигаемой нарратором.

Развлекательная функция. Интересная история всегда притягивает внимание к описываемым событиям. Эта функция реализуется за счет вовлечения читателя в динамичный сюжет: погружаясь в исторический контекст, адресат отвлекается от повседневности. Кроме того, увлекательный нарратив расширяет кругозор и активизирует воображение, побуждая мысленно переживать и моделировать новые для себя ситуации.

Функция переключения внимания тесно связана с развлекательной: захватывающий сюжет позволяет читателю отвлечься от повседневной рутины. Однако у этой функции есть и вторая, прагматическая сторона – смещение фокуса. Автор может намеренно уводить внимание аудитории от одних событий, чтобы сконцентрировать его на других, более актуальных. Используя исторические параллели и образы прошлого, нарратор проецирует их на современность. Это позволяет ему либо предлагать решения текущих проблем, либо манипулировать общественным мнением в зависимости от политической обстановки.

Таким образом, исторический нарратив полифункционален, при этом все его функции тесно взаимосвязаны. Упорядочивающая функция создает связную структуру текста, что позволяет трансформировать представления адресата. Информативная функция служит для сообщения фактических

данных, на основе которых дидактическая функция формирует морально-этическое знание, извлекаемое из прошлого опыта, а коммеморативная закрепляет исторические события в коллективной памяти. В свою очередь, убеждающая функция формирует доверие к авторской трактовке, развлекательная удерживает интерес адресата, а функция переключения внимания позволяет направлять внимание аудитории на проблемы современности или манипулировать общественным мнением.

1.6 Жанровая парадигма исторического нарратива

В данном разделе мы рассмотрим жанры исторического нарратива и определим их специфику. Каждый из выделяемых жанров рассматривается на материале нарративов о Великом шелковом пути на русском, английском и китайском языках, а общетеоретические положения о жанре как таковом привлекаются с целью объяснить специфику конкретных жанровых реализаций интересующего нас феномена.

Жанровая парадигма исторических нарративов о Шелковом пути характеризуется существенной вариативностью: она объединяет как строго документальные, конвенционально организованные жанры, так и те, которые допускают значительную долю художественного вымысла и индивидуально-авторской интерпретации. Поскольку исчерпывающая инвентаризация всех форм нарративов едва ли достижима, мы отдаем себе отчет в том, что предложенный перечень может быть расширен.

Историческая литература представляет собой сложное поле, в пределах которого взаимодействуют различные формы и жанры, создающие уникальные повествовательные структуры, описывающие и интерпретирующие события и факты прошлого. Основы современной теории жанра заложены М. М. Бахтиным, разграничившим первичные (простые) и вторичные (сложные) речевые жанры. Первичные жанры, по М. М. Бахтину,

складываются в условиях непосредственного речевого общения – это реплики бытового диалога, письма, устные рассказы; вторичные же жанры (роман, научное исследование, крупные публицистические формы) возникают в условиях более сложного, преимущественно письменного культурного общения и в процессе своего формирования вбирают в себя и перерабатывают первичные жанры, которые при этом утрачивают непосредственную связь с реальной бытовой действительностью и входят в текст уже не как самостоятельные высказывания, а как элемент художественного целого [Бахтин, 1996, с. 161–162]. В контексте исторического нарратива это означает, что даже такие первичные формы, как личные письма или устные воспоминания очевидцев, теряют свою автономность при попадании в летопись, мемуары или роман. Оказываясь внутри сложного произведения, они подчиняются законам этого вторичного жанра.

По определению В. В. Дементьева, речевой жанр есть «относительно устойчивая тематическая, композиционная и стилистическая форма высказывания», складывающаяся в типических ситуациях общения и закрепляющая определенные коммуникативные намерения [Дементьев, 2010, с. 54]. Развивая бахтинскую дихотомию, В. В. Дементьев разграничивает жанры по оси жесткости/свободы формализации: жестко стандартизированные жанры (официальная хроника, научная статья) подчиняются строгим конвенциональным нормам, тогда как «свободные» жанры (эссе, мемуары, художественная проза) допускают значительную вариативность и индивидуальное отступление от образца [Дементьев, 2010, с. 197–213]. Данное разграничение является рабочим для всего последующего изложения настоящего раздела.

А. Г. Баранов предлагает более дробную классификацию речевых жанров, в которой ключевым остается деление на первичные и вторичные, но каждое из них дополнительно делится на простые и сложные разновидности: простые первичные жанры сближаются с отдельными речевыми актами, сложные первичные – с целым диалогическим текстом; простые вторичные

жанры – это элементарные функционально-смысловые типы речи (описание, повествование), а сложные вторичные жанры представляют собой тексты, включающие в себя другие, более простые речевые жанры в переработанном, трансформированном виде [Баранов, 1997, с. 8]. Данная детализация показывает, что жанровая система устроена как многоуровневая иерархия, в которой более крупные жанры включают в себя более мелкие жанры в переработанном виде.

Жанры исторического нарратива представлены текстами разной структурно-семантической, тематической и функциональной направленности. В них разным образом сочетаются исторические факты, личные переживания автора, художественная интерпретация событий, создавая различные по своей природе изображения прошлого. Каждый из жанров исторического нарратива предлагает читателю уникальную перспективу изучения прошлого и осмысления исторического опыта, способствуя глубокому пониманию не только самих событий, но и их влияния на современность.

Проведенный нами анализ нарративов о Великом шелковом пути позволил выделить следующие жанры исторического нарратива: 1) письменные жанры: летопись, историческая хроника, мемуары, путевой дневник, исторический роман, историческая повесть, историческое нарративное эссе, научная статья (монография) на историческую тему; 2) исполняемые жанры: нарративные песни, эпос, пьесы, оперы, балет, кинофильмы; 3) жанры изобразительного искусства: картины, фрески, скульптура; 4) креолизованные медиажанры современности: исторические комиксы и компьютерные игры.

Прежде чем перейти к последовательной характеристике каждого жанра, необходимо оговорить методологический принцип, использованный при сопоставлении жанровых систем разных лингвокультур. Наименования жанров, используемые в русской и, шире, в европейской филологической традиции, не всегда имеют точные терминологические аналоги в китайском языке. Так, функциональным соответствием русскому термину «летопись» в

китайской традиции является термин 编年史 («история по годам»), обозначающий погодную хронографию, тогда как жанр, к которому относится, в частности, труд «Ши цзи» Сыма Цяня, в китайском литературоведении обозначается более специфичным термином 纪传体 («жанр анналов и жизнеописаний») [方, 2013]. Работа историографа династии Хань, писателя и астронома описывает историю Китая от мифических родоначальников и до современных Сыма Цяню времен. Термину «мемуары» в общем виде соответствует китайское 回忆录, «историческому роману» – 历史小说, «исторической повести» – 历史中篇小说, «историческому эссе» – 历史散文, «научной статье» – 学术论. Предлагаемая ниже жанровая систематизация не претендует на попытку установления полного тождества жанровых систем русской, английской и китайской лингвокультур.

Летопись (编年史 / 纪传体) – это тип текста, в котором происходящие и, как правило, важные события фиксируются по годам. В типологии В. В. Дементьева летопись относится к категории вторичных жанров жесткой формализации: она обладает устойчивой схемой речевых действий (датировка, фиксация события, краткая оценка), строго регламентированным стилем и конвенциональной системой отбора нарративно значимых событий [Дементьев, 2010, с. 161–166]. Исследованию летописи как жанра посвящены работы Д. С. Лихачева [1991], А. А. Пауткина [2003], Т. Н. Трубецкого [1995], А. М. Ранчина [2019] и др. Основной отличительной чертой летописи является изложение произошедших исторических событий в строго хронологическом порядке; В. В. Кусков называет такое изложение «погодным изложением» [2008] – этот термин отражает именно погодный (не от слова «погода», а «по годам») принцип организации летописного текста: последовательную запись событий год за годом.

Различают летопись лаконичную, фиксирующую важные исторические события, и развернутую, содержащую как описание событий, так и их результатов (влияние на ход истории). Центральными темами любой летописи

выступают знаковые исторические события, военные походы, необычные природные явления, изменяющие привычную жизнь социума и отдельных его представителей. Для этого жанра характерно подробное изображение конкретных исторических событий, как правило, произошедших на глазах летописца. Интерпретация такого события, как правило, зависит от позиции автора летописи и наслаивается на смысловой стержень повествования в виде периферийной информации – элементов мифов, героического эпоса, культурных и бытовых маркеров эпохи.

В. В. Кусков в качестве характеристики летописи отмечает «героический настрой», поскольку практически всегда в данном жанре выстраивается идеал правителя, в период которого происходят обозначенные события [Кусков, 2008]. Н. П. Кончаловская отличительными чертами летописи считает: «а) стержневую фактографическую составляющую; б) фольклорную основу сказания; в) эклектичную природу летописи; г) патриотичность изложения и интерпретации событий» [2015, с. 135]. Собственно летописный, строго хронологический принцип изложения обозначается в китайском литературоведении термином 编年体 (буквально «стиль по годам»). В китайских летописях и исторических работах подобного рода много внимания уделено историческим событиям политического, дипломатического и экономического характера [Ахматова, 2023]. Однако наиболее влиятельной моделью исторического письма в Китае стал более сложный формат – 纪传体, («стиль анналов и жизнеописаний»), впервые примененный Сыма Цянем в «Ши цзи» («Исторических записках») и впоследствии закрепленный в качестве образца для всех 24 официальных династийных историй [Ахматова, 2023]. В них соблюдается строгая документальность, структурирование по принципу «анналов» и «жизнеописаний», имплицитная оценочность через отбор фактов.

Историческая хроника (编年史). В наиболее общем виде хроника (греч. *chroniká* – летописание) представляет собой литературный

жанр, содержащий изложение исторических событий в их временной последовательности, в чем заключается его сходство с летописью, однако отличается от нее по нескольким существенным параметрам. Во-первых, хроника, в отличие от летописи, как правило, не ведется синхронно описываемым событиям, а составляется впоследствии, нередко спустя значительное время, на основе уже существующих источников, то есть хроника вторична по отношению к летописи в источниковедческом смысле. Во-вторых, хроника охватывает существенно более протяженные временные периоды (историю целого государства или региона на протяжении столетий), тогда как летопись, как правило, ограничена временем жизни и наблюдений одного летописца или преемственной группы летописцев. В-третьих, хроника, в отличие от летописи с ее точечной, погодной фиксацией отдельных знаковых событий, стремится к непрерывности и системности изложения, включая в поле зрения не только знаковые, но и рядовые события, обеспечивающие целостность исторического повествования. К отличительным чертам хроники можно также отнести акцентирование внимания на фактических данных – датах, именах, описаниях торговых связей, что делает ее удобным материалом для последующего историко-культурного анализа. В современной науке к данному жанру относят масштабные, академические и учебные изложения, последовательно охватывающие колоссальные временные промежутки развития государств. Организующим компонентом сюжета хроники выступает сам ход истории, вместе с которым происходят действия, развиваются и меняются судьбы персонажей. Сюжет хроники отличается интенсивностью, образуемой чередованием сцен, фрагментов, картин изменяющейся действительности.

В нашем материале нарративы данного жанра представлены следующими произведениями, последовательно и панорамно охватывающими несколько тысячелетий культурных контактов вдоль Великого шелкового пути: А. Н. Сахаров, Н. В. Загладин «История с древнейших времен до конца XIX века. 10 класс» (учебная историческая хроника); Лю Джан «Китай. Полная история»; Ш. Махкамов «Узбекистан. Полная история»;

Е. В. Докашева «Великий шелковый путь. Полная история»; П. Гэллоуэй “*Adventures on the Ancient Silk Road*” («Приключения на древнем Шелковом пути») [2009]. Эти труды опираются на реальные исторические источники, дневники паломников и музейные артефакты, описывают путешествия исторических деятелей.

М е м у а р ы (回忆录) представляют собой жанр документальной прозы, в котором ведется повествование о прошлом от первого лица, основанное на личном опыте автора, его воспоминаниях и свидетельствах очевидцев событий. В типологии В. В. Дементьева это вторичный жанр относительно свободной формализации, обладающий устойчивой коммуникативной установкой – личным свидетельством очевидца, но допускающий широкую индивидуальную вариативность в организации нарративного материала [Дементьев, 2010, с. 145].

Исследование жанра мемуаров имеет длительную историю – следует упомянуть работы А. В. Антюхова [2001], В. С. Барахова [1985], М. Т. Белявского [1981], А. А. Галича [1991], Л. Я. Гинзбург [1971], В. С. Голубцова [1981], Г. Г. Елизаветиной [1982], Т. М. Колядич [1995], З. Р. Сутаевой [1998] и т. д. По мнению Л. Я. Гинзбург, мемуары следует отнести к промежуточному жанру – они занимают положение между документальным и художественным произведением; и все-таки, полагает он, «различие между миром бывшего и миром поэтического вымысла не стирается никогда», оно заключается в особом качестве документальной литературы – «в той установке на подлинность, ощущение которой не покидает читателя, но которая далеко не всегда равна фактической точности» [Гинзбург, 1971, с. 10].

В мемуарах можно найти некоторые черты летописных текстов, так как они не только фиксируют события прошлого, описывают жизнь выдающихся личностей, но и включают комментарии, заключения и выводы, сделанные автором, содержат переосмысление произошедшего. В мемуарах в

определенном смысле сочетается историчность и психологичность – это описание исторических событий, вошедших в биографию человека сквозь призму его личности, переосмысленных и зафиксированных в виде художественного текста. В построении и развитии мемуарного текста возможны два направления, акцентирующие внимание адресата: 1) на личности самого автора мемуаров; 2) на описываемых событиях, участником или очевидцем которых автору довелось быть. По мнению Л. Г. Левицкого, «мера и характер содержательности мемуаров связаны с личностью автора. Если автор личность самобытная, то особенно интересен он сам, его мысли и чувства, отношение к тому, что он видел. Если он человек заурядный, то больше привлекает то, что он видел» [Левицкий, 1967, с. 762].

К числу основных композиционных характеристик мемуаров можно отнести ретроспективность, авторскую субъективность и историчность. По тематике и предмету описания можно выделить: а) мемуары общего характера, описывающие эпоху в целом; б) мемуары, описывающие отдельные события эпохи; в) мемуары, относящиеся к характеристике и деятельности отдельных лиц; г) мемуары о путешествиях и путешественниках [Пригарина, 2012].

В нарративах о Великом шелковом пути этот жанр представлен мемуарами и путевыми записками Сюаньцзана (буддийского монаха), Марко Поло (венецианского купца и исследователя), Ибн Баттуты (марокканского путешественника) и др. «Записки о западных странах» Сюаньцзана содержат существенный мемуарный компонент: автор воссоздает события своего девятнадцатилетнего путешествия с позиции очевидца и участника, вводя в нарратив личные оценки, переживания и наблюдения.

Путевой дневник (旅游日记). Изучение жанра путевого дневника (жанровой семьи «путешествия», объединяющей путевые записки, путевой очерк и собственно путевой дневник) имеет в отечественном литературоведении давнюю традицию, восходящую к работам Н. М. Масловой, которая определила путешествие как самостоятельный жанр,

обладающий устойчивым набором дифференциальных признаков, и последовательно разграничила его публицистическую (путевой очерк) и документально-дневниковую разновидности [Маслова, 1973; 1980]. Как отмечает Н. В. Иванова, жанр «путешествие» может реализовываться в нескольких смежных формах: это отрывок, письмо, записки, журнал и дневник [Иванова, 2010]. Друг от друга они отличаются структурой текста и тем, насколько быстро автор фиксирует свои впечатления [Иванова, 2010].

Ключевым признаком, отличающим путевой дневник от мемуаров, является временно́е соотношение момента события и момента его текстовой фиксации. Мемуары, как было показано выше, представляют собой ретроспективное осмысление прошлого, нередко создаваемое спустя значительный срок после описываемых событий и организованное по тематическому или биографическому принципу. В свою очередь, путевой дневник хронологически привязан к самому путешествию и представляет собой последовательную, датированную фиксацию непосредственных наблюдений, упорядоченных по этапам маршрута. Данное различие носит содержательный характер: дневниковая запись, в отличие от мемуарной, фиксирует момент до знания финала событий и не подвергается позднейшей смысловой переработке автором. Показательна в этом отношении и связь путевого дневника с бахтинским хронотопом дороги [Бахтин, 1975]: если в мемуарах дорога чаще выступает организующей метафорой уже осмысленного жизненного пути, то в путевом дневнике хронотоп дороги реализуется буквально – структура текста непосредственно повторяет физическую структуру маршрута, а не логику позднейшего воспоминания. Существенно и то, что путевой дневник, в отличие от мемуаров, нередко выполняет, наряду с повествовательной, еще и практическую, документально-отчетную функцию.

К путевым заметкам относятся: «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки» Н. М. Пржевальского – официальный отчет о третьем путешествии в Центральную Азию 1879-80 гг., изданный Русским

географическим обществом и организованный строго по этапам маршрута, с системной фиксацией дат, координат и метеорологических показателей, дополненной впечатлениями автора. К этому же жанру можно отнести книгу Н. Х. Ахметшина «Тайны Шелкового пути: записки историка и путешественника» [2002], хотя обозначение «записки», в отличие от «дневника» Н. М. Пржевальского, указывает на несколько более выраженную, по сравнению с чистым дневником, степень последующей литературной обработки материала. В книге “Shadow of the Silk Road” («Тень Шелкового пути») К. Таброна рассказывает о своем путешествии 2003 – 2004 гг. длиной 11 тысяч километров. *“The Dawn of Eurasia”* («Рассвет Евразии») Б. Масаэша [2018] сочетает в себе свойства эссе и путевого очерка.

Исторический роман (历史小说). Произведения этого жанра представляют собой художественную реконструкцию исторической действительности определенного периода в авторской интерпретации. При написании такого романа автор прибегает к методу исторической реставрации, суть которого сформулировали немецкие романтики, выдвинув требование точного и согласованного с исторической действительностью воссоздания места и времени действия. Однако абсолютной точности в жанре исторического романа быть не может. Как отмечает Н. А. Приймакова, «наше знание об истории всегда будет приблизительным <…> художник должен быть одновременно и художником, и историком, чтобы его творение было и искусством, и историей» [Приймакова, 2013, с. 5].

Ф. Б. Бешукова разграничивает исторический роман и роман об историческом прошлом [Бешукова, 2021]. Художественной целью исторического романа служит воспроизведение и исследование важнейших характеристик известной личности на фоне событий прошлого, показ взаимосвязи личности и эпохи. Доля вымысла не должна быть преобладающей: автор имеет право на некоторый вымысел, но не должен при этом допускать искажения исторической действительности. Роман об историческом прошлом,

в отличие от исторического романа, не претендует на историческую достоверность и допускает вымышленных главных персонажей. К этому жанру в нашем материале относится роман Д. Ларсен “Silk Road: A Novel of Eighth-Century China” («Шелковый путь: роман о Китае восьмого века»), действие которого происходит в Китае VIII в. эпохи Тан.

Историческая повесть (历史中篇小说) в нарратологическом плане, как правило, реализует более «сжатую» временную организацию по сравнению с романом. Ее характерные черты как литературного жанра были выделены Н. М. Карамзиным [1984]: повесть организована вокруг одной центральной сюжетной линии и, как правило, одного главного героя; ее временной охват ограничен одним эпизодом биографии, например, одним путешествием, а не всей исторической эпохой в целом. Роман, как правило, охватывает значительный временной период (годы, иногда десятилетия) и разворачивает несколько сюжетных линий одновременно, которые пересекаются на фоне общего исторического события. Специфика исторической повести заключается в глубоком внимании к внутреннему миру героя. Если в романе фокус распределяется между несколькими действующими лицами, то в повести хронотоп психологизирован – и историческое время, и пространство подаются через призму восприятия одного конкретного человека. Среди исследованных нами нарративов примерами могут служить повести И. Тимофеева «Ибн Баттута» и Л. Бергрина «История знаменитых путешествий: Марко Поло», в которых акцентируется внимание на повседневной жизни одного путешественника, обычаях и нравственных устоях эпохи, а также “Life Along the Silk Road” («Жизнь вдоль Шелкового пути») С. Уитфилд.

Научная статья или монография на историческую тему (学术论文). Эти жанры требуют глубокого анализа источников и четкой методологии. Как указывает М. Н. Кожина, научному стилю присущи точность, объективность, логика и абстрактность изложения [Кожина, 1993, с. 8–15]. Статьи и монографии историков и культурологов позволяют детально

изучить прошлое и сформировать объективный взгляд на давно ушедшие эпохи. Рассмотренные работы не являются собственно нарративами, но включают нарративы как элементы своего содержания.

В нашем материале исторические научные труды, содержащие нарративные пассажи в своем составе, представлены значительным количеством текстов: «История народа хунну» Л. Н. Гумилева [1974]; “Plagues and Peoples” У. Макнила [1976]; “The Silk Road: A History” («Великий шелковый путь: история») И. М. Франк [1986]; “Religions of the Silk Road” («Религии Великого шелкового пути») Р. Фольца [1999]; «Великий Шелковый путь и Центральная Азия» М. Хошимова [2005]; «Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур» Е. Н. Черных [2009]; «Предыстория Великого шелкового пути» Е. Е. Кузьминой [2010]; “The Silk Road: A New History” («Шелковый путь: новая история») В. Хансен [2012]; “The Silk Roads: A New History of the World” («Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий») П. Франкопана [2015]; «Великий шелковый путь и культурный обмен между Востоком и Западом» Жун Синьцзяна [2021]; “The Silk Road Encyclopedia” Чжон Су-иль [2023]; 《丝绸之路：汉英对照》 («Шелковый путь») Фан Мина [2013] и т. д.

Наряду с письменными жанрами, исторический нарратив о Великом шелковом пути реализуется в исполняемых жанрах: нарративных песнях, эпосе, пьесах, опере, балете, кинофильмах; в жанрах изобразительного искусства: картинах, фресках, скульптуре; в креолизованных медиажанрах современности: исторических комиксах и компьютерных играх.

Нарративные песни и эпос. Устные нарративные жанры – эпические поэмы, сказания, героические песни – представляют собой важнейший пласт культурной памяти народов, живших вдоль торговых маршрутов. Их отличительной характеристикой является то, что они складывались и транслировались в условиях устной культуры, что обусловило

их специфическую нарративную организацию: формульность, повторяемость, опору на коллективное знание аудитории.

Великому шелковому пути посвящены центральноазиатские героические эпические произведения: киргизский «Манас», казахский «Алпамыс» и узбекский «Алпомиш», в основе которых лежит единый сюжет о богатыре Алпамысе (Алпомише). Данные эпосы содержат развернутые нарративы о маршрутах, опасностях и культурных контактах, сопровождавших движение по Шелковому пути. Пространственная структура этих эпосов организована вокруг хронотопа «героического пути», в котором географические реалии Шелкового пути функционируют одновременно как исторически достоверные топонимы и как нарративные «испытательные пространства».

Театральные жанры (пьесы, оперы, балет). Театральная репрезентация Шелкового пути реализуется в нескольких жанровых формах, различающихся по степени условности изображения и по модусу нарративного воздействия на аудиторию. В китайской классической опере сформировался большой пласт произведений, сюжеты которых связаны с Шелковым путем и его западными территориями. К ним относятся оперы о путешествиях буддийских монахов, военных походах эпохи Тан и дипломатических контактах с иноземными послами (например, истории о фаворитке танского императора Сюань-цзуна – Ян Гуйфэй). Ярким современным примером осмысления этой темы стала опера Лу Цзаоцина «Дуньхуан», посвященная пещерам Могао — ключевому культурному и религиозному перекрестку Шелкового пути.

К произведениям о Шелковом пути также относятся: знаменитая опера Дж. Пуччини «Принцесса Турандот», действие которой разворачивается в условном древнем Китае, куда ведут все дороги Шелкового пути (сюжет построен вокруг персидского принца Калафа и китайской принцессы); опера Г. Ф. Генделя «Тамерлан», повествующая о великом завоевателе Центральной Азии Тимуре (Тамерлане), чья империя контролировала ключевые отрезки Шелкового пути; постмодернистская опера «Марко Поло» знаменитого

китайского композитора Тань Дуня, в которой путешествие венецианского купца трактуется как духовное странствие между культурами Запада и Востока. Исполняемые жанры также представлены балетом «Шехеразада» Н. А. Римского-Корсакова; рядом советских и постсоветских балетов центральноазиатских республик («Лейли и Меджнун», «Бахчисарайский фонтан» и др.), реализующими нарратив о Великом Шелковом пути через хореографическую конфигурацию восточных образов. На рубеже XX–XXI вв. узбекский композитор М. Бафоев создал три произведения, посвященных Великому шелковому пути: шоу-балет «Великий шелковый путь» для фортепиано, народных инструментов, голоса и синтезатора; концерт «Шелковый путь в моем воображении» для виолончели, струнного квинтета, ударных и фортепиано; цикл из 10 поэм «Великий шелковый путь» для фортепиано. Композитор оживляет исторические образы и духовные традиции Востока, гармонично соединяя их с западной музыкальной культурой.

Кинематографический нарратив о Шелковом пути представлен в документальном, художественном и мультипликационном кино. Документальные ленты сочетают в себе точные исторические факты и яркую визуальную составляющую. Среди них выделяются две ключевые работы:

- “The Silk Road” («Шелковый путь», 1980–1989) – телепроект японской компании NHK совместно с китайским телевидением CCTV. Авторы впервые в истории сняли на пленку закрытые ранее для иностранцев древние города и маршруты Китая и Центральной Азии. Культовая музыка композитора Китаро сделала проект популярным во всем мире и возродила глобальный интерес к истории региона.
- “The Silk Road” («Шелковый путь», BBC, Великобритания, 2016) – 3-серийный проект историка Сэма Уиллиса, где маршрут показан с помощью современной съемки: с высоты птичьего полета, с использованием 3D-графики и детализированной реставрацией древних торговых городов.

Художественный фильм исторической тематики о Шелковом пути «Герой» (2002) китайского режиссера Чжан Имоу реализует нарративные

стратегии, типологически близкие к историческому роману. Нельзя не упомянуть о японо-китайском фильме «Дуньхуан» (1988) режиссера Д. Сато, который рассказывает о событиях XI в. в Дуньхуане, междоусобных войнах, культуре Западного Ся (Тангутского царства) и о том, как в пещерах Могао были спрятаны бесценные буддийские свитки. Другие работы, раскрывающие тему Шелкового пути: “Dragon Blade” («Меч дракона», 2015) Д. Ли, «Монгол» С. Бодрова (2007), “Nomad” («Кочевник», 2005) И. Пассера и С. Бодрова, а также сериал Netflix о приключениях венецианского купца при дворе монгольского хана Хубилая “Marco Polo” («Марко Поло», 2014–2016).

Жанры изобразительного искусства: картины, фрески, скульптура. Тема Великого шелкового пути ярко отразилась в изобразительном искусстве разных стран и эпох – от Китая и Персии до Европы. Яркий пример – буддийские фрески в пещерах Дуньхуана (Могао), Кызыла и Безеклика. На них изображены сцены из жизни Будды и фигуры паломников, которые вместе создают сложный и развернутый живописный сюжет («нарративную живопись»). Эти произведения создавались художниками разных культур в периоды расцвета торгового маршрута. Китайскую традицию представляют три мастера эпохи Тан и последующей эпохи Пяти династий: Хань Гань (韩干, ок. 706–783 гг.) – придворный живописец императора Сюань-цзуна, автор знаменитой картины «Лошадь белой масти, сияющая в ночи» (《夜照白图>); Чжан Сюань (张萱, 713–755 гг.) – автор свитка «Весеннее путешествие королевы штата Го» (《虢国夫人游春图》), изображающего сестру знаменитой императорской наложницы Ян Гуйфэй; Чжоу Вэньцзюй (周文矩, X в.) – придворный художник государства Южная Тан, автор картины «Ученые в саду» (см. Приложение 2, рис. 12). Европейская традиция представлена каталонским картографом Абрахамом Крескесом (1325–1387) с острова Мальорка (Балеарские острова, Арагонская корона, территория современной Испании) – автором знаменитого «Каталонского атласа» (1375), где подробно изображены маршруты в

Центральную и Восточную Азию, включая караван, отсылающий к путешествию Марко Поло.

В период XIX – начала XX вв. художники заново открывают «сердце» Шелкового пути, фиксируя его угасающую средневековую роскошь и древнюю архитектуру: В. Верещагин создал самую известную реалистичную хронику узловых центров Шелкового пути в Центральной Азии (Туркестанская серия, 1867–1873 гг.): «Торжествуют» (Рис. 1), «Двери Тимура (Тамерлана)» (см. Приложение 2, рис. 13), «Продажа ребенка-невольника» (см. Приложение 2, рис. 14), «Медресе Шир-Дор на площади Регистан в Самарканде».

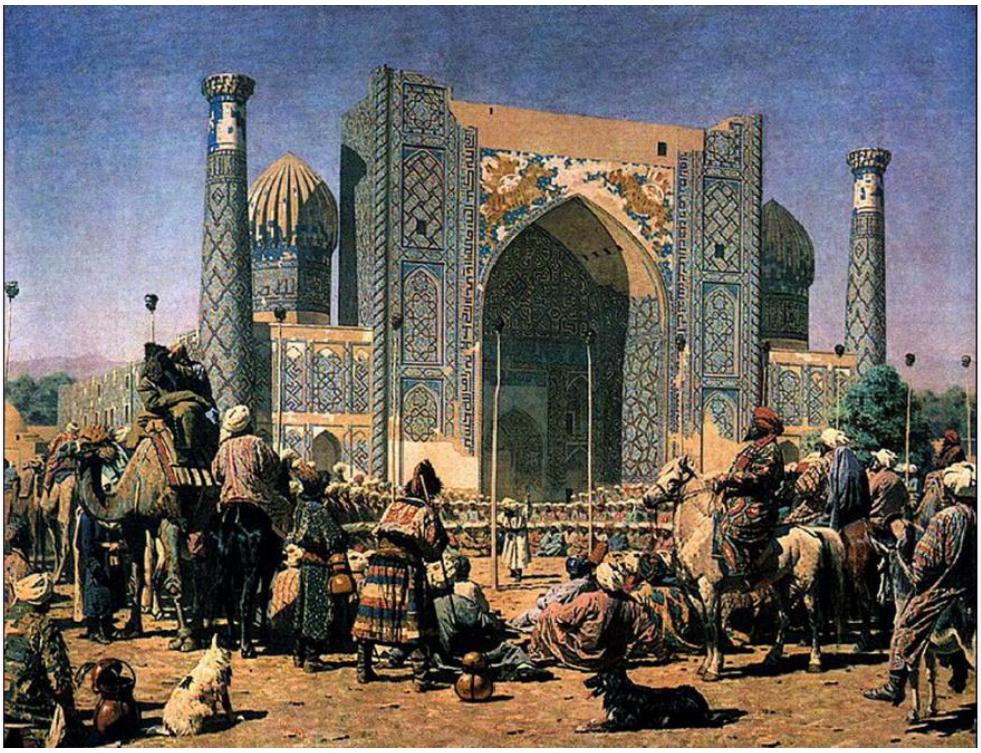

Рис. 1. В. Верещагин. *Торжествуют*

Н. Рерих прошел по древним маршрутам Центрально-Азиатской экспедиции и посвятил путям сообщения, караванам и оазисам сотни мистических полотен: «Звезда матери мира» (Рис. 2), «Караван» (см. Приложение 2, рис. 15), «ЧАНГ-ЛА. Горный перевал», «Знаки Гэсэра» – пейзажи пустынь и троп, связывавших Тибет, Монголию и Китай.

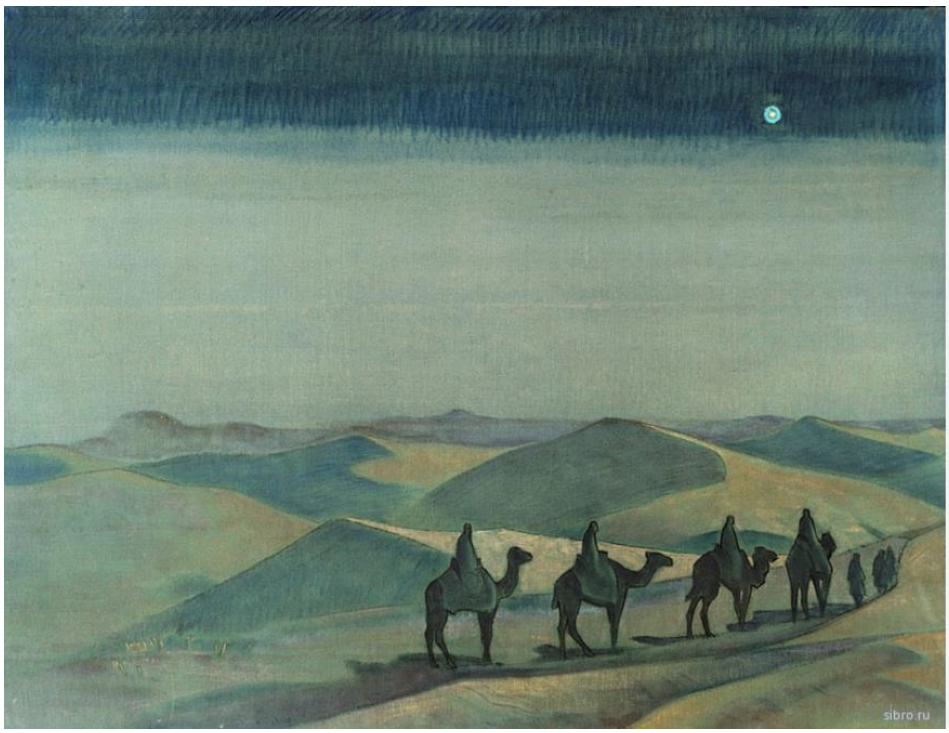

Рис. 2. Н. К. Рерих. *Звезда матери мира*

Работы Р. Зоммера – живописца, путешествовавшего по Средней Азии, запечатлели быт и движение по дорогам Востока: «Базар в Самарканде» (см. Приложение 2, рис. 16), «Караван в степи».

Современные художники видят в Шелковом пути символ связи культур и вечного движения. Выдающийся японский художник Икуо Хираяма совершил более 140 поездок по этому маршруту. В своих картинах он использует многослойные краски, передающие особое сияние пустынных пейзажей. Его ключевые работы: «Караван верблюдов в пустыне под луной, «Восхождение на памирские высоты» (см. Приложение 2, рис. 17).

Одним из самых дорогих китайских художников XX в., который провел более двух лет в пещерах Дуньхуана, копируя фрески Шелкового пути, и создал на этой основе собственный модернистский стиль, является Чжан Дацянь (张大千). Шелковому пути посвящены его картины «Вдохновение Дуньхуана» и «Караван в пустыне Гоби».

Креолизованные медиажанры современности: исторические комиксы и компьютерные игры. Жанр исторического комикса о Шелковом пути сложился относительно недавно – преимущественно в 2000–2020-е годы, но уже демонстрирует характерные жанровые модели и нарративные стратегии. Значительная часть историко-документальных комиксов о Шелковом пути создается в виде образовательных проектов при поддержке музеев, исследовательских институтов или государственных культурных программ. С нарратологической точки зрения исторический комикс о Шелковом пути реализует текстовую организацию, синтезирующую стратегии исторической прозы и визуального нарратива. В таких комиксах принцип многоголосия (полифония культур) [Бахтин, 1929] реализуется через введение персонажей и рассказчиков из разных регионов – Китая, Персии, Арабского Востока, Центральной Азии и Европы. Каждый из них показывает историю Шелкового пути со своей точки зрения.

В. В. Дементьев характеризует компьютерную игру как «вторичный сложный жанр», который вбирает в себя другие жанры: в игре могут быть письма (эпистолярный жанр), диалоги персонажей (драматический жанр), внутриигровые книги (эссе или летописи), синематики (кинематографический жанр) [Дементьев, 2010]. Компьютерные игры, тематически связанные с Шелковым путем, представляют собой наиболее динамично развивающийся жанр исторического нарратива о данном феномене. В поджанре «исторические стратегии» (“*Civilization VI*”, “*Total War: Three Kingdom”s*, “*Imperator: Rome*”, “*Crusader Kings III*”) Шелковый путь встроен непосредственно в игровой процесс: через механику торговли, распределение редких ресурсов (шелк, пряности, лазурит) и дипломатию. В его рамках создается особый тип нарративного опыта: игрок не просто пассивно воспринимает готовый сюжет, а сам конструирует историю в реальном времени, принимая ключевые решения. Второй поджанр – «ролевые игры» (*RPG*), например “*Assassin's Creed: Origins*”, а также китайская серия “*Xuan Yuan Sword*” / 軒轅劍). Они реализуются через личный опыт и

детально погружают игрока в культурную среду, превращаяя его из наблюдателя в непосредственного участника событий, разворачивающихся на перекрестках цивилизаций. Нарративная стратегия данного жанра строится на принципе «присутствия»: историческое пространство Шелкового пути воссоздается с максимально возможной визуальной и культурной достоверностью, а игрок осваивает это пространство через перспективу «от первого лица» или фокализацию «от третьего лица», что соответствует женеттовской модели внутренней фокализации [Genette, 1972].

Таким образом, нарративы о Великом шелковом пути демонстрируют исключительное жанровое богатство, охватывающее весь диапазон форм – от древних хроник и эпических поэм до интерактивных цифровых сред. В этом многообразии нарративных форм воплощается то, что П. Рикер [1998, 2000] называл фундаментальной функцией нарратива: преобразование «сырого» исторического опыта в смысловую целостность, способную быть воспринятой, сохраненной и переданной.

Подводя итог раздела, зафиксируем выделенную нами совокупность жанров исторического нарратива:

1) письменные жанры: летопись, историческая хроника, мемуары, путевой дневник, исторический роман, историческая повесть, историческое нарративное эссе, научная статья (монография) на историческую тему;

2) исполняемые жанры: нарративные песни, эпос, пьесы, оперы, балет, кинофильмы;

3) жанры изобразительного искусства: картины, фрески, скульптура;

4) креолизованные медиажанры современности: исторические комиксы и компьютерные игры.

Проведенный анализ показал, что перечисленным жанрам исторического нарратива в различной степени свойственны общие содержательные признаки: сюжет строится вокруг знаменательного события, повлиявшего на ход истории; фактический материал сочетается с элементами интерпретации; повествование локализовано в конкретном историческом пространстве и времени; в тексте

фигурируют реальные и вымышленные исторические личности; воспроизводятся особенности быта и национального характера эпохи; язык повествования тяготеет к стилизации под изображаемый период. При этом каждый жанр реализует данные признаки по-разному и обладает собственными дифференциальными признаками: летопись и историческая хроника тяготеют к строгой документальности и конвенциональной, «жесткой» форме (по В. В. Дементьеву); мемуары, исторический роман и историческая повесть допускают значительную долю индивидуально-авторской интерпретации и художественного вымысла; историческое нарративное эссе и научная статья различаются между собой по степени экспрессивности изложения и характеру аргументации; исполняемые, изобразительные и креолизованные жанры реализуют исторический нарратив в существенно ином, полимодальном или интерактивном семиотическом ключе, сохраняя при этом общие содержательные признаки исторического повествования.

Выводы по главе 1

1. Нарратология сформировалась как междисциплинарная область на стыке лингвистики, литературоведения, семиотики и философии. Понятийный аппарат, выработанный классиками теории повествования (разграничение сюжета и фабулы, истории и дискурса, категории хронотопа, точки зрения и нарративной перспективы), универсален. Он позволяет эффективно анализировать не только художественные, но и нехудожественные тексты, включая исторический нарратив.

2. Нарратив трактуется как универсальная форма осмысления и репрезентации человеческого опыта, пронизывающая все сферы коммуникации — от традиционного фольклора и художественной литературы до медиадискурса и повседневного общения. В рамках настоящего исследования нарратив рассматривается не как сугубо литературно-художественная форма, а как когнитивный способ структурирования и трансляции знаний. Способность нарратива упорядочивать события во времени и связывать прошлое с настоящим формирует целостную картину действительности, что обосновывает правомерность применения нарратологического инструментария к анализу исторических текстов.

3. Становление исторического нарратива как самостоятельного объекта лингвистического анализа сблизило историографию с литературоведением и лингвистикой. В рамках этого подхода было доказано, что историческое повествование выходит за границы формальной логики: организация событий в связный сюжет всегда носит субъективный характер и неизбежно отражает интерпретацию, фоновые знания и ценностные оценки самого автора.

4. Ключевой характеристикой исторического нарратива выступает многомерность его бытования: он понимается в узком смысле как конкретное описательно-повествовательное произведение, а в широком — как когнитивная система, организующая историческое знание и объединяющая

разнородные источники (хроники, документы, карты) в единое смысловое пространство. При этом статус нарративности не является имманентным свойством любого исторического текста. Текст признается нарративным только при наличии повествовательной структуры: субъекта и адресата речи, персонажей, причинно-следственной связи между событиями, завершенности сюжета и явной оценочной позиции автора.

5. Понятийный аппарат настоящего диссертационного исследования включает ключевой термин «исторический нарратив» и ряд смежных понятий, к которым относятся «нарратив», «событие», «нарратор». Мы понимаем под историческим нарративом вербально организованное повествование о прошлых событиях, которое: (а) претендует на референциальную соотнесенность с реально имевшими место историческими событиями, в отличие от вымышленного мира художественного нарратива; (б) организует эти события в связную, хронологически и/или каузально упорядоченную структуру, обладающую началом, развитием и завершением; (в) неизбежно опосредовано интерпретирующей позицией нарратора (историка, мемуариста, журналиста, автора художественного произведения на историческую тему), обусловленной культурно-историческим и идеологическим контекстом его создания.

6. Исторический нарратив представляет собой полифункциональную систему, в которой упорядочивающая и информативная функции организуют фактический материал; дидактическая и коммеморативная функции транслируют морально-этический опыт и закрепляют события в коллективной памяти; убеждающая, развлекательная функции, а также функция переключения внимания удерживают интерес адресата и направляют его восприятие согласно ценностным установкам автора.

7. Корпус нарративов о Шелковом пути характеризуется жанровым разнообразием, включающим: а) письменные жанры (летопись, хроника, мемуары, путевой дневник, исторический роман/повесть, нарративное эссе, монография); б) исполняемые жанры (эпос, песни, драма, опера, балет, кино);

в) жанры изобразительного искусства (картины, фрески, скульптура); креолизованные медиажанры современности (исторические комиксы и компьютерные игры). Все указанные жанры объединены общими содержательными признаками (локализация во времени и пространстве, наличие реальных и вымышленных персоналий, стилизация языка, сочетание факта и интерпретации).

ГЛАВА 2
СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТВОВАНИЙ О ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ)

2.1. Конститутивные признаки исторического нарратива

Данный раздел является ключевым для настоящего диссертационного исследования – в нем детально анализируются конститутивные (от лат. *constituere* – устанавливать, образовывать, составлять) признаки исторического нарратива, которые отражают его онтологическую сущность, являясь необходимыми, системообразующими характеристиками данного феномена.

Применительно к историческому нарративу конститутивными следует признать такие признаки, без которых текст не может быть отнесен к данному типу нарратива, в отличие от признаков факультативных, варьирующихся от жанра к жанру, от языка к языку или от одного конкретного текста к другому. Принципиально важно, что ни один из конститутивных признаков не является достаточным сам по себе – именно совокупность конститутивных признаков, реализованных одновременно и в неразрывной взаимосвязи друг с другом, делает повествование историческим нарративом.

В основе анализируемого нами набора конститутивных признаков лежит система, предложенная О.А. Леонтович и включающая темпоральность, пространственность, событийность, информативность, интерпретативность, интертекстуальность, идеологизированность и семиотичность [Леонтович, Ханова, 2024]. В настоящем диссертационном исследовании данная система признаков получает дальнейшую теоретическую разработку и эмпирическое обоснование. Детальный анализ того, как каждый из признаков реализуется в повествованиях на разных языках (китайском, русском и английском), какие языковые и текстовые маркеры служат его выражением и в чем заключаются межъязыковые и межкультурные различия его реализации, позволяет дать

историческому нарративу о Великом шелковом пути комплексную характеристику, определить его как особый тип нарратива со специфической внутренней организацией и выявить его лингвокультурные особенности (установить, каким образом национально-культурная специфика русской, английской и китайской лингвокультур преломляется в языке исторического повествования).

2.1.1. Темпоральность

Согласно основным лингвистическим и философским концепциям, понятие времени тесно связано с языком и языковой картиной мира: именно через язык проявляются закрепившиеся в сознании временны*е* конструкты, призванные упорядочивать окружающий мир и пребывание человека в нем. Так как исторический нарратив о Шелковом пути охватывает тысячелетия и множество культурно-языковых традиций, необходимо рассмотреть, как организуется и репрезентируется время в тексте, отсюда и выделение темпоральности как самостоятельного конститутивного признака. Теоретическое осмысление темпоральности исторического нарратива опирается на несколько научных традиций – философию времени, историографию, нарратологию и сопоставительную грамматику.

Языковое время ассоциируется с темпоральностью и определяется как концептуальная категория, опирающаяся на языковые средства выражения времени (морфологические, синтаксические, лексические и пр.), которые характеризуют действия или состояния в соотнесении со временем [Тарасова, 1992]. Темпоральность как инструмент предстает в виде стройной системы упорядоченных средств для логического осмысления времени при помощи языка, независимо от того, к какому типу он принадлежит. В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» темпоральность трактуется как «текстовое время» – категория, которая связывает содержание текста с

временной осью, где сюжет может соотноситься как с реальными историческими событиями, так и с толкованием автора, и играет в структуре текста ключевую роль [2011, с. 536].

А. Данто, который одним из первых привнес понятие нарратива в историографию, соотнес нарративность с высказываниями в прошедшем времени. Он определяет исторический нарратив как «способ организации прошлого во временные целостности, структуру, налагаемую на события и объединяющую их в соответствии с некоторым критерием значимости» [Данто, 2002].

Одним из свойств нарратива исследователи считают передачу информации о событиях, происходящих в определенной последовательности и упорядоченных во времени [Андреева, 1996], описание прошлого опыта с использованием последовательности предложений в прошедшем времени [Лабов, 1997]. Широкое распространение получила идея Ж. Женетта, разделившего время на дискурсивное (реальная продолжительность описываемого периода) и нарративное (время, затраченное рассказчиком на повествование) [Женетт, 1993]. Основываясь на различиях дискурсивного и нарративного времени, М. Ян выделяет три вида повествования: 1) ретроспективное (*flashback*), указывающее на события, которые произошли до начала основной сюжетной линии; 2) одновременное повествование о действиях, происходящих в настоящем; при этом нарративное и дискурсивное время идентичны; 3) повествование, относящееся к будущему (*flashforward*) [Jahn, 2005].

И. Р. Гальперин аналогичным образом классифицировал возможные варианты последовательности событий в тексте, разграничив ретроспекцию и проспекцию. Ретроспекция возвращает внимание читателей к определенным фактам из текста, что свидетельствует об их значимости и способствует более глубокому пониманию временны*х* связей между событиями и эпизодами. В свою очередь, проспекция, или антиципация, направлена на то, чтобы сосредоточить внимание читателей на предстоящих событиях [Гальперин, 1981].

Таким образом, темпоральность исторического нарратива – это конститутивный признак текста, представляющий собой систему языковых

(лексических, грамматических) и нарратологических средств, посредством которых организуется, упорядочивается и репрезентируется время исторических событий. Оно реализуется одновременно как объективная хронологическая протяженность (нарративное время) и как субъективно организованный объем и порядок текста (дискурсивное время), находящиеся в отношениях, которыми управляет нарратор.

М а р к е р ы т е м п о р а л ь н о с т и . На основании теоретических положений и анализа эмпирического материала мы выделили следующие маркеры темпоральности, позволяющие отследить реализацию данного конститутивного признака в исторических нарративах про Великий шелковый путь на трех исследуемых языках:

1) абсолютная календарная датировка – конкретные годы, века, обозначения: рус. *до н. э. / н. э.*; англ. *B.C./A.D., century*; кит. 公元…年, 世;

2) эпохально-династийные обозначения: рус. *эпоха, династия, период*; англ. *dynasty, era, period, reign*; кит. названия конкретных династий 汉朝/唐朝/宋朝 ;

3) видо-временные грамматические формы глагола: рус. совершенный/несовершенный вид прошедшего времени, историческое настоящее; англ. *Past Simple* («время повествования») и *Past Perfect* (для ретроспекции); кит. грамматические частицы вместо морфологического времени 了 (совершенное/смена состояния);

4) относительно-дейктические маркеры: рус. *тогда, затем, позже, потом, прежде* (рус.); англ. *then, later, before, after*; кит. 当时, 后来, 此后, 以前, 未来;

5) порядок чередования нарративного и дискурсивного времени; маркеры, указывающие на тип временно́й организации: ретроспективный (обращение к прошлому относительно момента повествования), одновременный (совпадение времени события и времени рассказа о нем) или проспективный (обращение к будущему);

6) маркеры скорости повествования – языковые и композиционные признаки изохронии (одинаковой длительности дискурсивного и нарративного времени), акселерации (резкого сжатия протяженных процессов в одно предложение), деселерации (детализированного описания единичного момента), эллипсиса (эксплицитного маркирования временно́го разрыва) и т. д.

Рассмотрим каждый из маркеров.

1. Абсолютная календарная датировка. Данный маркер представлен указанием конкретного года, века или эры: рус. *до н. э. / н. э.*; англ. *BC (Before Christ*) / *BCE/bce (Before Common Era), AD (Anno Domini), /CE/ce (Common Era), century*; кит. 公元…年, 世.

В исследованных нами нарративах на китайском языке даты используются довольно часто. Показателен фрагмент, где абсолютная дата начала миссии Чжан Цяня (公元前 126 年) сопровождается указанием протяженности этого события (十三年):

公元前 126 年，历尽千难万险，出使西域十三年的张骞回到了长安。<…> (百度题库).	В 126 году до н.э., испытав трудности и опасности, Чжан Цянь, отправившийся в миссию по западным землям на 13 лет, вернулся в Чанъань <…> (*Энциклопедия Байду*)[1].

Еще чаще даты указываются в англоязычных нарративах. Рассмотрим следующий пример из книги историка В. Хансен “The Silk Road: A New History” («Шелковый путь: новая история»), которая также раскрывает историю Чжан Цяня и фиксирует важные даты:

The first written description of the Silk Road trade concerns Zhang Qian (d. 113 bce), a Chinese envoy from Chang'an to Central Asia in the second century bce, during the reign of Emperor Wu of the Han Dynasty (reigned 140–87 bce) (V. Hansen *The Silk Road: A New History*).	Первое письменное описание торговли на Шелковом пути связано с Чжан Цянем (умер в 113 г. до н. э.), китайским посланником из Чанъаня в Центральную Азию во II веке до н. э., во время правления императора У из династии Хань (правил в 140–87 гг. до н. э.).

[1] Здесь и далее перевод с китайского и английского наш. – А. Х.

Показательно, что абсолютная дата (*113 bce*) дополняется маркером с династийным обозначением "*Han Dynasty*", "*reigned*", что демонстрирует тесное взаимодействие двух типов маркеров в рамках одного высказывания. Аналогичный принцип точной датировки события (*130 BCE)* и функционирования Шелкового пути (*130 BCE–1453 CE)* используется в следующем англоязычном примере:

The Silk Road was a network of ancient trade routes, formally established during the Han Dynasty of China in *130 BCE*, which linked the regions of the ancient world in commerce between *130 BCE–1453 CE* <…> (Mark J. J. *Silk Road*).	Шелковый путь представлял собой сеть древних торговых путей, официально установленную во времена правления Китайской династии Хань в 130 году до н.э., которая связывала регионы древнего мира в торговле между 130 г. до н.э. и 1453 г. н.э. <...>.

В русскоязычном материале даты также встречаются очень часто, как например в следующем отрывке из монографии археолога и культуролога Е. Е. Кузьминой «Предыстория Великого шелкового пути: Диалог культур Европа – Азия», в котором описывается самый ранний этап формирования будущего маршрута:

<…> функционирование отдельных участков будущего Великого шелкового пути, по которому происходило распространение людей, вещей и идей, восходит еще по крайней мере ко второй половине III тыс. до н. э. и значительно активизируется во II тыс. до н. э. <…> (Е.Е. Кузьмина. *Предыстория Великого шелкового пути*).

2. Эпохально-династийные обозначения. Данный маркер представлен указанием на эпоху, династию или период правления (рус. *эпоха, династия*; англ. *dynasty, era, reign*; кит. названия конкретных династий 汉朝/唐朝/宋朝) и является доминирующим принципом периодизации в китайской историографической традиции.

Проиллюстрируем это явление примерами из исторической хроники «15 лекций об археологии Великого шелкового пути» китайского археолога Линь Мэйцуня, например: *«…в разное время, с эпохи Хань и до эпохи Тан»*; эпоха (династия) здесь используется как единица измерения целого исторического диапазона, как если бы по-русски сказали «между III и VII веками».

Аналогичным образом китайский историк Жун Синьцзян в книге «Великий Шелковый путь и культурный обмен между Востоком и Западом» пишет: *«По этому маршруту путь существовал еще до эпохи Хань…»*, что передает принцип китайской династийной периодизации, без перевода в абсолютные годы.

Нередко эпохально-династийное обозначение конкретизируется указанием девиза правления (эры) отдельного императора внутри самой династии. Рассмотрим пример из монографии китайского писателя, историка Го Цзяньлуна (郭建龙) 《丝绸之路大历史：当古代中国遭遇世界》 («Великая история Шелкового пути: когда Древний Китай столкнулся с миром»):

公元 634 年（贞观八年），玄奘已经在印度游历时，唐朝的宫廷里也第一次迎来了吐蕃的使者，唐太宗随即派遣了一位叫冯德遐的人跟着去往吐蕃抚慰（郭建龙. 丝绸之路大历史：当古代中国遭遇世界).	В 634 году нашей эры (восьмой год правления императора Чжэнгуань), когда Сюаньцзан уже путешествовал по Индии, в императорском дворце династии Тан впервые приняли посла Тибета. Император Тайцзун незамедлительно отправил вслед за ним человека по имени Фэн Дэся, чтобы тот отправился в Тибет и оказал ему поддержку.

Примечательно, что здесь абсолютная дата (公元 634 年,) сопровождается девизом правления (贞观) в той же фразе: два темпоральных кода – заимствованный западный и традиционный китайский – присутствуют одновременно, не вытесняя друг друга.

Доминирование династийной периодизации в китайской традиции, с одной стороны, и года/века в русской и английской, с другой, восходит к более общему культурно-историческому различию: использование года как единицы темпоральности в русском и английском языках можно объяснить линейностью восприятия времени в сознании европейцев, тогда как в китайской культуре существует традиция рассматривать историю как циклический процесс, олицетворяемый династиями, каждая из которых знаменует определенный исторический период.

Анализ практического материала показал, что китайский оригинальный текст демонстрирует наименьшую опору на абсолютную календарную датировку при количественном преобладании иных, аспектуально-грамматических средств выражения времени (см. маркер 5 ниже). Английский текст, напротив, демонстрирует максимальную опору на абсолютную календарную датировку, что согласуется с западной историографической традицией «объективного», точно датированного нарратива. Русский текст занимает промежуточное положение: даты представлены чаще, но уравновешены лексическими аспектуальными маркерами. Переводы текстов, написанных китайскими историками, демонстрируют «наследование» исходной китайской традиции даже при полном переключении на грамматику языка-посредника: датировка по эпохам и династиям здесь выше, чем доля абсолютных календарных дат – периодизация по правящим династиям сохраняется как первичный принцип организации исторического времени, а календарная дата используется лишь как вспомогательное уточнение.

3. Видо-временные грамматические формы глагола. Данный маркер представляет собой грамматический «костяк» повествования – основную систему глагольных форм, посредством которых события относятся к прошлому и упорядочиваются относительно друг друга. Все виды повествовательных текстов включают завязку (начало рассказа), кульминацию (развитие событий) и развязку (завершение истории) [Кондракова, 2018]. Поскольку основной акцент сделан на действиях и событиях, глаголы в прошедшем времени играют ключевую роль в развитии повествования, передавая стремительность событий и создавая энергетику и напряженность.

Использование в русском языке глаголов прошедшего времени указывает на отнесенность нарративного события к прошлому. Показателен фрагмент из научной статьи А. В. Торопыгина «Великий шелковый путь. Перезагрузка» о значимости Константинополя как центра торговых путей и последствиях его завоевания османами:

Это был один из важнейших, узловых центров торговых путей <…> завоевание Константинополя османами внесло серьезные коррективы в торговлю с Востоком. «Старый» путь теперь экономически стал невыгодным. Европейцы пытались вернуть все на круги своя, но тщетно.

Глагол «был» указывает на то, что роль Константинополя как важнейшего центра мировой торговли относится к прошлому. Прошедшее несовершенное время во фразе «европейцы пытались вернуть все на круги своя», отражает идею непрерывности и многократности попыток.

В английском фрагменте из “World History Encyclopedia” («Энциклопедии мировой истории») формы Past Simple (*was, linked, was used, opened, boycotted, closed*) используются для обозначения основной линии фактов и событий периода 130 г. до н. э. – 1453 г. н. э., тогда как форма Past Perfect (*had become used*) указывает на процесс, завершившийся к 1453 г., привыкание европейцев к восточным товарам, предшествовавшее закрытию маршрутов:

The Silk Road was a network of ancient trade routes, formally established during the Han Dynasty of China in 130 BCE, which linked the regions of the ancient world in commerce between 130 BCE–1453 CE <…> The network was used regularly from 130 BCE, when the Han Dynasty (202 BCE – 220 CE) officially opened trade with the west, to 1453 CE, when the Ottoman Empire boycotted trade with the west and closed the routes. By this time, Europeans had become used to the goods from the east and, when the Silk Road closed, merchants needed to find new trade routes to meet the demand for these goods (Mark J.J. *Silk Road*).	Шелковый путь представлял собой сеть древних торговых путей, официально установленную во времена правления Китайской династии Хань в 130 г. до н.э., которая связывала регионы древнего мира в торговле между 130 г. до н.э. и 1453 г. н.э. <...> Эти пути регулярно использовались с 130 г. до н.э., когда династия Хань (202–220 гг. до н. э.) официально открыла торговлю с Западом, до 1453 г. н. э., когда Османская империя бойкотировала торговлю с Западом и закрыла маршруты. К этому времени европейцы привыкли к товарам с востока, и, когда Великий Шелковый путь закрылся, купцам пришлось искать новые торговые пути, чтобы удовлетворить спрос на эти товары.

В китайской грамматике, в отличие от русской и английской, отсутствует категория времени в европейском понимании: глагол обозначает действие или состояние, но не имеет морфологических признаков спряжения по лицам и временам. Прошедшее время может выражаться добавлением к глаголу суффикса 了, который маркирует факт завершения действия или смену

состояния. Рассмотрим это подробнее на следующем отрывке, рассказывающем о возвращения Чжан Цяня (китайский путешественник и дипломат эпохи династии Хань) из западной миссии:

公元前 126 年，历尽千难万险，出使西域十三年的张骞回到了长安。<…>张骞向汉武帝介绍了西哉各国的方位、人口、兵力、风俗、物产、相互关系以及对汉朝的态度等情况。听了他的陈述，人们人们才知道，那里有许多希望和汉朝友好通商的国家 (丝绸之路).	В 126 году до н.э., испытав трудности и опасности, Чжан Цянь, отправившийся в миссию по западным землям на 13 лет, вернулся в Чанъань. <…> Чжан Цянь поведал императору У-ди о местоположении всех западных стран, их населении, войсках, обычаях, природных богатствах, а также об их отношении к династии Хань. Услышав его слова, люди, наконец, узнали, что западные страны хотят дружеских и торговых отношения с династией Хань (Великий шелковый путь).

Глаголы 回到了 (вернулся), 介绍了 (рассказал), 听了 (услышав) с суффиксом 了 обозначают завершенность действий, в данном случае окончание долгой экспедиции – возвращение Чжан Цяня, ознаменовавшее начало нового этапа в отношениях Ханьской империи с Западом. выполняя в китайском предложении ту же грамматическую функцию видо-временной формы глагола, которую в русском и английском языках выполняют формы прошедшего времени.

4. Относительно-дейктические маркеры представлены лексемами, указывающими на временно́е соотношение событий друг с другом, а не с абсолютной точкой отсчета (рус. *тогда, затем, позже, прежде*; англ. *then, later, before, after*; кит. 当时, 后来, 此后, 以前). Функции этих маркеров сходны во всех анализируемых нами трех языках, как, например, в следующем фрагменте из учебного текста об императоре Юлии Цезаре и китайском шелке:

〈…〉曾经记载过这样一件事：有一次，古罗马的恺撒大帝去剧场看戏。他身上那件绚丽夺目的长袍使所有的观众目瞪口呆。〈…〉一打听，才知道那件漂亮的长袍是用中国丝绸制作的。从那以后，华丽的中国丝绸在欧洲各国出了名 （丝绸之路）.	<…> однажды древнеримский государственный и политический деятель Гай Юлий Цезарь отправился посмотреть пьесу в театр. Его ослепительное одеяние ошеломило всех собравшихся. <…> этот прекрасный халат был сшит из китайского шелка. С тех пор китайский шелк прославился в европейских странах.

Дейктические маркеры 曾经 (когда-то), 有一次 (однажды) вводят повествование в неопределенно-отдаленное прошлое без указания конкретной даты, тогда как 从那以后 (с тех пор) фиксирует относительную временную границу – точку отсчета для последующих событий, отнесенную не к абсолютному году, а к моменту, описанному ранее в самом тексте.

5. Порядок чередования нарративного и дискурсивного времени. Помимо лексико-грамматических средств выражения темпоральности, исторический нарратив о Шелковом пути обладает и собственно нарратологическим временны́м измерением, которое требует отдельного инструментария. Вслед за Ж. Женеттом [Женетт, 1998] и М. Яном [Jahn, 2005] мы разграничиваем нарративное время (реальная историческая протяженность описываемых событий) и дискурсивное время (объем и порядок текста, которым эти события изложены). Как отмечает О. А. Леонтович, в нарративном анализе «понятие времени приобретает особое значение, потому что рассказчик имеет над ним значительную власть» [Леонтович, 2011, с. 62]. Историк-нарратор, работающий с материалом о Шелкового пути, пользуется этой властью особенно активно, поскольку располагает материалом, охватывающим тысячелетия, но вынужден излагать его на ограниченном числе страниц.

Как уже было отмечено выше, соотношение «настоящего момента дискурса» и «настоящего момента нарратива» порождает три типа повествования: 1) ретроспективное (рассказ о прошлом), 2) одновременное (дискурсивное и нарративное время совпадают) и 3) повествование о будущем [Jahn, 2005, N5.1]. Материал нашего исследования показал, что во всех проанализированных нами исторических нарративах доминирует ретроспективное повествование, одновременное встречается значительно реже, а повествование о будущем является наиболее редким типом.

Исторический нарратив по своей жанровой природе обращен к прошлому. В качестве примера ретроспективного повествования приведем

нарратив о монгольской столице Каракорум в монографии «Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур» археолога Е. Н. Черных, где один и тот же ойконим последовательно связывает разновременные пласты – цель путешествия европейских миссионеров XIII в., объект археологических раскопок 1979 г. и современный туристический объект, в результате чего дискурсивное «сейчас» автора (2009 г.) организует и сополагает сразу несколько нарративных «тогда».

Одновременное повествование, при котором дискурсивное «сейчас» совпадает с нарративным «сейчас», в историческом нарративе почти не : оно проявляется там, где в тексте цитируется первоисточник, порожденный в момент самого события. Иллюстрацией служит приведенное в монографии В. Хансен письмо согдийского купца (313–314 гг.), в котором время падения города Лоян практически совпадает со временем написания письма:

And, sirs, the last emperor, so they say, fled from Luoyang because of the famine and fire was set to his palace and to the city, and the palace was burnt and the city destroyed. Luoyang is no more (V. Hansen. *The Silk Road: a new history*).	И, господа, последний император, как говорят, бежал из Лояна из-за голода, и его дворец был подожжен, и город был подожжен и разрушен. Лояна больше нет.

Одновременное повествование в материале о Шелковом пути встречается также в жанре путевого дневника – тексте, который пишется непосредственно во время или сразу после описываемых событий, в связи с чем дистанция между нарративным и дискурсивным «сейчас» минимальна. Примером выступает дневник Н.М. Пржевальского «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки»: автор систематически описывает собственные перемещения от первого лица о только что произошедшем: *«в горы на юг отправился я сам с унтер-офицером Урусовым».*

Повествование о будущем является редким типом временно́й организации в историческом нарративе, который по определению предполагает обращение к уже свершившимся событиям. Примером такого повествования служит заключительная глава книги историка П. Франкопана “The Silk Roads:

A New History of the World” *(«*Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий*»*). Изложив ретроспективную историю трансконтинентальных связей на протяжении двух с половиной тысячелетий, автор в последних абзацах книги совершает резкий сдвиг от прошлого к открытому будущему:

The world is changing around us… networks and connections are quietly being knitted together across the spine of Asia; or rather, they are being restored. The Silk Roads are rising again.	Мир вокруг нас меняется… сети и связи потихоньку налаживаются по всему хребту Азии; или, скорее, они восстанавливаются. Великий шелковый путь снова развивается.

6. Скорость изложения.

В. Шмидт в своем знаменитом труде «Нарратология» подробно останавливается на «растяжении и сжатии» событий в времени их описания, отмечая, что «растягиваемые эпизоды важнее сжатых» [Шмидт, 2003, с. 171].

Вслед за ним М. Ян [2005] выделил пять типов скорости изложения событий: изохроническое представление (дискурсивное и нарративное время примерно одинаковы), ускоренное повествование / акселерация (дискурсивное время намного короче нарративного), замедленное повествование / деселерация (дискурсивное время длиннее нарративного), эллипсис (отрезок времени, не описанный в тексте) и паузальное повествование (в нарративном времени ничего не происходит, а в дискурсивном нарратор дает детальные описания или комментарии) [Jahn, 2005, №5.1]. В исследованных нами нарративах превалирует акселерация, что закономерно: исторический нарратив о Шелковом пути должен вместить века и тысячелетия в ограниченный объем текста. Например, в отрывке из монографии китайского писателя и историка Го Цзяньлуна, распад индийской империи Гупта, растянувшийся на десятилетия, описывается одним предложением:

笈多王朝也已经衰落了（郭建龙. 丝绸之路大历史：当古代中国遭遇世界）.	Империя Гупта уже пришла в упадок.

Подобное ускоренное повествование обнаруживается и в книге Лю Синьжу “The Silk Road in World History” («Великий шелковый путь в мировой истории»), где описан целый трансконтинентальный маршрут, на

прохождение которого караванам требовались месяцы, укладывается в один абзац: шаг за шагом перечисляются Чанъань, коридор Хэси, заставы Юймэнь и Янгуань, царство Лоулань, а далее – развилка северного и южного путей вплоть до Ферганы и Согдианы или Кушанского царства и Парфии (см. Приложение 1, нарратив 2).

Паузальное повествование присутствует во многих нарративах и обнаруживается там, где сюжетное время «замирает» ради развернутого статичного описания. В книге Е. Н. Черных «Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур» описание горной «рамы» Степного пояса (Кавказ – Дербентский проход – Копетдаг – Памиро-Тяньшань) не продвигает историческое время вперед ни на день (см. Приложение 1, нарратив 3). Причина этого «застывания» заключается в том, что перечисление горных цепей и переходов представляет собой не событие, а атемпоральную характеристику пространства. Читатель тратит реальное время на восприятие пространственного описания, тогда как историческое время внутри повествуемого мира не движется.

Нарративы с эллиптическим повествованием характеризуются тем, что из нарратива выпадает значительный временно́й отрезок. Так, у В. Хансен встречается почти столетний промежуток в истории Хотана, эксплицитно маркированный автором как лакуна, не имеющая нарративного наполнения:

A gap in surviving documents means that we know very little of Khotan's history between 802, when the Dandan Uiliq documents end, and 901 <…> (V. Hansen. *The Silk Road: A New History*).	Пробел в сохранившихся документах означает, что мы очень мало знаем об истории Хотана в период между 802 годом, когда заканчиваются документы Дандан-Уйлик, и 901 годом <…>.

Изохроническое представление – сравнительно редкий тип, при котором дискурсивное и нарративное время примерно равны – обнаруживается в рассказе о походе Джебе против Кучулук-хана у Е. Н. Черных («Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур»), где тактические действия полководца (обход, преследование, казнь противника у Памирских гор) излагаются шаг за шагом, без резких временны́х скачков (см. Приложение 1, нарратив 4).

Замедленное повествование / деселерация было выявлено лишь в небольшом количестве текстов, что для исторического нарратива ожидаемо: детальное «растягивание» короткого по историческому времени эпизода требует от историка выхода за пределы фактографического изложения. Показательный пример соседствует в тексте с противоположным по скорости приемом: в книге Е. С. Докашевой «Великий шелковый путь. Полная история» момент прибытия Марко Поло ко двору хана Хубилая сопровождается подробным описанием архитектуры дворца (*«каждая сторона – миля в длину», «белые зубчатые стены <…> в вышину добрые десять шагов», «в каждом углу по восемь дворцов»*), тогда как следующее предложение резко ускоряет темп: «В Китае Марко Поло прожил долго: целых одиннадцать лет!». Одиннадцать лет пребывания умещаются в одну восклицательную фразу – наглядная иллюстрация тезиса В. Шмида о том, что «растягиваемые эпизоды важнее сжатых» [Шмид, 2003, с. 171]: архитектурная деталь дворца для нарратора художественно значимее, чем целое десятилетие придворной службы путешественника.

Категория времени играет ключевую роль в интерпретации нарратива, помогая читателю увидеть временны́е связи между событиями и современностью – именно о связи, соединяющей тысячелетнюю историю Шелкового пути с современной геополитической инициативой, идет речь в статье под названием «Вместе–по «Шелковому пути», написанной китайским послом Чжан Ханьхуэй:

> В 2013 году председатель КНР Си Цзиньпин, опираясь на тысячелетнюю историю Великого шелкового пути и на фоне идущих перемен, которых не было в течение ста лет, <…> предложил важные инициативы совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского шелкового пути XXI века», тем самым обогатив древний Шелковый путь содержанием новой эпохи.

Пресуппозицией в данном высказывании является знание адресата об исторической роли Шелкового пути как важного культурного и торгового маршрута. При этом инициатива Си Цзиньпина основана не только на прошлом опыте, но и на современном контексте глобальной экономики.

Анализ темпоральности здесь показывает, как создается многослойный и значимый нарратив о современном экономическом взаимодействии, базирующемся на древних традициях: прошлое (тысячелетняя история пути) и настоящее (инициатива XXI века) соединяются в единой темпоральной структуре текста.

На основании проведенного анализа темпоральности в исторических нарративах мы пришли к следующим выводам.

1. Темпоральность является конститутивным признаком исторического нарратива, представляющим собой систему языковых и нарратологических средств организации, упорядочивания и репрезентации времени исторических событий.

2. Абсолютная календарная дата максимально представлена в европейских языках (в нашем случае – английском и русском), что отражает западную традицию точной датировки, но реже встречается в китайском материале из-за отсутствия собственной традиции линейного летоисчисления и заимствованного календаря.

3. Эпохально-династийные обозначения – главный принцип периодизации в китайской традиции, где династия измеряет целый исторический период, что восходит к превалированию циклической модели времени в китайской лингвокультуре.

4. Видо-временные формы глагола образуют основу повествования в русском и английском языках. Китайский глагол, в свою очередь, не имеет морфологических признаков спряжения по лицам и временам; прошедшее время может выражаться добавлением к глаголу суффикса 了, который маркирует факт завершения действия или смену состояния.

5. Относительно-дейктические маркеры (*тогда, затем, позже, прежде* и их аналоги в других исследуемых языках) отсчитывают время не от абсолютной даты, а от момента, уже описанного в самом тексте.

6. В историческом нарративе может наблюдаться различное соотношение нарративного и дискурсивного времени. В проанализированных нарративах на всех трех языках доминирует ретроспективное повествование; одновременное реализуется через цитируемые первоисточники; повествование о будущем является наиболее редким типом.

7. Среди маркеров скорости повествования преобладает акселерация, позволяющая уместить века и тысячелетия в ограниченный текст; паузальное повествование описывает неизменные характеристики пространства; эллипсис маркирует временной разрыв; изохрония уравнивает дискурсивное и нарративное время; деселерация, напротив, детально растягивает короткий исторический эпизод.

Время в историческом нарративе неотделимо от пространства, репрезентация которого будет рассмотрена в следующем параграфе.

2.1.2 Пространственность

Категория пространственности принадлежит к числу фундаментальных характеристик нарративного текста любого типа – художественного, публицистического, научного, исторического. Исторический нарратив занимает особое место среди нарративных жанров именно потому, что оперирует реальным пространством: в отличие от художественной литературы, он не волен изобретать географию. Это накладывает на категорию пространственности особые ограничения и одновременно открывает специфические возможности. Е. В. Мишалова отмечает, что в концепции Ф. Р. Анкерсмита «историческое повествование является вербальной структурой, предназначенной “быть моделью, знаком прошлых структур и процессов в интересах объяснения, чем они были, посредством их представления”» [Мишалова, 2012, с. 168] Пространство в этом контексте выступает одновременно как реальный референт и как нарративная конструкция. Мы разделяем точку зрения

В. И. Тюпы, согласно которой событие в первую очередь является результатом взаимодействия различных факторов в определенном времени и пространстве, а не абстрактной вечности [Тюпа, 2021]. Даже самое незначительное событие имеет свою временну*ю* линию, включая начало, развитие и завершение, и вписывается в более широкий временной контекст.

Пространство в историческом тексте – это не просто географический фон или место действия, а содержательная категория, участвующая в конструировании смысла. Анализируя структуру исторического нарратива, Е. В. Мишалова указывает, что «события реальной жизни, которые наполняют некоторый пространственно-часовой континуум, нарративный текст вытягивает в сюжетно-линейное построение» [Мишалова, 2012, с. 165]. Это означает, что пространство как полноценное измерение реальности преобразуется в нарративе в систему знаков, упорядочивающих историческое знание.

Важной характеристикой пространственности исторического нарратива является динамичность: пространство, как правило, не статично, а пронизано движением – перемещением армий, купцов, посольств, монахов, правителей. Применительно к нашему материалу культурная и символическая значимость категории пространства состоит в том, что караваны, движущиеся по Великому шелковому пути, становились каналом не только обмена товарами, но и распространения идей, технологий, взаимодействия и диалога разных религий. Вместе с перемещением товаров религиозные концепции буддизма, ислама и христианства охватывали все новые территории, образуя многослойное социальное пространство, характеризующееся смешением культур, традиций и верований. Такое взаимодействие обогащало культуры всех вовлеченных в данный процесс народов, способствуя формированию новой идентичности.

Изучение пространства как категории нарративного текста опирается, прежде всего, на концепцию хронотопа, разработанную М. М. Бахтиным. В работе «Формы времени и хронотопа в романе» (1937–1938) он вводит

понятие хронотопа как «существенной взаимосвязи временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин, 1975, с. 234]. «На дороге (‹большой дороге›), – пишет он, – пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многоразличнейших людей – представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов» [Бахтин, 1975, с. 392]. Дорога оказывается местом пересечения судеб, культур и эпох, что особенно важно для нарративов о торговых путях и миграциях.

Применительно к историческим нарративам бахтинский хронотоп дороги превращается в хронотоп пути – организующую метафору, структурирующую и сюжет, и смысл. Например, в книге британского писателя и путешественника К. Таброна “Shadow of the Silk Road” («Тень Шелкового пути») [Thubron, 2006] дорога – это не только маршрут перемещения нарратора, но и метафора исторического времени и культурного диалога. Дорога в монографии «Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур» археолога Е. Н. Черных предстает в роли «проводника благотворных идей». Хронотоп является не просто приемом, а формообразующим принципом произведения: именно в нем сюжетные события получают конкретную локализацию и смысловое наполнение. Например, столица Монгольской империи Каракорум предстает в книге Е. Н. Черных сразу в нескольких временных срезах: как цель путешествия европейских миссионеров XIII в. (в том числе армянского клирика Смбата Спарапета, чей путь туда, по его словам, занял около двух месяцев через «землю Бодак»), как археологические руины в 1979 г. и как современный туристический объект (см. Приложение 1, нарратив 5). Таким образом, «Каракорум» последовательно связывает истории разного времени, выполняя функцию не только пространственного, но и хронологического якоря повествования.

Э. М. Омаршаева, исследуя пространство в историческом романе, выделяет несколько типов пространственной организации текста: «реальное

(верифицируемое), символическое (несущее культурную нагрузку) и мифологизированное (включающее элементы легенды)» [Омаршаева, 2010, с. 113]. В нарративах о Шелковом пути все три типа нередко совмещаются: исторически зафиксированные маршруты накладываются на мифологические образы (пустыня как испытание, горный перевал как граница миров) и символические смыслы (восточный базар как пространство культурного обмена).

Для детального лингвистического анализа пространственности в нарративном тексте исследователи разграничивают понятия локуса и топоса. В. Ю. Прокофьева определяет локус как «конкретно-чувственный аналог пространства», то есть отдельное место действия, привязанное к реальным координатам, тогда как топос – как «обобщенное место разворачивания смыслов», образ, несущий культурную или архетипическую нагрузку [Прокофьева, 2005, с. 87]. Это разграничение чрезвычайно продуктивно для анализа исторических нарративов. Так, конкретный оазис в пустыне Такла-Макан или город Самарканд функционируют одновременно как локус (реальный географический объект, имеющий координаты) и как топос (символическое место встречи Востока и Запада, перекресток торговых и культурных путей).

На основе анализа практического материала мы выделяем следующий комплекс языковых и композиционных маркеров пространственности в исторических нарративах о Шелковом пути:

1) топонимы (гидронимы, хоронимы, ойконимы, оронимы) – базовый, количественно доминирующий маркер, задающий «текстовые координаты» маршрута;

2) лексика движения – языковые единицы, реализующие понятие дороги/пути, а также глаголы перемещения;

3) языковые средства, выражающие пересечение семантической / пространственной границы –перемещение персонажа из одного пространства (культурного, политического, географического) в другое: миграция племени, военный поход, дипломатическая миссия, торговый маршрут.

Рассмотрим использование маркеров в нарративах.

1. *Топонимы*. Основными маркерами пространства в историческом нарративе являются топонимы – «разряд имен собственных, который включает в себя любые собственные имена природных или созданных человеком объектов на Земле» [Супрун, Мадиева 2015, с. 65]. В нашем корпусе нарративов наиболее часто встречаются следующие виды топонимов: 1) хоронимы – названия территорий, областей, районов; 2) ойконимы – названия поселений; 3) гидронимы – названия водных объектов; 4) оронимы – названия рельефных объектов. Топонимическое пространство нарративов о Шелковом пути представляет собой систему географических имен, которая не просто «маркирует» реальные места на карте, а выполняет самостоятельную нарративообразующую, семиотическую и идентификационную функции в тексте.

Хоронимы (40%) количественно преобладают в нашем материале и, как правило, обозначают крупные административно-территориальные единицы, вовлеченные в геополитическое соперничество за контроль над караванными путями. Ю. В. Латов отмечает, что развитие Шелкового пути «зависело от геополитического противоборства разных стран за контроль над караванными путями» [Латов, 2010, с. 126]: в VI в. за ними следил Тюркский каганат (突厥汗国), в XIII в. их контролировала империя Чингисхана, а в XIV в. контроль над Шелковым путем перешел к империи Тимура (Тамерлана). Тюркский каганат объединил территорию Средней Азии, однако этот период оказался коротким; после его распада образовалось множество кочевых государств, способных контролировать лишь локальные участки пути [Латов, 2010]. Основной целью Тамерлана было закрепить за собой оставшуюся часть Шелкового пути ради процветания своей столицы — Самарканда.

Особую роль в качестве топоса среди хоронимов Шелкового пути играет образ пустыни – Такла-Макан, Гоби, Каракумов или иранских пустынь. В пространственной структуре нарративов пустыня занимает положение «пустого центра» – пространства между цивилизациями, маркирующего границы и

опасности торгового пути. Путевые дневники Н. М. Пржевальского демонстрируют, как фактуальное описание пустыни постепенно приобретает черты топоса: автор фиксирует температуру +34,7°, хороним *«оазис Сачжоу»*, время суток *«после полудня»*, однако далее объективное описание насыщается образными номинациями *(«бешеные порывы ветра», «пустыня еще раз напомнила о себе»*), одушевляющими природу и превращающими ее в субъект, противостоящий человеку.

Описание хоронима пустыни также наблюдается у К. Таброна. Пустыня является не просто деталью пейзажа, а полноценным участником повествования. Символизируя угрозу и испытание для автора и героев, пространственный топос пустыни задает логику и смысл всего повествования о Шелковом пути:

These black hurricanes, the kara-buran, I knew, could lift up whole sand dunes and had buried caravans without trace. Even in stillness, the Taklamakan was the most dangerous desert on earth (C. Thubron. *Shadow of the Silk Road*).	Эти черные ураганы, кара-бураны, как я знал, могли поднимать в воздух целые песчаные дюны и бесследно хоронить в песке целые караваны. Даже в полное затишье Такла-Макан оставалась самой опасной пустыней на земле.

Ойконимы (34,7%) образуют второй по значимости разряд онимов и, как правило, обозначают конкретные населенные пункты – столицы, торговые города, порты, крепости, которые функционируют в нарративе одновременно как локус и как топос. В. В. Молчановский отмечает, что топоним хранит в себе знания о стране, историко-культурную информацию об этносе: «национально-культурный компонент семантики топонимов отличается особой страноведческой репрезентативностью, богатством культурно-исторических ассоциаций» [Молчановский, 1984, с. 5], что мы можем наблюдать в следующем примере:

Кажется, что к 1260–1270 годам территориальные рамки Монгольской – самой обширной в мировой истории сухопутной империи достигли своего максимума, покрывая фантастическую площадь. Наконец, великий хан Хубилай перенес столицу империи в Пекин (Карабалык) и основал новую монголо-китайскую династию Юань (Е.Н. Черных. *Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур).*

Каждый из упомянутых в нарративе топонимов выступает «архивом» историко-культурной памяти о двух различных этносах. Использование двойного названия в скобках (Пекин/Карабалык) фиксирует «встречу» двух миров в одной географической точке. Появление этого двойного названия в историческом нарративе служит доказательством того, что монгольская империя перестала быть кочевой. Именно благодаря «страноведческой репрезентативности» топонимов читатель может считать сложный процесс превращения монгольской военной экспансии в оседлую монголо-китайскую династию Юань. Топоним здесь становится ключом к интерпретации исторического процесса, что подтверждает тезис о том, что топонимика является богатством культурно-исторических ассоциаций.

Наиболее показательным примером совмещения локуса и топоса в границах одного ойконима служит государство Лоулань, описанное в труде "*The Silk Road Encyclopedia*" («Энциклопедия Великого шелкового пути») историка и лингвиста Чжон Су Иля (2016):

Loulan was a nation in the Western Regions by an oasis on the left bank of Lop Nor at the eastern edge of the Takla Makan Desert. It was under Yuezhi rule during the Qin Dynasty and served an important role as a crossroads for the northern and southern routes of the Oasis Road during the Han Dynasty. The people of Loulan acted as guides for Oasis Road travelers, offering them food, water, camels, and other services.	Лоулань была государством в Западном крае, располагавшимся в оазисе на левом берегу Лобнора у восточной окраины пустыни Такла-Макан. В эпоху династии Цинь она находилась под властью юэчжей, а в эпоху династии Хань играла важную роль перекрестка северного и южного маршрутов Оазисного пути. Жители Лоулани служили проводниками для путешественников по Оазисному пути, обеспечивая их продовольствием, водой, верблюдами и другими услугами.

Небольшое оазисное государство Лоулань «у восточной окраины пустыни Такла-Макан» приобрело историческое значение, прежде всего, как «перекресток северного и южного маршрутов Оазисного пути». В результате географическое пространство (локус) превратилось в устойчивый культурно-исторический символ (топос) – ключевой транспортный узел. В нарративе этот регион устойчиво ассоциируется с постоянным движением людей, товаров и

идей, о чем свидетельствуют и буддийские храмы с рукописями, найденные под его песками.

К числу значимых ойконимов относятся также портовые города морского участка Шелкового пути. Анализ ономастического пространства показал, что наряду с сухопутными путями морские маршруты обладали колоссальной значимостью, не исключая, а дополняя друг друга. Рассмотрим пример из книги Жун Синьцзяна «Великий шелковый путь и культурный обмен между Востоком и Западом» (2021): «морской путь лучше всего было начинать в Гуанчжоу», поскольку этот город представлял собой «важный внешнеторговый порт империи Тан, а также один из начальных пунктов морского Шелкового пути в Китае». Другим ключевым элементом портовой системы являлся Хайчжоу, функционировавший как судостроительная база: здесь «могли производить большие корабли для иностранных официальных послов и даже выделить несколько сотен матросов для сопровождения иностранных дипломатических групп».

Ключевым ойконимом и символом границы в нарративах выступает «Застава Нефритовых Ворот» (玉门, застава Юймэнь). Лингвистическая модель топонима (сущ. 玉 «нефрит» + сущ. 门 «ворота») напрямую отражает экономическую функцию пространства: именно через этот пункт во внутренний Китай везли ценный нефрит. Одновременно застава выполняла инфраструктурные и оборонительные задачи – служила почтовой станцией, местом отдыха торговцев и послов, а также охраняла границы империи и караваны от набегов северных гуннов, что показано в произведениях Ф. Вуда “The Silk Road: Two Thousand Years in the Heart of Asia” («Шелковый путь: два тысячелетия в центре Азии»), Фан Мина 《丝绸之路：汉英对照》 («Шелковый путь: сопоставление китайского и английского подходов»), Го Цзяньлуна 《丝绸之路大历史：当古代中国遭遇世界》 («Великая история Шелкового пути: Когда Древний Китай столкнулся с миром»).

Гидронимы (17,4%) в нарративном пространстве Шелкового пути представлены названиями рек, служивших ключевыми ориентирами караванного маршрута: Хуанхэ (黄河), Таохэ (洮河), Лобнор (罗布泊), Янцзы (长江). В китайском языке названия водоемов отражают древние представления народа об окружающем пространстве. Изменение древнего названия Хуанхэ на «Чжохэ» («Мутная река») фиксирует исторические изменения свойств самого пространства (накопление песка и глины из-за регулярных разливов реки); это пример описательного топонима, содержащего квалификативную характеристику объекта: родовой термин 河 (hé, «река») сочетается здесь с определением 黄 (huáng, «желтый»). Название реки Янцзы (长江) образовано по той же модели и дословно переводится как «длинная река» (长 – «длинный», 江 – «река»). Регулярное упоминание этих рек в повествовании о Шелковом пути подчеркивает их критическую значимость для хозяйственной и культурной жизни цивилизации.

Оронимы (7,9%) встречаются реже, однако выполняют важную композиционную функцию естественных границ и ориентиров маршрута. Многие проанализированные нарративы содержат упоминания горы Тянь-Шань (天山), которую караванам было необходимо преодолеть на пути в Среднюю Азию. Лингвокультурный анализ этого оронима выявляет его сакральный характер: сочетание иероглифов 天 – «небо» и 山 – «гора» дословно переводится как «небесные, божественные горы» – калька с монголо-тюркского *Тенгри-Таг*, отражающая связь географического объекта с религиозными представлениями коренного населения. В поэзии Тянь-Шань изображается как суровый пограничный край, пронизанный мотивом испытываемой воинами тоски по дому:

《明月出天山， 苍茫云海间。 长风几万里， 吹度玉门关。 由来征战地，	Яркая луна восходит из-за гор Тянь-шань, Безбрежная пелена облаков среди гор. Сильный ветер дует на несколько десятков тысяч ли, доходя до заставы Юймэнь. Из-за битвы, еще не видел ни одного человека.

不见有人还。 戍客望边色，思乡多苦颜》(关山月 (Китайская поэзия).	Люди, охраняющие границы следят за пограничными землями. Тоска по родным местам больше горя.

В упомянутой выше монографии Е. Н. Черных горные системы (Урал, Кавказ, Карпаты, Алтай) функционируют как естестенные «границы» и «ворота» степного пространства: со стороны Кавказа степной пояс Евразии защищает *«мощный и трудно преодолимый вал Главного Кавказа»*, прерываемый лишь Дербентским проходом, *«который и служил долгие тысячелетия наиболее удобным путем для мирных или немирных контактов различных народов севера и юга»*; далее на восток пояс ограничивает хребет Копетдага, а затем *«трудно преодолимые громады горной системы Памиро-Тяньшанья»*. Автор показывает, как горные хребты и проходы в них образуют природную границу степи. Перечисляя географические названия этих «стен» и «ворот», Е. Н. Черных наглядно объясняет, почему этот регион называют «пояс». Горы могут выступать одновременно и барьером (как Памир, останавливающий контакты Востока и Запада), и осью-ориентиром маршрута (как Куньлунь для южной дороги), что подтверждается следующим примером из уже цитированной ранее книги историка Лю Синьжу “The Silk Road in World History” («Великий шелковый путь в мировой истории»):

The Oasis Kingdoms along the South Silk Road, nourished by the snow water of Kunlun Mountain, has been serving as transportation posts and supply stations, maintaining the smoothness of the Silk Road for centuries (Xinru Liu. *The World of the Ancient Silk Road*).	Оазисные царства вдоль Южного Шелкового пути, питаемые талыми водами гор Куньлунь, на протяжении веков служили транспортными узлами и станциями снабжения, поддерживая бесперебойную работу Шелкового пути.

Пространство Шелкового пути часто представлено как сеть, где ключевое значение имеют не территории, а точки фиксации (города, ворота, заставы) и узлы перелома (горы, пустыни), что характерно для описания Великого Шелкового пути как логистической системы, а не просто физического маршрута.

2. Лексика движения. Наряду с топонимами, пространственность исторического нарратива маркируется лексическими единицами, номинирующими сам процесс движения (*проходить, двигаться, разветвляться, достигать* и т. д.) и его маршрут (*путь, маршрут, дорога, коридор* и др.). Это иллюстрирует следующий фрагмент, насыщенный подобной лексикой:

The Silk Road started from Chang'an (Western Han Dynasty) and Luoyang (Eastern Han Dynasty) bifurcated into two routes along the north and south edges of the Taklimakan Desert after passing through the Hexi Corridor, Yang Gate, Yumen Gate into the Loulan Kingdom around the Lop-nor. Walking along the north rim of the desert, go through the Quli, Qiuci, Gumo to Shule, and then crossing the Cong Ling Ridges (the Pamirs), one could have reached Dayuan (in Ferghana) and Kangju (in Sogdiana). While walking along the south edge, one could have reached Da Yuezhi (the Kushan) and An Xi (the Parthian), via Qiemo, Jingjue, Yutian, Shache and Pamirs (Xinru Liu. *The World of the Ancient Silk Road*).	Шелковый путь начинался в Чанъане (династия Западная Хань) и Лояне (династия Восточная Хань), после чего, пройдя через коридор Хэси, заставы Янгуань и Юймэньгуань в царство Лоулань в районе озера Лобнор, разветвлялся на два маршрута вдоль северной и южной окраин пустыни Такла-Макан. Двигаясь по северному краю пустыни, можно было пройти через Цюйли, Цюцы (Куча) и Гумо к Шуле (Кашгар), а затем, преодолев хребты Цунлин (Памир), достичь Даюани (в Фергане) и Кангюя (в Согдиане). Двигаясь по южному краю через Цемо, Цзинцзюэ, Юйтянь (Хотан), Шачэ (Яркенд) и Памир, можно было достичь Юэчжи (кочевой народ, Кушанское царство) и Аньси (Парфия).

Лексемы *route* (маршрут), *corridor* (коридор), *gate* (застава, ворота), *bifurcated* (разветвлялся) не называют конкретных географических объектов, но задают саму логику пространственного пути – развилки, узлы, направления. Аналогичную функцию в китайском материале выполняет сочетание 《丝绸之路》 (букв. «путь шелка») – обозначение изучаемого нами феномена, а также лексемы 通道 (коридор, проход) и 路线 (маршрут), регулярно сопровождающие топонимы в китайских нарративах и выполняющие связующую функцию по отношению к перечисляемым в тексте пунктам маршрута.

В следующем примере из «Энциклопедии Байду» динамический характер пространства маркируется глаголами, номинирующими физическое перемещение субъектов (людей, товаров, войск):

自兩漢以來，軍隊、使節、商隊、僧侶、詩人，不斷過往蘭州，渡過黄河，西去東來，不知有過多少腳步在這裡駐足？(百度百科).	Во время династии Хань войска, дипломатические представители, караваны, монахи и поэты непрерывно проходили через город Ланьчжоу, переплывали реку Хуанхэ. С востока шли на запад – сколько караванов здесь останавливалось?

Глаголы 過往 (проходить мимо, через), 渡過 (переправляться, переплывать) и фраза 西去東來 (букв. «на запад уходили, с востока приходили») эксплицитно фиксируют двунаправленное движение через один и тот же гидроним – реку Хуанхэ, превращая ее в постоянно пересекаемый рубеж. В русскоязычном материале сходную функцию выполняют глаголы совершенного и несовершенного вида: *«в этих местах проходили торговые пути», «На этих постоялых дворах можно было продать и купить оптом товар, узнать последние новости и цены на товары»* (Докашева Е.С. «Великий шелковый путь. Полная история»). Показательно, что глаголы перемещения в анализируемых нарративах регулярно сочетаются с указанием временно́й протяженности пути (шесть месяцев, годы), что подтверждает неразрывную связь пространственности и темпоральности как конститутивных признаков исторического нарратива.

3. Пересечение семантической/пространственной границы. Наиболее сложным по семантике маркером пространственности выступает пересечение персонажем (индивидуальным или коллективным) границы, разделяющей два типа пространства – культурного, политического или географического. Вслед за Ю. М. Лотманом, определяющим событие как «перемещение персонажа через границу семантического поля» [Лотман, 1998, с. 224], мы рассматриваем подобное пересечение как пространственную проекцию событийности: миграция племени, военный поход, дипломатическая миссия и торговый маршрут в равной мере реализуют данный маркер, поскольку каждый из них предполагает переход из одного пространства в другое, влекущий за собой изменение статуса пересекающего границу субъекта.

Ярким примером служит уже рассмотренная выше судьба царства Лоулань: подчинение этого оазисного государства империей Хань в 77 г. до н. э. представляет собой пересечение политической границы, в результате которого локальное пространство оазиса включается в состав более крупного имперского пространства. Аналогичным образом чередование контроля над Шелковым путем – от Тюркского каганата к империи Чингисхана и далее к империи Тимура – фиксирует последовательное пересечение политико-территориальных границ, каждый раз перекраивающее пространственную карту маршрута.

Проведенный анализ пространственности в исторических нарративах о Шелковом пути позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Пространственность является одной из фундаментальных категорий исторического нарратива: в отличие от художественного текста, она не создает, а организует реальное географическое пространство, которое одновременно структурирует сюжет по принципу хронотопа пути и обеспечивает фактуальность через топонимы.

2. Ведущим маркером пространственности выступают топонимы, при этом каждый их разряд выполняет свою функцию: хоронимы фиксируют геополитический контроль над маршрутом, ойконимы совмещают локус и топос, гидронимы и оронимы задают природные ориентиры, топонимы в целом служат ключом к интерпретации исторического процесса.

3. Лексика движения выполняет по отношению к топонимам связующую функцию, раскрывая членение маршрута на участки и узловые точки без называния конкретных объектов. Глаголы перемещения маркируют динамический характер пространства и регулярно сочетаются с показателями временной протяженности пути, подтверждая связь пространственности с темпоральностью.

4. Пересечение пространственной границы (миграция, поход, дипломатическая миссия, торговый маршрут) выступает пространственной проекцией событийности и маркирует ключевые точки перестройки карты Шелкового

пути. В текстах о Шелковом пути именно эти пересечения границ обозначают переломные моменты истории: когда империи присоединяют новые земли, меняется власть или кочевники оседают на новой территории.

2.1.3 Событийность

Следующим конститутивным признаком, формирующим исторический нарратив, является событийность. Событие выступает как инициирующий фактор повествования, определяющий развитие сюжета, конструирующий тему и направляющий читательское восприятие хронологии и значимых трансформаций в пространстве текста.

Событие представляет собой одно из ключевых понятий современной нарратологии, которая охватывает широкий социокультурный контекст «сюжетно-повествовательных высказываний (дискурсов), связанных с определенной фабулой» [Тюпа, 2001, с. 4]. Это направление научного исследования предполагает изучение сложных взаимосвязей между событиями, повествовательными структурами и культурными контекстами, в которых они возникают и функционируют. Событийность в нарративе часто рассматривается через призму деятельности персонажей и последовательности событий, образующих сюжет. Согласно М. М. Бахтину [1929], события в нарративе формируют контекст, в котором развиваются персонажи, а их взаимодействие создает многозначность произведения. М. М. Бахтин отмечает, что каждый элемент событийности не является изолированным, а представляет собой узел в сложной сети соотношений, что позволяет углубить анализ и интерпретацию текста [Бахтин, 1929]. Будучи ключевой формой репрезентации человеческого опыта, нарратив конструирует события как инструмент осмысления индивидом собственной жизни и внешнего мира. Таким образом, события в нарративе занимают центральное место не только в структуре текста, но и в процессе понимания и интерпретации реальности.

Каждый нарратив строится на основе событийной структуры. Концепция изображенного пространства и времени служит предпосылкой, формирующей характер событий и логику их последовательности. По мнению В. И. Тюпы, событие – это не просто факт хроники, а радикальный сдвиг в структуре художественного или исторического мира, который необратимо меняет статус и ментальную позицию героя [Тюпа, 2021]. По мнению исследователя, событие становится событием только тогда, когда оно организовано в повествовательную форму. Сам по себе факт еще не обладает завершенным смыслом – он приобретает его через структуру повествования, где выделяются начало, развитие и завершение: «Чтобы рассказать о событии, необходимо положить ему начало и конец, придать ему фрактальность, разворачивая в цепь эпизодов или хотя бы в сценарную цепочку кадров ментального вѝдения» [Там же. С. 17].

Событие отличается от обычного происшествия тем, что оно подразумевает реализуемую стратегию и намеченные итоговые результаты, например, событием может считаться завоевание контроля над участками Шелкового пути. А простое происшествие, как утверждает Г. Гегель, демонстрирует лишь внешнюю сторону человеческой активности и представляет собой случайное явление, не наделенное необходимостью целенаправленного действия [Гегель, 1968, с. 470]. Ю. М. Лотман [1998], также определяет событие через отношение героя к своему пространственно-временному окружению. Сравнивая эти два определения Н. Д. Тамарченко приходит к выводу, что событие – это «переход персонажа через границу, разделяющую “семантические поля” в тексте (с точки зрения автора и читателя) или части (сферы) пространства-времени в мире (с точки зрения героя, связанной с его представлениями о цели и о препятствиях к ее достижению)» [Тамарченко, 2001, с. 185]. Так, например, описывается событие в книге историка В. Хансен “The Silk Road: A New History” («Шелковый путь: новая история»), произошедшее с Чжан Цянем, китайским путешественником и дипломатом эпохи династии Хань (подробнее см. с. 39):

его захватили сюнну (древний кочевой народ), но после десятилетнего пребывания в плену он продолжил путь на запад через Центральную Евразию к пастбищам юэчжи. Здесь граница проходит не через географическую точку, а через сам статус героя. У Чжан Цяня была цель – дойти до юэчжей (другого древнего кочевого народа) и заключить с ними союз против хунну. Персонаж на пути к цели встретился с препятствием – пленом. Его движение к цели было остановлено, но, когда он вырвался из плена и продолжил путь на запад, это стало переходом через границу: герой вернулся из состояния «пленника» в состояние «идущего к цели».

На основании теоретических положений и анализа эмпирического материала про Великий шелковый путь, мы выделили следующие м а р к е р ы с о б ы т и й н о с т и в историческом нарративе:

1) изменение статуса субъекта – трансформация идентичности или положения персонажа (кочевник становится покоренным народом, торговец превращается в культурного посредника, купец меняет имя и адаптируется к чужим правилам);

2) динамические мотивы: намеренные (экспедиции, военные кампании, дипломатические миссии) и ненамеренные (природные катастрофы, поглощение городов пустыней и т. д.) действия и процессы;

3) оппозиция фабула/сюжет (расхождение между хронологической последовательностью реальных событий и нарративной организацией текста: читатель узнает об истории в авторском порядке, а не в хронологическом);

4) линейные и множественные сюжетные линии: хронологически последовательные события (линейная линия) или параллельные судьбы персонажей, пересекающиеся в узловых исторических точках (множественные линии);

5) нарушение пространственной связности (войны, блокады, смена контроля над маршрутом, прерывающие функционирование Шелкового пути как канала обмена и создающие «событийную плотность» нарратива);

6) цикличность событий: повторяющийся нарративный паттерн:

(конфликт / вытеснение / миграция / освоение новой территории), организующий масштабные исторические нарративы о кочевых народах;

7) биографические сюжеты как точки концентрации событийности (история глобального процесса, рассказанная через жизнь реально живущей личности).

Проанализируем каждый из маркеров.

1. *Изменение статуса субъекта*. Данный маркер реализуется как трансформация идентичности, статуса или положения персонажа — индивидуального или коллективного. Например, детально разработанную трансформацию статуса демонстрирует племя юэчжей (древний кочевой народ). Историк Лю Синьжу в монографии “The World of the Ancient Silk Road” («Мир древнего Шелкового пути») показывает, как один и тот же коллективный субъект проходит путь от беглеца до завоевателя. Автор разворачивает повествование не просто как географическое описание, а как динамическую цепную реакцию, где микрособытия кочевой жизни приводят к макроисторическому сдвигу глобального масштаба:

The Yuezhi initially traveled a few hundred miles north into the fertile Ili River valley <…>. But sometime around 133 bce a powerful contingent of vengeful Xiongnu and allied horsemen routed the Yuezhi and forced them to resume their migration. This time their journey took them thousands of miles west, deep into the heart of Central Asia until, around the year 130 bce, they settled again in fertile river valleys that drained into the Amu Darya, one of the great rivers of Central Asia. When the Yuezhi arrived, they fought a battle against a powerful group of resident Saka (or Scythians) who they defeated and evicted. This victory gave them control of the kingdom of Bactria to the south (modern Afghanistan), which had already been part of several previous empires – those of the Persians, of Alexander of Macedon, and of his successors the Seleucids.	Первоначально юэчжи продвинулись на несколько сотен миль к северу, в плодородную долину реки Или <…>. Однако около 133 года до н. э. мощный отряд мстительных сюнну и их союзной конницы разгромил юэчжи и вынудил их вновь продолжить миграцию. На этот раз их путь пролегал на тысячи миль к западу, в самое сердце Центральной Азии, пока примерно к 130 году до н. э. они снова не поселились в плодородных речных долинах, относящихся к бассейну Амударьи – одной из великих рек Центральной Азии. Когда юэчжи прибыли туда, они вступили в сражение с могущественной группой местных саков (или скифов), которых победили и вытеснили. Эта победа дала им контроль над расположенным южнее царством Бактрия (современный Афганистан), которое ранее уже входило в состав нескольких империй – Персидской державы, государства Александра Македонского и державы его преемников Селевкидов.

В начале повествования юэчжи выступают в роли пассивной жертвы обстоятельств. Хунну вытеснили их с прежних земель, и юэчжи были вынуждены бежать на запад. Дойдя до Амударьи, они столкнулись с саками (скифами), нанесли им поражение и установили контроль над царством Бактрия. Таким образом, за сравнительно короткий период юэчжи прошли путь от вытесненного, спасающегося бегством народа до завоевателей: кочевники подчинили себе оседлое земледельческое население Бактрии, ранее входившей в состав державы Ахеменидов и империи Александра Македонского. Это завоевание стало необратимым: юэчжи закрепились на новых землях, и прежнее политическое устройство региона восстановлено не было. Автор подчеркивает, что это завоевание Бактрии кочевниками представляет собой нечто большее, чем типичный для мировой истории захват оседлого общества. Оно описывается как первое зафиксированное событие в истории мирового летописания.

Детальное изменение статуса субъекта также прослеживается в книге “Life Along the Silk Road” («Жизнь вдоль Шелкового пути») британского историка, синолога и специалиста по Центральной Азии С. Уитфилд. Она описывает будни согдийца Нанайвандака, чья повседневная деятельность строится на обмене китайского шелка на центральноазиатских лошадей. Согдийский купец, совершая сделку в г. Чанъане, обязан приспосабливаться к китайскому этикету, менять имя на китайский манер и следовать правилам поведения на регулируемых рынках. Торговая сделка (обмен шелка на лошадей) превращает купца из рядового участника торговли в культурного посредника. С. Уитфилд подчеркивает, что этот обмен не завершается передачей товара. Лошади нужны китайской армии для борьбы с кочевниками “*the horses would be sold to representatives of the Chinese government*”, а шелк используется в качестве дипломатических даров. Обычная сделка раскрывает взаимозависимость между повседневным трудом караванщика и выживанием целых государств.

2. *Динамические мотивы: намеренные действия и ненамеренные процессы*. С точки зрения Б. В. Томашевского, «событие рассматривается как минимальная нарративная единица, первоэлемент сюжета» [Томашевский, 1925, С. 181–182]. Действия персонажей, а также явления и процессы выступают в качестве динамических мотивов, тогда как состояния и свойства характеризуются статической природой [Андреева, 2006, с. 44]. Мотив часто оказывается связан с темой, а «тема высказывания – это то событие или ситуация, которые изображаются, описываются и оцениваются [Тамарченко, 2001, с. 196].

Намеренными и целенаправленными действиями служат экспедиции, раскопки, фиксация данных, проводимые археологами и другими исследователями. Эта деятельность меняет взгляд на историю и культуру – открывая новые сведения. Экспедиции конца XIX — начала XX в. (А. Стейна, П. Пеллио, С. Гедина, А. фон Лекока, П. К. Козлова) проводились с конкретными задачами: ученые отправлялись в пустыни Такла-Макан и Гоби проводить картографирование, раскопки жилищ, пограничных вышек и буддийских ступ. Примером ненамеренного процесса может послужить отрывок из нарратива В. Хансен “The Silk Road: A New History” (Шелковый путь: новая история»), где описываются песчаные бури, которые погребали под собой целые караваны. Такое природное явление – это ненамеренное изменение состояния (гибель людей, утрата товаров), которое выступает мощным динамическим мотивом, заставляющим выживших менять маршрут или искать спасения в оазисах.

3. *Оппозиция фабула/сюжет*. Б. В. Томашевский [1925] утверждает, что в художественном повествовательном тексте действуют принципы экономии и целесообразности, что обусловливает наличие мотивации у всех элементов текста, каждый из которых в той или иной степени влияет на развитие фабулы. В. Шмид определяет фабулу как то, «что было на самом деле», а сюжет как то, «как узнал об этом читатель», где события описаны в таком порядке, в котором их захотел изложить автор [Шмид, 2003, с. 117]. Сам

нарратор, как отмечает О. А. Леонтович, определяет «не только последовательность повествования о событиях, но и то, каким из них уделить больше внимания, а в каких опустить подробности» [Леонтович, 2011, с. 98–100].

Рассмотрим в качестве примера отрывок из исторических путевых заметок знаменитой «Книги о разнообразии мира» М. Поло. Книга не была написана им собственноручно. В 1298 г., участвуя в войне между Венецией и Генуей, он попал в генуэзский плен. В тюрьме с его слов пизанский сочинитель рыцарских романов Рустичано записал воспоминания путешественника. В данном нарративе фабулой служит объективная историческая и биографическая реальность – хронологически последовательное 24-летнее путешествие семьи М. Поло. В то же время сюжет этого повествования – то, «как узнал об этом читатель» – выстроен принципиально иначе. Текст организован не как строгий дневник по дням и годам, а как тематическое и географическое описание регионов. Читатель сначала узнает о великолепии двора хана, затем о провинциях Китая, при этом хронологическая последовательность часто нарушается ради того, чтобы произвести максимальный эффект на читателя:

> И сказал он себе поэтому: нехорошо, если все те великие диковины, что он сам видел или о которых слышал правду, не будут записаны для того, чтобы и другие люди, не видевшие и не слышавшие этого, могли научиться из такой книги. Скажу вам еще: двадцать шесть лет собирал он сведения в разных частях света, и в 1298 г. от Р. Х., сидя в темнице в Генуе, заставил он заключенного вместе с ним Русти-кана Пизанского записать все это (Пер. И. П. Минаева).

Как уже было сказано выше, событие идентифицируется с сюжетом как глобальной структурой повествовательного текста. Событие может воплощаться как иерархия более частных событий, образующих цепь событий – сюжет. То, что в рамках культурного текста рассматривается как единичное событие, в конкретном нарративе может быть развернуто в полноценный сюжет. Согласно Ю. М. Лотману, структура события должна включать три ключевых элемента:

1) пространство, или топос, который определяет расположение персонажей в художественном мире и, соответственно, служит средством для выражения других, не связанных с пространством, отношений внутри текста;

2) семантическую границу, разделяющую топос художественного текста на комплементарные подпространства, при этом любое нарушение данной границы воспринимается как отклонение от установленного и привычного порядка вещей;

3) подвижную фигуру персонажа, который осуществляет действия, направленные на пересечение этой семантической границы [Лотман, 1998].

4. *Линейные и множественные сюжетные линии.* Развитие действий вокруг определенного персонажа, конфликта или темы отсылает нас к понятию сюжетной линии, которая в литературоведении и нарратологии понимается как последовательность взаимосвязанных событий. Б. Томашевский [1996] рассматривает сюжетную линию как способ художественной организации материала. В исторических нарративах сюжетные линии могут быть проанализированы через призму событийности, которая подразумевает динамику развития событий и их взаимосвязи в контексте времени и пространства. Главной особенностью исторических нарративов является их способность перекликаться с реальными историческими событиями, что создает уникальный слой значений и контекстов. Прежде всего, следует выделить линейные сюжетные линии, где события развиваются в четкой хронологической последовательности. Такая структура позволяет читателю следить за развитием исторического процесса и осмыслять причинно-следственные связи. Эта линия может быть представлена через ключевые моменты, такие как восстания, заключение мирных договоров или значимые изменения в политической или социальной среде, которые формируют дальнейшее течение событий.

Пример сюжетной линии с четкой хронологической последовательностью событий на протяжении полутора веков (640–790 гг.) мы находим в монографии «Великий Шелковый путь и культурный обмен между Востоком

и Западом» Жун Синьцзяна. В тексте (см. Приложение 1, нарратив 6) рассказывается о Танском императоре Тай-цзун (640 г.), который разрушает местное княжество Гаочан и основывает на его месте укрепленный пункт Тинчжоу. В 651 г. глава Западно-тюркского каганата поднимает восстание и захватывает Тинчжоу; к 658 г. империя Тан подавляет мятеж и возвращает контроль над крепостью. В последующие десятилетия (662, 702, 713 гг.) статус пункта последовательно повышается – от рядового наместничества до генерал-губернаторства Бэйтин с расширенными полномочиями и усиленной охраной. В 755 г. восстание Ань Лушаня вынуждает империю перебросить войска во внутренние области для защиты трона, из-за чего власть на северной границе слабеет; в результате в 790 г. ослабленный Бэйтин захватывает Тибет.

Вторую важную категорию составляют множественные сюжетные линии, которые могут развиваться параллельно. Эти линии часто пересекаются в определенные моменты, создавая сложные сетевые структуры, где каждое событие может оказывать влияние на другие события. Такое повествование содержит множество фокусных персонажей, чьи судьбы переплетаются на фоне более широких исторических процессов, что позволяет глубже исследовать взаимодействия и конфликты, возникающие в обществе.

Так, например, в книге С. Уитфилд “Life Along the Silk Road” (2015) («Жизнь вдоль Шелкового пути») история маршрута показана через жизни конкретных людей разных эпох, культур и социальных слоев. Автор детально описывает, как Тибетский контроль над дорогами становится физическим барьером для всей Евразии:

In the 780s, Seg Lhaton, a Tibetan soldier, was quartered in a fort at Miran in the southern Tarim, over a thousand miles from his home. His countrymen had retaken Miran and many other towns and army garrisons from the Chinese over the past two decades, and they now controlled the route between Sogdia and China, shutting off trade and diplomatic missions between Samarkand and Chang’an and thereby stopping one	В 780-х годах Сег Лхатон, тибетский солдат, был расквартирован в крепости Миран на юге Тарима, более чем в тысяче миль от своего дома. За последние два десятилетия его соотечественники отбили у китайцев Миран и многие другие города и армейские гарнизоны, и теперь они контролировали маршрут между Согдией и Китаем, перекрыв торговые и дипломатические миссии между Самаркандом и Чананем и тем самым перекрыв один из источников богатства и могущества Китая.

source of China's wealth and power. A few merchants had recently managed to get through by going north of the Tianshan, but this was Uygur-held territory, and the merchants had to pay a toll for safe passage. Most did not attempt the route; even Nanaivandak, a consummate traveler and trader, had to rest content with making deals closer to Samarkand. His 751 journey to Chang'an would be his last.	Нескольким торговцам недавно удалось пробраться сюда, направившись к северу от Тяньшаня, но это была территория, контролируемая уйгурами, и торговцам пришлось заплатить пошлину за безопасный проход. Большинство из них не стали пробовать этот маршрут; даже Нанайвандаку, заядлому путешественнику и торговцу, пришлось довольствоваться тем, что он заключал сделки поближе к Самарканду. Его путешествие в Чанань в 751 году стало последним.

Судьбы тибетского солдата и согдийского купца разворачиваются в этом фрагменте параллельно, но пересекаются в единой узловой точке – военном контроле над маршрутом между Согдией и Китаем: линия одного персонажа (военная служба) напрямую определяет траекторию другого (торговая карьера), что и составляет специфику множественной сюжетной организации в отличие от линейной.

5. *Нарушение пространственной связности.* Данный маркер реализуется через сюжетные линии военных столкновений (войн, набегов, завоеваний, падения крепостей), которые являются одними из самых частотных в нарративах о Великом шелковом пути. Если полностью изъять линию военных столкновений из его истории, повествование превратится в статичное описание бесконечного и бесконфликтного обмена товарами, что будет считаться искажением реальности той эпохи. В исторических нарративах о Шелковом пути эта сюжетная линия выполняет роль «каркаса», который скрепляет разрозненные социальные, экономические и культурные процессы в единую, динамично развивающуюся сеть. Без нее нарратив теряет свою «событийную плотность» и превращается в географический справочник. Шелковый путь никогда не был зоной свободной и безопасной торговли и существовал только потому, что крупные военные силы (империя Тан, Хунну, Тибет, Тюркские каганаты) могли силой оружия гарантировать безопасность на подконтрольных им участках и собирать за это налоги. Конфликт между различными торговыми культурами, борьба за контроль над торговыми

путями, столкновения различных мировоззрений служат фоном для более глубокого понимания политической и социальной динамики, связанной с этими взаимодействиями:

Although the route connecting the East and the West existed before Chinese Han Dynasty it was difficult to travel and the passage on this route was often interrupted by disputes and wars between different countries and nations (Yiping Zhang. *Story of the Silk Road*).	Хотя маршрут, соединяющий Восток и Запад, существовал еще до китайской династии Хань, путешествовать по нему было трудно, и прохождение по этому маршруту часто прерывалось спорами и войнами между разными странами и народами.

Опираясь на концепцию Ю. М. Лотмана, можно утверждать, что события в данном фрагменте связаны с нарушением пространственной связности [Лотман, 1998]**.** В этом контексте войны и споры выступают как факторы, препятствующие функционированию Шелкового пути как канала обмена. Частые столкновения между различными государствами и народами нередко прерывали транспортные и торговые потоки, что негативно сказывалось на безопасности и стабильности этого пути. Таким образом, приведенный пример показывает трудности, с которыми сталкивались путешественники и торговцы, и геополитическое противостояние между державами за контроль над маршрутом. В результате формируется нарративное представление о Шелковом пути как о пространстве не только взаимодействия, но и постоянного напряжения.

Даже при наличии тщательного планирования, такие факторы, как обезвоживание, голод и усталость, могли серьезно осложнить путешествие. Об этом пишет канадский историк Р. Фольтц в книге “Religions of the Silk Road” («Религии Великого Шелкового пути»):

Even with the protection and regularity provided by a caravan, disasters were not uncommon. *Dehydration, starvation, and exhaustion* could befall even the best-planned expedition. *Snowstorms or sandstorms could make a caravan lose its way, and even large caravans were not immune to attack from highwaymen.* All in all, to travel was to assume an	Даже при такой защите и регулярности, которую обеспечивал караван, несчастные случаи не были редкостью. Обезвоживание, голод и истощение могли случиться даже с самой хорошо спланированной экспедицией. Снежные или песчаные бури могли сбить караван с пути, и даже большие караваны не были защищены от нападения разбойников с большой дороги. В общем, путешествие было сопряжено с

immense amount of risk, not to mention the expense. Exotic tales notwithstanding, a reasonable person would hope as much as possible to avoid romance and adventure, and pray just to arrive home again safely one day! The copious travelers' donations that enriched local religious institutions existing along the Silk Road are prime evidence of this mind-set (R. Foltz. *Religions of the Silk Road*).	огромным риском, не говоря уже о расходах. Несмотря на экзотические истории, разумный человек будет стараться по возможности избегать романтики и приключений и молиться только о том, чтобы однажды благополучно вернуться домой! Многочисленные пожертвования путешественников, обогатившие местные религиозные учреждения, существующие вдоль Великого Шелкового пути, являются ярким свидетельством такого мышления.

В нарративе разворачивается микроструктурная последовательность событий, двигателем которой выступает не воля императоров, а повседневный риск и стратегии выживания человека Шелкового пути. Караван, несмотря на планирование, испытывает проблемы со здоровьем и сталкивается с природными стихиями (*dehydration, starvation, and exhaustion; snowstorms or sandstorms)* или подвергается нападению разбойников (*caravans were not immune to attack from highwaymen)*. Опасности разрушают планы торговца, мечта о путешествии сменяется страхом за жизнь.

6. *Цикличность событий*. Данный маркер реализуется как повторяющийся нарративный паттерн – конфликт, вытеснение, миграция, освоение новой территории, организующий масштабные исторические нарративы о кочевых народах. Описывая перечисленные выше исторические события, авторы многочисленных нарративов не могли не затронуть сюжетную линии повторяющихся миграций племени юэчжей, что делает ее универсальным топосом всемирной истории, превращая локальный побег кочевого племени в событие глобального цивилизационного сдвига. Таким образом, миграция выступает движущей силой исторических изменений на Шелковом пути. Без истории юэчжи путешествие Чжан Цяня и последующее открытие западных земель выглядело бы исторически немотивированным. Вытеснение юэчжей не является единичным случаем: гунны вытесняют юэчжей, юэчжи, в свою очередь, вытесняют другие народы на новых землях. Именно в этой повторяемости заключается цикличность событий.

7. *Биографические сюжеты как точки концентрации событийности*. Обращение к биографии отдельного человека – полководца, монаха, переводчика, купца, солдата – это возможность придать нарративную оформленность содержанию. Рассмотрим пример, который посвящен переводчику Кумарадживе. Автор перечисляет факты интеллектуального становления персонажа:

Kumarajiva immersed in the intellectual and cultural environment of Kucha, and learned from the Buddhist teachers and scholars of other religions along the Central Asian Silk Road, and participated studying, discussing, and debating of various fields of knowledge. <…> Kumarajiva made a successful career of translating Sanskrit Mahayana text in China. His mastering of Sanskrit made his translations exceeded earlier translators. <…>Since then, Chinese translations of Buddhist knowledge mostly based on Sanskrit Mahayana texts were the most influential Buddhist canon (Xinru Liu. *The Silk Road in World History*).	Кумараджива погрузился в интеллектуальную и культурную среду Кучи и учился у буддийских учителей и представителей других религий, живших на Великом шелковом пути в Центральной Азии. Он участвовал в изучении, обсуждении и спорах в различных областях знаний. <…> Кумараджива сделал успешную карьеру, занимаясь переводами санскритских текстов махаяны в Китае. Благодаря знанию санскрита его переводы превосходили переводы более ранних переводчиков. <…> С тех пор китайские переводы буддийских текстов, в основном основанных на санскритских текстах махаяны, стали самым влиятельным буддийским каноном.

Благодаря этой информации читатель понимает, что в китайском буддизме в качестве канонической закрепилась именно санскритская махаянская традиция, а не альтернативные версии перевода. Личное образование одного человека (где и у кого он учился) напрямую объясняет, каким стал китайский буддизм на века вперед.

Следующий пример, также раскрывает биографию важной исторической личности – Тимура (Тамерлана). Описание его жизни начинается с указания на то, что это был «полководец неясного происхождения», который впоследствии превратился в «самую известную фигуру позднего Средневековья». Приводимый ниже отрывок иллюстрирует необратимое изменения статуса субъекта, что соотносится с выделенным ранее маркером 1 (см. выше):

China's fortunes were helped by developments in Central Asia, where a warlord of obscure origins rose to become the single most famous figure of the late Middle Ages: Timur's – or Tamurlaine's – achievements became	Благополучию Китая способствовали события в Центральной Азии, где полководец неясного происхождения превратился в самую известную фигуру позднего Средневековья: достижения

celebratedin plays written in England, his savage aggression a part of modern Indian consciousness. Forging a great empire across the Mongol lands stretching from Asia Minor to the Himalayas from the 1360s onwards, Timur embarked on an ambitious programme to construct mosques and royal buildings across his realm, in cities such as Samarkand, Herat and Mashad (P. Frankopan. *The Silk Roads: A New Hisory of the World*).	Тимура, или Тамерлана, были воспеты в пьесах, написанных в Англии, а его жестокая агрессия стала частью современного индийского сознания. Создавая с 1360-х годов великую империю на монгольских землях, простиравшихся от Малой Азии до Гималаев, Тимур приступил к осуществлению амбициозной программы строительства мечетей и дворцов по всему своему царству, в таких городах, как Самарканд, Герат и Мешхед.

Т. В. Котюкова в монографии «Оазисы Шелкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения народов Центральной Азии» использует биографическую вставку об императоре Сюань-цзуне. Император любил танец «хусюань» (согдийский вращающийся танец), который пришел в Китай из соседних культур и впоследствии стал частью его традиции. Танец также повлиял на моду династии Тан. Танцовщицы были одеты были в яркие шелковые одежды с широкими, развивающимися при кружении рукавами и длинными шарфами, что позже стало частью китайской моды:

Танский император Сюань-цзун очень любил танец *хусюань.* При нем этот танец был в моде в императорском дворце на протяжении 50 лет. Во время правления Сюань-цзуна, особенно в 713–756 гг., города-государства Согда неоднократно преподносили императору танцовщиц. Так, в книге «Цэфуюуаньгуй» есть описание преподнесения согдийцами дани. В список подарков также входила танцовщица для *хусюань*. Его любимая вторая жена Ян Юйхуань и влиятельный сановник Ань Лушань замечательно танцевали *хусюань*. Отец Ань Лушаня приехал из Самарканда, а его мать происходила из тюрков.

Биографический факт вводится в текст, а затем связывается с масштабным историческим процессом, продолжающим разворачиваться уже без дальнейших отсылок к личности исторического деятеля.

По итогам раздела сформулируем следующие выводы.

1. Событийность является конститутивным признаком, организующим смысловое единство нарратива. Событие – это не факт хроники, а изменение состояния мира или субъекта, обретающее смысл только через нарративную форму, с началом, развитием и завершением.

2. Изменение статуса субъекта фиксирует необратимую трансформацию идентичности: как целых народов (от жертвы к завоевателю), так и отдельной личности.

3. Событийность реализуется через намеренные действия (походы, миссии, экспедиции) и ненамеренные процессы (катастрофы, поглощение городов пустыней): ненамеренный процесс создает условия, намеренное действие их осмысляет.

4. Оппозиция фабула/сюжет выступает как ключевой инструмент событийной организации: нарратор излагает события не в хронологическом порядке, а в том, что производит наибольший эффект на читателя.

5. Линейные сюжетные линии организуют события хронологически, тогда как множественные связывают параллельные судьбы персонажей в важных моментах.

6. Нарушение пространственной связности обеспечивает нарративу необходимую событийную плотность, без которой он рискует стать справочником.

7. Цикличность событий (конфликт — вытеснение — миграция — освоение территории) организует нарративы о кочевых народах: миграция одного племени закономерно порождает цепь дальнейших событий, превращаясь в универсальный топос.

8. Биографические сюжеты концентрируют событийность, переводя масштабные историко-культурные процессы на уровень личной судьбы конкретного человека.

2.1.4. Информативность

И н ф о р м а т и в н о с т ь позволяет оценить степень содержательной насыщенности нарратива, выявить диалектическое соотношение факта и интерпретации, а также определить, какие именно языковые элементы текста

способствуют углублению понимания исторической реальности. Изучением понятия «информации» и ее видов занимались многие лингвисты; например, Б. А. Чечнев [1989] разделял скрытую и явную информацию, Е. И. Голубева [1986] – субъективную и объективную; А. Моль рассматривал информацию в тексте как семантическую и эстетическую [Моль, 1966]. И. Р. Гальперин разработал теорию трех видов информации (содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная, содержательно-подтекстовая) [Гальперин, 2004], изучение которой продолжили К. И. Шпетный [1980], Л. Н. Федорова [1981], М. Д. Городников [1978], Н. В. Крюкова [2010], Л. А. Ноздрина [2009] и др. [Левченко, 2022, с. 15]. Т. М. Дридзе определяла информативность как универсальную текстовую семантическую характеристику [Дридзе, 1969]. В нашей работе мы будем пользоваться определением А. Э. Бабайловой, с точки зрения которой информативность текста представляет собой уровень его смыслового и содержательного новаторства для читателя, заложенный в теме произведения, авторской концепции и системе оценок, связанных с предметом размышления [Бабайлова, 1987, с. 60].

В контексте исторического нарратива информативность не может рассматриваться в отрыве от более широких гносеологических вопросов, связанных с соотношением правды и вымысла: решение о том, является ли информация достоверной, интерпретированной или художественно искаженной, оказывается центральным для лингвистического анализа информативности исторического повествования, обнажая сложную взаимосвязь между документальностью и фикциональностью.

А м б и в а л е н т н о с т ь и н ф о р м а т и в н о с т и . Информативность исторического нарратива носит амбивалентный характер: она одновременно опирается на фактуальную, верифицируемую основу и допускает наличие фикциональных элементов, без которых разрозненные сведения не складываются в связный, содержательно насыщенный текст. Данная двойственность существует в самой природе исторического познания: как показывает

Ю. М. Лотман, в историческом тексте неизбежно сохраняются аспекты, относящиеся к «человеческому фактору» [Лотман, 1992, с. 464] – случайности, оказывающие значительное влияние на ход событий, сложность, а порой и невозможность психологической мотивации действий персонажей, стихийность определенных изменений, а также уникальность когнитивной и аксиологической картины мира самого историка исключают возможность свести информативность исторического повествования к одной лишь фактуальной составляющей.

Обоснование этой двойственности мы находим в тезисе К. Беккера [1955], впоследствии развитом Х. Уайтом [2002]: исторический факт – это не прошедшее событие, а «утверждение о событии», существующее «в сознании людей» и в языке. Х. Уайт четко разграничивает событие (произошедшее в реальном времени и пространстве) и факт (концептуально сконструированное высказывание об этом событии). Следовательно, разрыв между фактуальностью и фикциональностью в историческом нарративе определяется не онтологическим статусом описываемых событий, а способом их нарративного оформления, а сама информативность текста оказывается не абсолютной, а релятивной величиной, зависящей от конкретной историографической традиции, в рамках которой то или иное утверждение получает или не получает статус факта.

Данное соотношение не сводится к простому противопоставлению «достоверное — недостоверное» – как покажет дальнейшее рассмотрение, фактуальность и фикциональность выполняют собственные функции в конструировании информативности исторического текста. Д. Кон [Cohn, 1999] полагает, что исторический текст должен соответствовать критериям «ученой историографии», минимизирующим субъективизм. П. Рикер объясняет сближение истории и литературы тем, что они заимствуют друг у друга свои «сильные стороны»: история предоставляет мир прошлого, тогда как литература предлагает воображаемый мир [Рикер, 2000, с. 187]. Подобное обогащение создает «эффект реальности», о котором писал Р. Барт, что делает процесс чтения

истории занимательным и увлекательным, а информативность исторического нарратива – не простым перечислением дат, а живым, воспринимаемым читателем содержанием [Барт, 2000]. А. Вен [2003], в свою очередь, полагает, что фикциональное начало присутствует в историческом нарративе структурно, а не как следствие недостаточной строгости исследователя: историк выбирает сюжет, выстраивает нарративную рамку, определяющую, какие утверждения приобретают информативную ценность; без нарративной организации разрозненные факты не образуют связного исторического текста и не обладают информативностью как таковой – «факты не существуют в изолированном виде: историк находит их в форме четких совокупностей, где они играют роль причин, целей, обстоятельств, случаев, предлогов и т. д.» [Вен, 2003, с. 41].

Мы разделяем позицию Ж. Женетта, утверждавшего: «<…> если мы говорим, что вымысел всегда конститутивно литературен, то это не значит, что всякий вымышленный текст обязательно является конститутивно фикциональным» [Женетт, 1998, с. 483]. Применительно к историческим нарративам о Шелковом пути это означает, что информативность текста реализуется в акте восприятия и зависит от того, в какой мере читатель готов признать описываемое достоверным: нарратив, воспринимаемый одной культурной традицией как документальное свидетельство, в другой культурно-временной перспективе может квалифицироваться как легенда или художественный домысел. Ж. Женетт развивает эту мысль на уровне самой нарративной практики, в которой «не существует ни чистого вымысла, ни настолько строго исторического повествования, чтобы в нем не оказалось никакого “оформления интриги” и никаких романических приемов» [Женетт, 1998, с. 483].

Ф а к т у а л ь н о с т ь . Документы, представляющие собой описание исторических событий, служат единственным доступным средством для изучения и восстановления исторической реальности. Однако, как считает Х. Уайт, «историческое знание – это всегда знание второго порядка», основанное на гипотетических конструкциях возможных объектов исследования, требующих толкования с помощью процессов воображения

[Уайт, 2002, с. 13]. При этом присутствие в процессе интерпретации субъективных элементов не снимает с исторического текста обязательства искать истину о прошлом: историки стремятся выявить правду, основываясь на доступных источниках и тщательном анализе, хотя эта истина может варьироваться в зависимости от интерпретационных рамок и культурного контекста. Х. Уайт справедливо отмечает, что «чисто буквалистское описание того, что произошло в прошлом, может быть использовано только для создания анналов или хроники, но не истории» [Уайт, 2002, с. 14].

С точки зрения Р. Дж. Коллингвуда, исторический факт устанавливается «с помощью логического вывода в ходе интерпретации данных», а не путем прямого наблюдения [Коллингвуд, 1980, с. 128]. Это означает, что фактуальность в историческом нарративе не является имманентным свойством текста, а производится в процессе интерпретации, то есть несет в себе элемент конструирования. При этом, согласно мнению С. В. Дорониной, фактуальность остается дескриптивной, объективной и проверяемой, ее источниками являются «наблюдение за объективной реальностью, а также интеллектуальная реконструкция на основании предыдущего опыта говорящего или на основании общеизвестных фактов» [Доронина, 2011, с. 349]. Именно эта проверяемость, верифицируемость лежащих в основе повествования сведений, и обеспечивает историческому нарративу высокую степень информативности – то есть содержательную новизну, значимую для читателя, а не просто перечисление слов.

Маркерами фактуальности являются:

1) антропонимы – упоминание реальных исторических личностей, чьи действия задокументированы в источниках;

2) топонимы – названия государств, городов, оазисов, фиксирующие пространственную траекторию события;

3) этнонимы и социокультурные термины – точные наименования племен, титулов, должностей и социальных институтов конкретной эпохи;

4) темпоральные маркеры и цифровые показатели – точные хронологические даты, верифицируемые числовые данные;

5) названия событий, движений, партий и институтов – обозначения военных кампаний, дипломатических инициатив, политических объединений и организаций, обладающие статусом официального, задокументированного наименования.

Необходимо оговорить, что часть перечисляемых маркеров фактуальности (антропонимы, топонимы, темпоральные показатели) по своей форме совпадает с маркерами, уже рассмотренными нами применительно к другим конститутивным признакам (пространственности, темпоральности, событийности). Однако ракурс их рассмотрения здесь принципиально иной: если в предыдущих разделах те же топонимы и даты анализировались с точки зрения того, как они организуют хронотоп повествования, то в настоящем разделе они рассматриваются применительно к их верифицируемости – способности придать тексту статус информативно насыщенного, проверяемого и достоверного текста.

Чтобы не повторяться, рассмотрим эти маркеры в их совокупности. С точки зрения фактуальности показателен отрывок из книги В. Хансен “The Silk Road: A New History” («Шелковый путь: новая история»). Он повествует о дипломатической миссии Чжан Цяня и представляет собой образец текста, в котором фактуальная информация полностью доминирует над оценочной:

The first written description of the Silk Road trade concerns Zhang Qian (d.113 bce), a Chinese envoy from Chang'an to Central Asia in the second century bce, during the reign of Emperor Wu of the Han Dynasty (reigned 140–87 bce). The emperor hoped that Zhang Qian would persuade the Yuezhi people, living in the Ferghana region of modern-day Uzbekistan, to ally with the Chinese against their common enemy to the north, the Xiongnu tribal confederation, based in modern-day Mongolia <…> On his return, sometime around 126 bce, he gave	Первое письменное описание торговли по Шелковому пути связано с именем Чжан Цяня (умер в 113 г. до н. э.) – китайского посла, отправившегося из Чанъаня в Центральную Азию во II веке до н. э., в период правления императора У-ди из династии Хань (правил в 140–87 гг. до н. э.). Император надеялся, что Чжан Цянь убедит народ юэчжи, проживавший в Ферганской долине (современный Узбекистан), заключить союз с Китаем против их общего врага на севере – племенного конфедеративного союза хунну, базировавшегося на территории современной Монголии. <…> Вернувшись примерно в 126 г.

the emperor the first detailed information the Chinese received about the different peoples of Central Asia. <…> After Zhang Qian's return, the Han dynasty gradually extended its control into the northwest. By the end of the second century bce it secured the Gansu corridor and Dunhuang.	до н. э., он предоставил императору первую подробную информацию, которую китайцы получили о различных народах Центральной Азии. <…> После возвращения Чжан Цяня династия Хань постепенно расширила свой контроль на северо-запад. К концу II века до н. э. она закрепила за собой коридор Ганьсу и Дуньхуан.

Антропонимы обозначают реально существовавших исторических деятелей: У-ди (武帝) – император, инициатор события, Чжан Цянь (张骞) – чиновник, выступающий исполнителем миссии, чье имя служит маркером достоверности. Топонимы создают пространственную траекторию события: *Chang'an, Ferghana region, Uzbekistan, Mongolia, Gansu corridor, Dunhuang* превращают пространство текста в карту реального торгового и дипломатического транзита. Этнонимы и социокультурные термины задают социальный контекст эпохи через точные обозначения: *a Chinese envoy, Emperor, the Yuezhi*. Темпоральные маркеры и цифровые показатели реализуются через хронологические даты: *113 bce* (113 г. до н. э.), *140–87 bce* (140-87 гг. до н. э.), *126 bce* (126 г. до н.э.), *by the end of the second century bce* (к концу второго века до н. э.), придающие повествованию хронологическую верифицируемость. Название “*the Xiongnu tribal confederation*” (племенная конфедерация хунну) обозначает не сам этнос, а конкретное политическое образование, которое обладает устоявшимся наименованием в истории. Это еще раз подтверждает документальный статус описываемых событий. Автор фрагмента полностью отказывается от метафоризации и субъективной оценки: использование антропонимов, топонимов и этнонимических названий лишает высказывание интерпретационной двусмысленности, а лингвистические маркеры пространства и времени служат истинной и объективной информацией об рассказываемом событии. Как отмечал Ж. Женетт, в фактуальном повествовании не воспрещается использовать аналепсисы (нарушение хронологической последовательности изложения событий) или

пролепсисы (предвосхищение будущих событий) [Женетт, 1998, с. 499], что и делает в данном случае В. Хансен, заранее сообщая о результате миссии (“*after Zhang Qian's return, the Han dynasty gradually extended its control*”), но подобное нарушение хронологии не снижает фактуальности изложения, поскольку каждое сведение может быть документально подтверждено.

Следующий фрагмент из учебника Е. В. Агибалова и Г. М. Донской. «Всеобщая история. История средних веков для 6 класса» также содержит сразу пять маркеров фактуальности: антропонимы, топонимы, этнонимы, темпоральные маркеры и названия событий, движений, институтов:

> Империя Тан стремилась подчинить себе соседей. В зависимость от Китая на время попали Корея и Вьетнам, китайская армия овладела Великим шелковым путем вплоть до Средней Азии. После поражения от арабов в середине VIII века Китай потерял над ним полный контроль. Но торговля по этому пути с Ираном, Средней Азией и Византией продолжалась .

В еще одном примере имя исторической личности (антропоним) *Чингисхан*, введено не отдельно, а сразу через датированный акт его избрания (темпоральный маркер):

> В начале XIII века на северной границе Китая появились племена монголов <…> В 1206 году съезд представителей монгольских племен выбрал правителем всех монголов Чингисхана. В 1211 году войско Чингисхана вторглось в Северный край. В течение четырех лет оно овладело частью империи Цзинь вместе со столицей Пекином (Е. В. Агибалова, Г. М. Донской. *Всеобщая история. История средних веков. 6 класс*).

Топонимы в тексте представлены разнообразно: *Китай, Корея, Вьетнам, Средняя Азия, Иран, Византия*. Среди этнонимов и социокультурных терминов есть как обычные обозначения народов (*арабы*), так и китайские сакральные самоназвания («Сын Неба», «Поднебесная»). Маркер названий событий и государственных структур оказывается самым насыщенным: используется наименование «Великий шелковый путь», упоминаются официальные названия династий (Тан, Сун), а также читатель узнает о движении в Китае против владычества монгольской империи Юань, которое завершилось «восстанием Красных повязок» и падением власти монголов (см. Приложение, нарратив 7).

Приведенный учебный текст демонстрирует характерное для своего жанра распределение функций, рассмотренных нами в параграфе 1.4 первой главы: с позиции автора доминируют упорядочивающая, дидактическая и мемориальная функции – все они работают на то, чтобы знание было структурировано и поучительно. Весь параграф в учебнике выстроен как причинно-следственная цепочка событий, упорядочивающая функция нужна, чтобы адресат мог удержать в голове их последовательность. Дидактическая функция также присутствует в тексте, в качестве исторического факта о том, что думали люди прошлого. Сама функция также указывается автором в цитате: *«Не забывай прошлого, оно учитель будущего»*. Это формулировка античного топоса "*historia magistra vitae"* («история – учительница жизни»), который мы разбирали как теоретическое основание этой функции в параграфе 1.4. Еще одна функция – мемориальная – проявляется в списке фактов, которые нужно знать читателю: правление династий Тан и Сун, Чингисхан, изобретения (порох, компас, фарфор), восстание Красных повязок (см. Приложение, нарратив 8).

Ф и к ц и о н а л ь н о с т ь . Создание любого повествования предполагает участие воображения. Более того, даже в самых строгих документальных текстах присутствуют моменты, когда автор обращается к своему собственному социальному или повседневному опыту, что оказывается общим с опытом типичного читателя [Ерохина, 2013]. Фикциональность (от лат. *fictio* – выдумывание, вымысел) в данном контексте понимается как «креативный процесс переработки реальных жизненных ситуаций из личного или коллективного опыта, осуществляемый с прагматическими целями» [Алещанова, 2007, с. 66], например, чтобы наглядно объяснить причины гибели каравана, заполнить лакуны в источниках или передать ментальное состояние людей ушедшей эпохи.

Фикциональность присутствует в историческом тексте структурно, как неотъемлемое условие его связности и читаемости, а не как признак недостоверности или ненаучности, и именно поэтому она не снижает, а,

напротив, обеспечивает информативность повествования, делая его воспринимаемым и цельным.

В качестве маркеров фикциональности выступают:

- эксплицитные маркеры авторского присутствия, оценочность: использование личных местоимений и вводных конструкций, переводящих повествование в регистр личного опыта;
- художественные тропы: метафора, эпитет, ирония.

Фикциональное описание, в противовес фактуальному, опирающемуся на строгую верифицируемость и отсутствие эксплицитного авторского мнения, конструирует художественную или реконструированную реальность, стирающую четкую грань между документальным и художественным повествованием. В качестве примера можно привести следующий отрывок из книги К. Таброна “Shadow of the Silk Road” («Тень Шелкового пути»)**:**

Sometimes the storm brought us to a halt altogether, our headlights flickering weakly, and we sat and listened to the wind howling. These black hurricanes, the kara-buran, I knew, could lift up whole sand dunes and had buried caravans without trace. Even in stillness, the Taklamakan was the most dangerous desert on earth. <…> Silk Road merchants found their way by no landmarks but the piled bones of animals and men. And they peopled it with demons. The shifting sand particles in sharp temperature changes stirred plaintive music and piteous cries, which lured travellers to their end.	Иногда буря вынуждала нас полностью остановиться; фары слабо мерцали, а мы сидели и слушали вой ветра. Эти черные ураганы, кара-бураны, как я знал, могли поднимать в воздух целые песчаные дюны и бесследно хоронить караваны. Даже в полное затишье Такла-Макан оставалась самой опасной пустыней на земле. <…> Купцы Шелкового пути находили дорогу не по ориентирам, а по грудам костей животных и людей. И они населили это пространство демонами. Движение песчинок при резких перепадах температур рождало тоскливую музыку и жалкие крики, которые заманивали путников на погибель.

Хотя текст повествует о реальном географическом объекте (пустыне Такла-Макан) и опирается на исторические свидетельства Марко Поло, в нем присутствуют маркеры фикциональности. Текст открывается эксплицитным маркером авторского присутствия и личного опыта: “*These black hurricanes, the kara-buran, I knew...”* (Эти черные ураганы, кара-буран, как я знал...). Главным инструментом фикционального пространства в отрывке выступает

одушевление неживой природы (художественные тропы): *“the shifting sand particles <…> stirred plaintive music and piteous cries”* (Движение песчинок <… > рождало тоскливую музыку и жалкие крики), что привносит в текст элемент образности. Автор также использует экспрессивные маркеры: “*no landmarks but the piled bones of animals and men*” (никаких ориентиров, кроме груд костей животных и людей), которые придают Шелковому пути зловещий образ.

Второй отрывок из путевого дневника Н. М. Пржевальского, описывающий бурю в оазисе Сачжоу (Дуньхуан), также представляет собой нарратив с наличием фикциональных маркеров в тексте, а именно художественных тропов:

> Мы подошли к северной окраине оазиса Сачжоу, <…> но пустыня еще раз напомнила о себе: после полудня, когда мы вошли в оазис, поднялась сильнейшая буря. Тучи соленой пыли и песку наполнили воздух и густой пеленой заслонили солнце. Атмосфера сначала сделалась желтой, но вскоре стало темно, как в сумерки. Бешеные порывы ветра грозили с корнем вырвать деревья и уничтожить всякую растительность. Жара стояла +34,7°. Все мы были в поту, и нас осыпало соленой пылью, которая залепляла глаза <…> (Н.М. Пржевальский. *Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки*).

Пустыня у Н.М. Пржевальского наделена памятью и намерением – она не просто присутствует географически, а *«напоминает о себе»*, действует как сознательный субъект, который что-то *«хочет сказать»* путешественнику. Благодаря олицетворению ветер предстает в образе сильного противника: *«порывы ветра грозили с корнем вырвать деревья»*. Использование эпитета *«бешеные»*, описывающего порывы ветра, придает тексту еще большую образность. Автор прибегает к использованию лексики, апеллирующей к органам чувств читателя: зрительным (*«густой пеленой заслонили солнце»*, *«атмосфера сделалась желтой»*, *«стало темно, как в сумерки»*) и сенсорным (*«были в поту»*, *«осыпало соленой пылью, которая залепляла глаза»*).

Рассмотренные до сих пор примеры демонстрировали фактуальность и фикциональность раздельно, однако в реальном историческом нарративе оба типа маркеров, как правило, не существуют изолированно, а переплетаются в границах одного и того же текста, взаимно усиливая друг друга. Показателен

в этом отношении отрывок из книги «Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий» П. Франкопана о Тадж-Махале:

> Для многих Тадж-Махал – самый романтичный памятник в мире, потрясающая демонстрация любви мужа к жене. Но помимо этого он является свидетельством расширения международной торговли, которая принесла правителю моголов такое богатство, что он был в состоянии создать такой прекрасный символ супружеской любви. Возможность творить Тадж-Махал была обусловлена сдвигом в мировой оси: слава и богатство Европы и Индии обеспечивались за счет Северной и Южной Америки. Можно провести изящную параллель между щедрым выражением печали Шах-Джахана по его почившей жене и тем, что произошло на другом конце света незадолго до этого. Империя майя тоже процветала до прихода европейцев. Тогда не было болезней, у них не ныли кости, не было лихорадки и никогда не возникало ни оспы, ни жара, ни чахотки. В то время жизнь людей была упорядочена. Все изменили прибывшие иностранцы. Они привезли с собой постыдные вещи <…> Золото и серебро, которое забрали из Северной и Южной Америки, оказались в Азии. Именно это позволило построить Тадж-Махал. Есть определенная доля иронии в том, что один из символов Индии стал результатом страданий «индийцев», живущих на другой стороне света.

Фактуальная основа этого фрагмента зиждется на реальных фактах: Тадж-Махал был построен Шах-Джаханом в память о жене; в XVII в. произошел глобальный приток драгоценных металлов из Америки в Азию через систему международной торговли; коренное население Америки подверглось колонизации с трагическими демографическими последствиями. Фактуальнная информация опирается на антропоним *Шах-Джахан*, темпоральный маркер *XVII век* и этнонимические обозначения *«индийцы» по обе стороны земного шара* – то есть на тот же набор маркеров фактуальности, о которых речь шла выше. Фикциональные маркеры, в свою очередь, присутствуют в начале отрывка: автор использует оценочный эпитет *«потрясающая демонстрация любви»* и превосходную степень *«самый романтичный памятник в мире»* для описания истории достопримечательности. Эти утверждения не верифицируемы, они служат апелляцией к узнаваемому и эмоционально нагруженному образу, цель которого – произвести впечатление на читателя. Вместо того, чтобы прямо назвать привезенные европейцами болезни (что было бы маркером фактуальности), автор прибегает к эвфемизму *«постыдные вещи»*. Фикциональным маркером служит и авторская ирония, связывающая трагедию коренных народов Америки и архитектурный триумф

Индии в единый, оценочно нагруженный образ, притом, что сама эта связь (потоки серебра, обеспечившие строительство) уже установлена фактуально в предыдущих предложениях. Таким образом, в границах одного небольшого фрагмента фактуальная, верифицируемая основа события оказывается неразрывно сплетена с фикциональным, образным ее осмыслением. Это сочетание обеспечивает тексту его итоговую информативность.

Установленное соотношение фактуальности и фикциональности напрямую соотносится с функциональной характеристикой исторического нарратива, описанной нами в разделе 1.4 настоящей работы. Рассмотренная там информирующая функция реализуется не только за счет фактуальных сведений, а также благодаря их сочетанию с образными, эмоционально вовлекающими средствами; она выходит за рамки простой передачи информации, включая объяснение и формирование понимания у читателя, что и обеспечивается взаимодействием фактуальных и фикциональных маркеров, рассмотренных в настоящем разделе. Убеждающая функция, в свою очередь, опирается как на верифицируемые факты (фактуальность), так и на эмоциональное вовлечение читателя в содержание исторического нарратива (фикциональность).

Степень информативности исторического нарратива о Шелковом пути напрямую зависит и от его жанровой принадлежности, рассмотренной нами в разделе 1.2 настоящей работы. Очевидно, что научный труд или учебный текст (например, из школьного или вузовского учебника истории) будут обладать более высоким показателем фактуальной информативности, чем историческая повесть или роман на ту же тему: если первые стремятся к максимальной верифицируемости и минимизации фикциональных элементов, то во-вторых сознательно наращивается доля фикциональности ради достижения художественного эффекта. Таким образом, жанровая система исторического нарратива неразрывно связана с амбивалентностью фактуальности и фикциональности: разные жанры закономерно тяготеют к их разному соотношению.

Вышесказанное позволяет нам сделать следующие выводы.

1. Информативность является конститутивным признаком исторического нарратива, обусловленным его смысловой и содержательной новизной для читателя.

2. Информативность исторического нарратива носит амбивалентный характер, что объясняется присутствием в нем как фактуальной, так и фикциональной составляющих.

3. Фактуальность определяется наличием в историческом нарративе проверяемых, верифицируемых сведений. К маркерам фактуальности относятся антропонимы, топонимы, этнонимы, социокультурные термины, темпоральные и числовые показатели, названия событий, движений и социальных институтов.

4. Фикциональность – наличие художественного вымысла – восполняет неизбежные пробелы в источниках, воссоздает ментальность ушедших эпох и формирует «эффект реальности», благодаря которому исторический нарратив становится не просто достоверным, но и убедительным для читателя. Маркерами фикциональности являются эксплицитные показатели авторского присутствия, оценочность: художественные тропы.

5. Информативность исторического нарратива тесно связана с его функциями и жанровой принадлежностью: информирующая и убеждающая функции реализуются за счет взаимодействия фактуальных и фикциональных маркеров, а степень их представленности в тексте варьируется от жанра к жанру. Учебный и научный тексты тяготеют к максимальной фактуальности, тогда как в исторической художественной прозе превалирует фикциональность.

2.1.5. Интерпретативность

Обращение к интерпретативности исторического повествования закономерно продолжает логику предшествующего раздела. Рассматривая информативность, Т. М. Дридзе определяет ее как прагматическую, а,

следовательно, относительную характеристику текста, уже на стадии анализа вводящую его в систему связей с множеством предполагаемых интерпретаторов [Дридзе, 2009, с. 68]. Зависимость информативности от фигуры повествователя как интерпретатора исторических событий выводит нас на необходимость отдельного рассмотрения интерпретативности как как очередного конститутивного признака исторического нарратива.

Под интерпретативностью мы понимаем имманентную категорию текста, которая заключается в его объективной способности порождать множество смыслов и допускать вариативность истолкования в зависимости от культурного, исторического и личностного опыта нарратора.

Проблема интерпретации получила широкое освещение в целом ряде лингвистических исследований, в частности в трудах В. А. Кухаренко [1988], П. Рикера [1998], В. З. Демьянкова [1999], Ф. Растье [2001], Н. И. Колодиной [2001], О. Р. Валуевой [2012], Н. В. Монгилевой [2024] и др. В. З. Демьянков, рассматривает интерпретацию как деятельность, требующую обращения к «опорным пунктам». Он выделяет три вида инструментов интерпретации: 1) свойства конкретной речи (предложений или текста в их составных частях и отношениях); 2) знания – как локальные (контекст, ситуация, импликация в самом тексте), так и глобальные (конвенции и правила, разделяемые языковым сообществом); 3) стратегии, организующие ход интерпретирования и соединяющие цель интерпретации со средствами ее достижения [Демьянков, 1999, с. 84]. Интерпретация, по мысли В. З. Демьянкова, всегда опосредована спецификой личности самого интерпретатора, отличающей его от прочих носителей языка, прежде всего его способностью к эмпатии и интенциональностью [Там же].

Необходимым условием интерпретации выступает и сотворчество адресата: какой бы текст мы ни рассматривали, его восприятие в той или иной мере требует участия читателя, соотнесения текста с его собственным читательским и жизненным опытом. При этом объем и глубина возможной интерпретации напрямую зависят от знаний самого интерпретатора: как

отмечал И. Р. Гальперин, полнота понимания текста определяется объемом «общего тезауруса» реципиента [Гальперин, 1981, с. 37]. Ф. Растье связывает интерпретирующую компетенцию читателя с запасом его «энциклопедических знаний» [Растье, 2001, с. 270–271]. В отличие от сторонников структуралистского анализа текста, которые ограничиваются его имманентными, внутритекстовыми свойствами, он настаивает на необходимости опоры интерпретатора на внетекстовое, энциклопедическое знание – положение, значимое для анализа исторического нарратива, поскольку адекватная интерпретация исторического текста невозможна без обращения читателя к более широкому социокультурному контексту, выходящему за пределы самого нарратива.

Рассмотренные общелингвистические положения находят специфическое преломление в историческом повествовании, где интерпретативность приобретает статус не факультативного, а конститутивного свойства самого исторического знания. Х. Уайт утверждает, что историки всегда пользуются литературными конструкциями (тропами и сюжетными формами) при построении повествования, так что «исторический дискурс порождает интерпретации», суть которых – нарративизация [White, 1990, p. 20]: факты сами по себе беспорядочны, смысл происходит лишь из того, как историк «составляет» историю. П. Рикер признает методологическое родство исторических нарративов с литературными произведениями: исторический рассказ «основан на интерпретации» и является «субъективной реконструкцией» событий, а не «объективным пересказом» [Рикер, 1998].

Отдельного комментария требует радикальная версия данного тезиса, представленная в постмодернистской философии истории. Ф. Анкерсмит полагает, что «прошлое должно быть интерпретировано», поскольку историк не переводит готовый текст прошлого, а создает его повествовательную репрезентацию: «интерпретация – это не перевод. Прошлое – это не текст, который должен быть переведен в нарратив историографии» [Анкерсмит, 2003]. Он считает выбор интерпретации, способ видения прошлого самым

интересным интеллектуальным вызовом историку, поскольку условием существования нарративного пространства является лишь сопоставление конкурирующих интерпретаций [Анкерсмит, 2003]. Эта точка зрения часто критикуется историками, поскольку, согласно ей, нет каких бы то ни было текстов или прошлого – есть лишь их интерпретации [Анкерсмит, 2003, с. 316]. В настоящем исследовании мы, однако, не разделяем крайних постмодернистских выводов, соглашаясь с мнением А. Л. Стризое, который уверждает, что, несмотря на свободу интерпретации, историческое знание должно опираться на процедуры упорядочения фактов, обеспечивающие его «объективность, верифицируемость и фальсифицируемость». Иными словами, интерпретативность исторического нарратива не отменяет его фактической основы, рассмотренной нами в разделе 2.2.4 «Информативность», а сосуществует с ней.

Н. В. Монгилева подчеркивает, что интерпретация всегда носит лингвокультурный характер [Монгилева, 2024, с. 6]. Это означает, что повествование формируется внутри конкретной культурной среды, которая задает способы понимания мира. Каждое общество обладает собственными ценностными системами, исторической памятью, символическими моделями и концептами, влияющими на восприятие событий. Следовательно, интерпретативность нарратива тесно связана с национальной картиной мира и коллективным опытом сообщества.

Существенным средством интерпретации выступает номинация. Уже само название события может содержать определенную идеологическую или оценочную позицию. Так, одно и то же явление может называться «революцией» или «переворотом», «освобождением» или «оккупацией», «воссоединением» или «поглощением». Особенно заметно интерпретативность проявляется в исторических нарративах. История традиционно ассоциируется с объективным знанием о прошлом, однако любая историческая работа неизбежно строится как повествование, а, значит, включает субъективный элемент. Историк выбирает источники, определяет значимые

события, выстраивает причинные связи и предлагает собственное объяснение произошедшего. Поэтому история существует не только как совокупность фактов, но и как множество конкурирующих интерпретаций прошлого.

Интерпретативность ярко проявляется в исследуемых нами исторических нарративах о Шелковом пути, история которого существует не в одной завершенной версии, а во множестве отличающихся друг от друга изложений, каждое из которых зависит от авторской интенции, профессиональной и культурной принадлежности исследователя.

Маркеры интерпретативности. На основании теоретических положений и анализа эмпирического материала можно выделить следующие языковые и текстовые маркеры интерпретативности, позволяющие выявить данное свойство в историческом нарративе:

1) языковые средства выражения оценочности – слова с положительной или отрицательной коннотацией при описании событий, народов и исторических деятелей; номинации и переименования (выбор названия для одного и того же явления, несущего разную идеологическую нагрузку) и переосмысление роли исторических личностей (реабилитация или дискредитация конкретных народов и деятелей через оценочные характеристики);

2) использование средств художественной выразительности – эпитетов, метафор, а также риторических фигур и интенсификаторов (превосходная степень, усилительные частицы);

3) причинно-следственные конструкции – авторская интерпретация связей между событиями (*«именно Шелковый путь определил лицо современной цивилизации»* vs. *«маршруты стали каналом распространения эпидемии чумы»*);

4) отбор и расстановка акцентов на фактах и источниках: что автор выдвигает на первый план или помещает на периферию повествования, о чем умалчивает, какой материал включается в текст, а какой исключается или опровергается.

Рассмотрим последовательно, как каждый из перечисленных маркеров реализуется на материале исследуемых нарративов.

1. *Языковые средства выражения оценочности*/ Данный маркер является наиболее частотным способом реализации интерпретативности. Как отмечает В. А. Кухаренко, введение эмоционального и оценочного значения в текст неразрывно связано с мировосприятием говорящего: оно является сигналом открытого включения автора в повествование, его эксплицитного указания на распределение собственных симпатий и антипатий. Однако оценочность высказывания не сводится к лексически предзаданной семантике отдельных слов – любая, даже стилистически нейтральная лексема способна стать носителем контекстуально созданной оценочной информации [Кухаренко, 1988, с. 41–42]. При этом, по наблюдению В. А. Кухаренко, авторская идея, как правило, реализуется не через единичную оценку, а через целую систему множественных, неоднократно и по-разному выраженных авторских оценок: автор не стремится скрыть заложенный в тексте морально-этический урок, а, напротив, открыто приглашает читателя разделить свою точку зрения, во избежание неверного понимания повторяя эту оценку разными способами [Там же, с. 179].

В книге китайского историка Чжан Ипина (Zhang Yiping. *Story of the Silk Road*) открытие Великого шелкового пути представлено как важнейшее достижение древнего Китая. Автор характеризует город Чанъань как "*important city of East-West trade [that] enjoyed a period of booming prosperity in history*" (важный город восточно-западной торговли, переживавший в истории период бурного процветания). Использование выражений "*important city*" и "*booming prosperity*" демонстрирует оценочность текста и стремление представить прошлое как эпоху величия и успешного развития.

Е. С. Докашева называет Великий шелковый путь *«уникальным явлением в жизни человечества»* и *«лицом современной цивилизации»*, выстраивая возвышенный, романтизированный нарратив, в котором торговая магистраль предстает главным двигателем мировой истории:

Задолго до того, как один немецкий ученый в XIX веке предложил назвать уникальное явление в жизни человечества Великим шелковым путем, по этой дороге шли караваны верблюдов, пеших купцов, вереницы пленников. Росли караван-сараи, строились, разрушались и заметались песком города, рождались и гибли государства. Но Великий шелковый путь не пустел. Он связал между собой Китай, Индию, Русь и Европу, определил во многом развитие науки, культуры и промышленности в этих регионах. И, в конечном счете – лицо современной цивилизации (Е.С. Докашева. *Великий шелковый путь. Полная история*).

Еще одним примером служит отрывок из книги «Великий Шелковый путь и культурный обмен между Востоком и Западом» китайского историка Жун Синьцзяна, в котором оценочная лексика работает иначе – она направлена не на явление в целом, а на конкретную историческую фигуру – императора У-ди, который правил династией Западная Хань с 141 по 87 год до н. э. Его правление стало самым продолжительным в эпохе Хань и одним из самых влиятельных в истории Китая. В 138 г. до н.э. У-ди отправил дипломатическую миссию уже неоднократно упомянутого нами Чжан Цяня в Западный край, что положило начало регулярному торговому и культурному обмену между Китаем и государствами Центральной и Западной Азии:

В первой половине II века до н.э. династия Хань начала постепенно набирать силу. Великий император и выдающийся стратег У-ди отправил Чжан Цяня в экспедицию в Западные земли <...> .

Эпитет «великий» характеризует императорский статус У-ди, служит устоявшейся характеристикой правителя. Во фразе «выдающийся стратег» эпитет подчеркивает качество – стратегическое мышление императора. Это подготавливает читателя к следующему предложению: раз У-ди «выдающийся стратег», то его решение отправить Чжан Цяня в опасную экспедицию читается не как рискованная авантюра, а как продуманный шаг мудрого правителя.

Историк и археолог Э. В. Ртвеладзе, в свою очередь, интерпретирует миссию Чжан Цяня не как «открытие» Шелкового пути, а как «оформление» уже существующих связей:

Ошибочно полагать, что Шелковый путь возник в одночасье с миссией Чжан Цяня. Археологические данные по Лазуритовому и Нефритовому путям свидетельствуют о том, что евразийская коммуникационная сеть функционировала задолго до появления на ней первого китайского тюка шелка» (Э.В. Ртвеладзе. *Великий Шелковый путь*).

Заменив слово «открытие» на «оформление», автор меняет взгляд на событие. Если раньше все сводилось к решению одного императора У-ди, то теперь речь идет о долгом историческом процессе. Так выбор слов напрямую влияет на интерпретацию.

Наиболее развернуто маркер эмоционально-оценочной лексики реализуется в переосмыслении роли, реабилитации или дискредитации конкретных народов и деятелей средствами оценочной лексики. В. Хансен переосмысливает роль согдийцев – иранского торгового народа Центральной Азии, традиционно считавшегося главными «купцами Шелкового пути», показывая, что они выступали не просто коммерческими посредниками, а связующим звеном между цивилизациями: согдийцы формировали устойчивые диаспоры и распространяли манихейство (синкретическое религиозное учение), зороастризм и христианство:

The widespread presence of fire altars throughout the city indicates that most of the town's residents were Zoroastrians, but the Sogdians were open to other religious beliefs as well (V. Hansen. The Silk Road: A New History).	Широкое распространение огненных алтарей по всему городу свидетельствует о том, что большинство жителей были зороастрийцами, но согдийцы были открыты и для других религиозных верований.

В. Хансен описывает открытость согдийцев к чужим верованиям: “*the Sogdians were open to other religious beliefs as well*”, оценочность в данном примере выражена характеристикой “*open*” (открыты), противопоставленной возможному стереотипу о замкнутой этнической общине. В то же время в упоминаниях Сюаньцзана – китайского буддийского монаха эпохи Тан, ученого, путешественника и переводчика – присутствуют лексемы, описывающие согдийцев как коварных и изворотливых (“*slippery and tricky*”), лживых (“*cheat and deceive*”) и корыстолюбивых (“*greatly desiring wealth*”:

Xuanzang gives voice to a widely held Chinese view of the Sogdians: 'Their customs are slippery and tricky, and they frequently cheat and deceive, greatly desiring wealth, and fathers and sons alike seek profit' (V. Hansen. *The Silk Road: A New History*).	Сюаньцзан озвучивает широко распространенное среди китайцев представление о согдийцах: «Их обычаи коварны и изворотливы, они часто обманывают и вводят в заблуждение, страстно стремятся к богатству, и как отцы, так и сыновья одинаково ищут выгоду».

Таким образом, один и тот же народ получает в разных нарративах противоположную оценочную характеристику в зависимости от позиции повествователя. Показательно, что здесь реализуется приведенное выше положение В. З. Демьянкова: В. Хансен выступает по отношению к согдийцам скорее эмпатиком, стремящимся понять их культуру изнутри, тогда как цитируемый ею же монах Сюаньцзан – критиком, дающим согдийцам отрицательную оценку с позиции стороннего наблюдателя.

Аналогичный механизм переосмысления роли исторических деятелей, но применительно к целому кочевому этносу, демонстрирует Л. Н. Гумилев. В книге «История народа хунну» он рассматривает Центральную Азию не как периферию, а как динамический центр исторических процессов. Выбор объекта исследования – хунну (древний кочевой народ) – показывает стремление автора пересмотреть европоцентричный взгляд на мировую историю: «<…> китайцам под владычеством варваров было так же скверно, как хуннам под властью Китая. Видимо, этим народам, столь различным по определяющим этническим признакам, лучше было жить отдельно друг от друга» [Гумилев, 1960, с. 43]. Там, где традиционная историография видела «варваров», Л. Н. Гумилев усматривал государственность, стратегию и цивилизационную энергию.

2. *Использование средств художественной выразительности*. Данный маркер реализуется с помощью метафор, риторических фигур или интенсификаторов. Историк П. Франкопан предлагает евразиоцентричную модель понимания мировой истории, где пространство Шелкового пути объявляется «сердцем мира». Данная метафора подчеркивает важность Шелкового пути, лежащего в основе мировой цивилизации:

Эти пути являются центральной нервной системой мира. Они соединяют народы и города (П. Франкопан. *Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий*).

Еще одним показательным примером служит метафорический образ, который В. Хансен использует при описании уже упомянутых выше согдийцев

– иранского народа, выступавшего ключевым посредником на Великом шелковом пути в IV–VIII вв. Она обращается к образам «меда на губах» и «клея в ладонях», где «мед» символизирует красноречие и лукавство, а «клей» – жадность и стремление к наживе:

When they give birth to a son, they put honey on his mouth and place glue in his palms so that when he grows up, he will speak sweet words and grasp coins in his hand as if they were glued there (V. Hansen. *The Silk Road: A New History*).	Когда у них рождается сын, они мажут ему губы медом и кладут клей в его ладони, чтобы, повзрослев, он говорил сладкие слова и держал монеты в руках так, словно они были к ним приклеены.

Таким образом, воспитание согдийцев интерпретируется через уже готовую морально-этическую схему. Это иллюстрирует тезис П. Рикера о том, что историческое повествование всегда структурирует реальность с помощью символов [Рикер, 1998], а также подтверждает взгляд Х. Уайта на исторический текст как на риторическую конструкцию, превращающую сухие факты в морально окрашенный нарратив [Уайт, 2002].

Риторические фигуры и интенсификаторы как разновидность художественной выразительности показательны и в современном туристическом дискурсе. Например, на сайте узбекского туроператора *Dolores Travel Group*, желающего привлечь внимание клиентов к азиатским достопримечательностям, дается высокая оценка историческому значению Шелкового пути через употребление эмоционально нагруженной лексики: «грандиозные достижения», «замечательное наследие», «беспрецедентное число государств», «самые революционные идеи своего времени», «неутолимая жажда новых знаний»:

Замечательное наследие прошлого, известное сейчас как Великий шелковый путь, является одним из наиболее грандиозных достижений Древнего Востока. Это, прежде всего, памятник пытливости человеческого ума, предприимчивости, неутолимой жажды новых знаний и желанию всегда идти вперед. Человеческая цивилизация не знает иного пути, соединяющего Китай и Западную Европу, кроме этой трансевразийской системы маршрутов. На самом деле он служил каналом, через который беспрецедентное число государств обменивалось своими изделиями, культурными, художественными достижениями и самыми революционными идеями своего времени (*Dolores Travel Group*).

3. *Причинно-следственные конструкции*. Данный маркер связан с одной из трех базовых композиционно-речевых форм текста, выделенных В. В. Виноградовым [1959]: наряду с повествованием (несущим основную сюжетную нагрузку, акциональным и динамичным по своей природе) и описанием (фиксирующим статичные признаки объектов и субъектов), автор выделяет рассуждение – форму, содержащую информацию именно о причинно-следственных связях между объектами и действиями, имеющими место в контексте. Причинно-следственная конструкция в этом смысле реализует не столько собственно повествовательную, сколько аргументативную задачу текста: сами по себе факты не содержат указания на то, что одно событие явилось причиной другого, эту связь создает автор, и именно выбор того, какое событие считать причиной, а какое следствием, оказывается одним из наиболее важных интерпретативных решений, поскольку от него напрямую зависит итоговая оценка какого-либо события как блага или как бедствия ссылку повторить.

Если П. Франкопан и Л. Н. Гумилев в своих трактовках Шелкового пути выделяют культурное обогащение, распространение мировых религий, рост городов, то историк У. Макнил (“*Plagues and Peoples*”), напротив, напоминает, что по тем же маршрутам распространялась чума, велись войны, осуществлялась работорговля. Один из самых ярких примеров причинно-следственной интерпретации у У. Макнила – это связывание упадка двух величайших империй (Римской и Хань) через одну и ту же биологическую причину “*infections*” (инфекции), передаваемую по Шелковому пути. Автор интерпретирует Шелковый путь не как благо, а как причину депопуляции, которая привела к упадку обеих империй; караван при этом рассматривается как эпидемический очаг:

When <…> travel across the breadth of the Old World from China and India to the Mediterranean became regularly organized on a routine basis, so that thousands of individuals began to make a living by traveling to and fro, both on shipboard and by caravan, then	<…> когда передвижение через весь Старый Свет – от Китая и Индии до Средиземноморья – стало регулярно организованным и приобрело рутинный характер, так что тысячи людей начали зарабатывать на жизнь постоянными

conditions for the diffusion of infections among the separate civilizations of the Old World altered profoundly. The possibility of homogenization of those infections, whose most critical limit was defined by the number of new human hosts available day in and day out, opened up.	поездками туда и обратно – как морем, так и караванными путями, – условия для распространения инфекций между отдельными цивилизациями Старого Света радикально изменились. Возникла возможность гомогенизации этих инфекций, предел которой в наибольшей степени определялся числом новых человеческих носителей, доступных изо дня в день.

Причинно-следственная конструкция здесь выстроена эксплицитно: регулярность и массовость передвижения по Шелковому пути является условием ("*conditions... altered profoundly*"), а распространение эпидемий – прямым следствием ("*did in fact occur*"). Авторская интерпретация связей между событиями «маршруты стали каналом распространения эпидемии» принципиально отличается от причинных конструкций, характерных для рассмотренных выше трактовок П. Франкопана и Л. Н. Гумилева.

4. *Отбор и расстановка акцентов на фактах и источниках*. Э. Карр утверждает, что факты не говорят сами за себя: «они говорят только тогда, когда к ним обращается историк: именно он решает, каким фактам предоставить слово, в каком порядке и в каком контексте». По мнению автора, абсолютно объективных и независимых от исследователя исторических фактов не существует [Carr, 1993]. Интерпретативный элемент изначально заложен в самом факте, а критерием его превращения в исторический выступает аналитическая работа историка. Сам процесс превращения множества происшествий прошлого в исторический факт уже есть акт отбора, предшествующий любой явной интерпретации или оценке. Данное положение получает дальнейшее развитие у Х. Уайта. Он показывает, что историк упорядочивает отобранные факты по значимости, наделяет одни события статусом центральных, а другие – статусом фоновых, второстепенных [White, 1973].

Например, П. Франкопан в своей книге выстраивает евразиоцентричную модель истории и обесценивает значение Европы в античности, выставляя

Восток единственным источником цивилизации, из которого происходили все «идеи и возможности». В следующем отрывке П. Франкопан выбирает факты, рассказывающие об Александре Македонском и его политике, избирательно акцентируя одну сторону исторического процесса в ущерб другой:

> В сторону Европы он (Александр) даже не смотрел. Европа не сулила ничего. Там не было городов, культуры, славы, богатства. Для Александра, как и для всех древних греков, культура, идеи и возможности, а также угрозы происходили с Востока (П. Франкопан. *Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий*).

Востоковед М. Пиотровский в книге «Тайны Шелкового пути» занимает умеренно позитивную позицию и акцентирует внимание на археологических артефактах, фресках, рукописях и религиозном синкретизме (процессе и результате соединения различных религиозных элементов и верований в Центральной Азии). На передний план выдвигаются факты культурного обмена, взаимного обогащения и сохранения памятников искусства, а факты военных захватов и грабежей смещаются на периферию или интерпретируются как исторический контекст встречи культур:

> Шелковый путь был не просто торговой артерией, по которой везли ткани, пряности и драгоценности. Это был путь диалога цивилизаций, где главным товаром оказывались идеи, религиозные учения, художественные стили и технологии... Религиозный синкретизм, который мы видим в памятниках Дуньхуана или Турфана, показывает, как различные традиции не уничтожали, а дополняли друг друга.

Тот же прием мы видим на рассмотренном выше сайте туроператора *Dolores Travel Group*, где отбираются для представления исключительно позитивные факты о Шелковом пути – «изобретательность», «предприимчивость», «жажда знаний», и умалчиваются конфликты, эпидемии и работорговля, что формирует у потенциального читателя привлекательный образ маршрута.

Э. В. Ртveладзе в своей монографии «Великий Шелковый путь», занимает компромиссную позицию по отношению к функционированию Великого шелкового пути. Он настаивает на том, что он возник на фундаменте древних «лазуритовых» и «нефритовых» путей, тем самым смещая внимание читателя с драматической миссии одного императорского посланника на

длительный, безличный эволюционный процесс. Историк полагал, что было бы ошибочно полагать, что путь возник в одночасье с миссией Чжан Цяня.

Интерпретативность ярко проявляется в современных трактовках исторического значения Великого шелкового пути в зависимости от авторской интенции. Он, с одной стороны, описывается как символ сотрудничества, цивилизационного обмена, а с другой – как инструмент экспансии, путь завоевателей и борьбы за торговое и политическое управление в Евразии.

Таким образом, интерпретативность является конститутивным признаком исторического нарратива, в котором любое историческое повествование представляет собой не механическую фиксацию событий, а их смысловую реконструкцию, обусловленную авторской интенцией и культурным контекстом. Интерпретативность исторического нарратива также зависит от индивидуальных особенностей самого интерпретатора – его эмпатической или критической установки по отношению к описываемому материалу. Рассмотренные четыре маркера демонстрируют, что данное решение принимается на всех уровнях языковой организации текста одновременно — от отдельного оценочного слова и номинации, через развернутый троп и метафору, до причинно-следственной аргументации и, композиционного отбора самих фактов и источников.

На основании проведенного анализа были сформулированы следующие выводы.

1. Интерпретативность является конститутивным признаком исторического нарратива, поскольку любое историческое повествование представляет собой смысловую реконструкцию событий, обусловленную авторской интенцией и культурным контекстом.

2. Интерпретативность носит лингвокультурный характер и зависит от эмпатической или критической установки нарратора по отношению к материалу, из-за чего один и тот же исторический феномен может описываться принципиально по-разному.

3. Эмоционально-оценочная лексика выступает универсальным маркером интерпретативности, посредством которого авторы могут давать противоположные характеристики одному и тому же историческому деятелю или факту в зависимости от своей позиции.

4. Средства художественной выразительности (метафоры, риторические фигуры, интенсификаторы) выполняют структурообразующую функцию: метафора задает смысл фрагменту или целому нарративу, определяя, в каком концептуальном ключе читателю следует воспринимать описываемые события.

5. Причинно-следственные конструкции реализуют аргументативную задачу текста и устроены формально схоже вне зависимости от того, какую именно позицию по отношению к Шелковому пути занимает автор.

6. Отбор и расстановка акцентов на фактах и источниках обусловливает избирательное акцентирование одних сторон исторического процесса в ущерб другим.

7. История Великого шелкового пути является совокупностью конкурирующих нарративов, каждый из которых предлагает собственную версию прошлого.

2.1.6. Интертекстуальность

Историческое повествование, как правило, опирается на предшествующие тексты – хроники, документы, историографические традиции, литературные и философские источники. Именно это обстоятельство обусловливает необходимость рассмотрения интертекстуальности как самостоятельного конститутивного признака исторического нарратива.

Теоретические истоки интертекстуальности связаны прежде всего с концепцией диалогизма М. М. Бахтина, согласно которой любое высказывание существует в поле взаимодействия с другими высказываниями [Бахтин,

1979]. Идеи «чужого слова» и полифонии заложили основу для понимания текста как открытой системы смыслов. Опираясь на бахтинскую традицию и структурализм, Ю. Кристева ввела сам термин «интертекстуальность» (фр. *intertextualité*), определив текст как пересечение и трансформацию других текстов [Кристева, 1993]. Дальнейшее развитие эта идея получила у Р. Барта, рассматривавшего текст как пространство множественных кодов и цитат, в понимании которого важную роль играет сам читатель [Барт, 1987]. Существенный вклад в систематизацию межтекстовых связей внес Ж. Женетт, предложивший концепцию транстекстуальности и разработавший типологию форм межтекстового взаимодействия [Genette, 1982]. В отечественной науке интертекстуальность разрабатывалась в рамках семиотического и культурологического подходов: Ю. М. Лотман рассматривал текст как элемент семиосферы, функционирующий в системе культурной памяти и кодов [Лотман, 2005], а Б. М. Гаспаров акцентировал внимание на «языковой памяти» и устойчивых культурных формулах, актуализируемых в тексте [Гаспаров, 1996]. Дальнейшая систематизация теории интертекстуальности в отечественном языкознании связана с именами В. П. Москвина и Т. Н. Колокольцевой. В. П. Москвин предложил строгую классификацию интертекстуальных элементов – цитаты, аллюзии, реминисценции, аппликации по их функции, источнику и способу введения в текст [Москвин, 2013]. Т. Н. Колокольцева рассмотрела интертекстуальность сквозь призму диалогичности и дискурсивной практики и показала, как интертекстуальные включения обеспечивают полифонию современного дискурса [Колокольцева, 2001; 2012]. Применительно к историческому нарративу продуктивна формулировка В. Е. Чернявской, определяющей интертекстуальность как «специфическую стратегию соотнесенности с другими текстами» – динамическую, исторически обусловленную, прагматически направленную сеть отношений [Чернявская, 2017].

Обобщая рассмотренные подходы, мы, вслед за И. В. Арнольд, трактуем интертекстуальность как включение в текст либо целых других текстов с иным

субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций [Арнольд, 1999, с. 356]. При этом принципиально разграничение узкого и широкого понимания данной категории: в узком смысле интертекстуальность – это совокупность конкретных межтекстовых связей, реализуемых через цитирование, аллюзии и иные формы включения одного текста в другой [Женетт, 1982], тогда как в широком, семиотическом смысле она понимается как способ проявления культурной памяти внутри текста, складывающегося за счет отсылок к другому тексту [Смирнов, 1995, с. 11].

Широкая трактовка интертекстуальности тесно связана с теорией прецедентности, заложенной Ю. Н. Карауловым. Ученый ввел понятие прецедентного текста, который имеет культурную ценность и к которому регулярно обращаются в речи и литературе [Караулов, 1987, с. 216]. С его точки зрения, знание прецедентных текстов выступает показателем принадлежности к эпохе и культуре, а их незнание делает человека чужаком. Г. Г. Слышкин предлагает трактовать данное понятие несколько шире, снимая ограничения Ю. Н. Караулова: прецедентными могут быть и тексты, значимые лишь для узкого круга людей, а также тексты, сохраняющие свой статус на относительно короткий срок [Слышкин, 2000, с. 28].

Дальнейшая разработка теории прецедентности связана с исследованиями отдельных типов прецедентных феноменов – «прецедентных имен» [Красных и др., 1997] и «прецедентных высказываний» [Костомаров, Бурвикова, 1994]. В. В. Красных определяет прецедентные феномены в целом как особые когнитивные структуры, хранимые в коллективном и/или индивидуальном сознании носителей лингвокультуры, которые актуализируются в процессе коммуникации и служат эталонами при осмыслении и интерпретации мира [Красных, 2003, с. 171]. Применительно к историческому нарративу прецедентными феноменами выступают прежде всего тексты, события, имена и топонимы, функционирующие как носители смысла, активирующие в сознании адресата широкий комплекс ассоциаций и фоновых

знаний: упоминание исторического события или географического названия предполагает осведомленность реципиента о его временно́й, пространственной и культурной соотнесенности, что и делает прецедентность неотъемлемым условием понимания исторического нарратива, связывающим текст с коллективной памятью и культурной традицией.

Опираясь на проанализированные выше работы, а также на классификацию фигур интертекста Г. Г. Слышкина [2000, с. 48], мы выделяем следующие маркеры интертекстуальности в исторических нарративах о Шелковом пути:

1) эксплицитные маркеры – прямые, легко распознаваемые текстовые сигналы присутствия чужого слова: прецедентный текст, прецедентные феномены (прецедентные имена, топонимы), прямое цитирование;

2) имплицитные маркеры –косвенные сигналы межтекстовых связей, требующие активной интерпретационной работы читателя: аллюзия, упоминание, фоновые знания.

Рассмотрим каждый из маркеров более подробно.

1. Эксплицитные маркеры

Прецедентный текст. Прецедентными считаются значимые тексты, хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, обращение к которым регулярно воспроизводится в дискурсе носителей данной культуры [Караулов, 1987, с. 216].

Примерами прецедентных текстов о Великом шелковом пути могут служить классические исторические хроники и записки: «Ши цзи» («Исторические записки») Сыма Цяня, китайский роман «Путешествие на Запад» У Чэнъэня**,** «Книга о разнообразии мира» Марко Поло, «История народа хунну» Л. Н. Гумилева, и др. Они служат точками отсчета, источниками цитат, полемики и дальнейших интерпретаций. Рассмотрим один из четырех классических китайских романов «Путешествие на Запад», рассказывающих о приключениях монаха Сюаньцзана и его спутников, которые отправились на поиск истины. Произведение, написанное в XVI в.,

все еще продолжает оставаться популярным среди китайских и иностранных читателей. Несмотря на то, что само путешествие имеет мало общего с реальным паломничеством монаха Сюаньцзана в VII в., народные легенды и предания позволили создать уникальное произведение [Аксенова, Чарчоглян, 2019]. Действие романа разворачивается на Великом шелковом пути — главном перекрестке культур Евразии. Герои идут из Китая в Индию точно по ключевым сухопутным маршрутам Шелкового пути. В данном контексте «Запад» выступает не столько географическим, сколько культурно-цивилизационным понятием, которое маркирует пространство духовного знания, иного религиозного опыта и философской традиции. Великий шелковый путь проявляется как интертекстуальный и символический фон, на котором разворачивается сюжет: путь героев становится метафорой культурного обмена, трансляции идей и религиозных концептов, прежде всего буддизма, проникшего в Китай именно по торгово-паломническим маршрутам Центральной Азии. Это произведение является одним их самых цитируемых в современном Китае, выступая как богатый источник прецедентности.

Прецедентные феномены. К прецедентным феноменам мы относим имена исторических личностей и топонимы, которые были частью Шелкового пути. В следующем фрагменте из путевых заметок о путешествии Сюаньцзана, оформленных его учеником – монахом Баньцзи, рассказывается о том, как Сюаньцзану пришлось пересечь границу и пройти через города Турфан, который был важным пунктом на Центральной ветви Шелкового пути, и Гаочан, служивший политическим центром восточной области Западных территорий и важным пунктом на Шелковом пути:

在唐王朝建立后不久，唐三藏便起身赴印度取经。但此时的丝路大部分控制在突厥手中，唐朝禁止出国旅行。公元 627 年(一说 629 年)唐三藏还是悄悄地从长安出发，越过边关，绮河西走廊途径伊吾(哈密)，高昌(吐鲁番)向西边进发 (白度百科).	После образования династии Тан, Сюаньцзан отправился в Индию. В то время Шелковым путем управляли тюрки и династия Тан запретила заграничные поездки. В 627 году н.э. (в 629 году) Сюаньцзан тайком покинул Чанъань, пересек границу, по коридору Хэси миновал уезды Атурюк (Хами), Гаочан (Турфан) и отправился на Запад.

Топонимы в тексте – уезд Иу (Атурюк, совр. Хами), Гаочан (совр. Турфан) и коридор Хэси перечисляются в тексте без комментария автора. Информация о том, что Сюаньцзан «незаметно пересек границу», подразумевает запрет на выезд и тюркском контроле над путем. Автор перечисляет топонимы, полагаясь на то, что читатель знаком с историей Шелкового пути по другим источникам и сможет самостоятельно понять, почему монах вынужден был идти именно этим маршрутом.

Рассмотрим еще несколько важных топонимов из записок Сюаньцзана:

> Перейдя через горы, Сюань-цзан вновь попадает на территории Синьцзяна и движется через районы Яркенда и Кашгара, желая на обратном пути посетить буддийский Хотан (Сюаньцзан. *Путешествие в Западный край во времена Великой Тан*).

Маршрут через упомянутые места повторял путь бесчисленных торговых караванов. Эти города были не просто «местами на карте», а жизненно важными артериями и нервными узлами, без которых функционирование южной ветви трансконтинентальной торговой сети было бы невозможно. Однако топонимы перечисляются без какого-либо пояснения со стороны автора. Текст не сообщает читателю, что Хотан был крупным центром буддийского паломничества, известным своими святынями и находками реликвий; что Кашгар и Яркенд обладали значительными буддийскими общинами и монастырями, так как читатель уже владеет фоновыми знаниями об этих местах.

Ц и т а т а является самой очевидной фигурой интертекстуальности, определяемой в «Литературном энциклопедическом словаре» [1987] как «стилистический прием употребления готового словесного образования, вошедшего в общелитературный оборот». А. Н. Гвоздев под цитатой понимает «включаемые в авторскую речь высказывания других лиц» [Гвоздев, 1955]. Н. Пьеге-Гро рассматривает цитату как эмблематическую форму интертекстуальности [Пьеге-Гро, 2008], что подчеркивает ее роль в выявлении взаимосвязей между текстами. Использование точных цитат с указанием источника служит не просто средством иллюстрации или подтверждения высказываемых

идей, но и формирует своеобразную диалогичность между текстами, позволяя автору интегрировать уже существующие знания и мнения в собственный текст. По мнению В. П. Руднева, цитата не просто служит дополнительным элементом информации, а превращается в «залог самовозрастания смысла текста» [Руднев, 1997].

Рассмотрим пример цитаты из книги Е. С. Докашевой «Великий шелковый путь. Полная история». Анализируя культурную значимость нефрита, она приводит высказывание Конфуция:

> Нефрит, как сила познания, ибо гладок и блестит. Он как справедливость, ибо у него острые края, но они не режут. Он как покорность, ибо стремится вниз, к земле. Он как музыка, ибо издает чистые, ясные звуки. Он как правдивость, ибо не скрывает изъянов, которые лишь усиливают его красоту. Он как земля, а его стойкость рождена горами и водой.

Обращение Е. С. Докашевой к высказыванию Конфуция о нефрите позволяет не только раскрыть символико-философское значение данного материала в традиционной китайской культуре, но и встроить его в более широкий историко-культурный контекст Великого шелкового пути. Нефрит, обладая особым сакральным и социальным статусом, на протяжении веков выступал важным объектом обмена, что обусловило формирование так называемого Нефритового пути – одного из ранних и значимых маршрутов, впоследствии интегрированных в систему Шелкового пути. Цитата Конфуция в данном случае выполняет аргументативную функцию, подтверждая мысль о том, что экономическое значение нефрита неразрывно связано с его этико-философской интерпретацией. Именно благодаря такому символическому наполнению нефрит становился не просто товаром, но и носителем культурных ценностей, транслируемых вдоль торговых маршрутов Центральной Азии. Благодаря этому Великий шелковый путь предстает не только как система материального обмена, но и как пространство циркуляции идей, смыслов и философских концептов. Одновременно цитирование классического философского текста способствует установлению диалога между современным научным исследованием и древней интеллектуальной

традицией, что усиливает интерпретативный потенциал анализа и подчеркивает преемственность культурной памяти. Таким образом, встраиваясь в текст, цитата может полностью интегрироваться как в тематику произведения, так и в его стиль, усиливая ощущение достоверности исторического повествования и придавая ему подлинности.

Еще одним примером цитации является выдержка из монографии «История народа хунну» Л. Гумилева, в которой он обращается к стихотворению Цюй Юаня «Призывание души»:

> Восточной стороне не доверяйся, там великаны хищные живут и душами питаются людскими…», «…И в южной стороне не оставайся! Узорами там покрывают лбы, там человечину приносят в жертву и стряпают похлебку из костей...», «…Про вредоносность запада послушай: повсюду там зыбучие пески, вращаясь, в бездну льются громовую. Сгоришь, растаешь, сгинешь навсегда!..», «На севере не вздумай оставаться: там громоздятся льды превыше гор, метели там на сотни ли несутся… (Л. Гумилев. *История народа хунну*).

Использование Л. Н. Гумилевым данного отрывка служит примером интертекстуальности**,** где цитата выполняет не декоративную, а системообразующую функцию**.** Этот прием превращает поэтический фрагмент в ключевой семиотический узел, связывающий миф, поэзию и научную теорию в единое поле культурного смысла.

В приведенном фрагменте другой фигурой интертекста также выступает аллюзия на мифологические и фольклорные представления о «странах опасностей» (страхи и чудовища по сторонам света). Это ссылка на традиционные топосы путешествий и предупреждений («не ходи на восток/юг/запад/север»), присущие сказкам, мифам и эпическим повествованиям. Автор сознательно воспроизводит мотивы и образы из народных сказаний и мифов, чтобы создать картину опасного мира. Этот прием позволяет отослать читателя к старинным представлениям и мифологическим сюжетам.

Цитируемые поэтические элементы трансформируются в инструмент, который не только передает информацию, но и обогащает интерпретацию текста за счет привнесения эмоциональной и ассоциативной составляющих. В качестве эпиграфа автор книги «Шелковый путь на кончике кисти» Фэн Ишу

использует стихотворение поэта Ду Фу – одного из величайших поэтов Китая, классика эпохи династии Тан:

Послан на поиски Желтой реки истока, С края Небес он вернулся по этой дороге Сколько он пробыл там, где погонщик быков его встретил? Везут до сих пор скакунов Ферганы из краев этих.

Стихотворные строки о путешествии по дорогам, пересекающим предгорья, и о встрече с погонщиком быков отражают дух странствий и открытий, характерный для исследовательской деятельности в древнем Китае. Лирический герой, отправленный «на поиски» источника реки, символизирует не только физическое путешествие, но и стремление человека к познанию, что подчеркивает философскую глубину текста. В данном контексте дорога, по которой он возвращается, становится символом как реального пути, так и внутреннего движения к самопознанию и пониманию своих корней. Упоминание о «скакунах Ферганы», знаменитых своим качеством и красотой, служит не просто дополнительным фрагментом лишь к описанию пути, но и акцентирует социально-экономический аспект жизни в этом историческом контексте – торговли, обмена, культурных связей. Это создает целостный образ не только исследуемого региона, но и жизнедеятельности людей, обитающих вдоль данной торговой артерии.

В той же книге Фэн Ишу использует в качестве эпиграфа стихотворение другого китайского поэта Лу Чжаолиня – одного из четырех великих поэтов эпохи начала правления династии Тан:

Чанъань. Широкие пути проулками ветвятся, Повозки у купцов от пряностей ломятся. Взмывает башня, неба краше, у Лянов со двора, И Ханьский столп главой златою пронзает облака.

Использование стихотворения в качестве эпиграфа к главе, посвященной Чанъаню, знаменитой исторической столице Древнего Китая, представляет собой стратегический прием, позволяющий читателю глубже погрузиться в атмосферу и контекст исторического повествования. Строки,

раскрывающие образ широких путей и неописуемую величественность города, создают яркий визуальный и эмоциональный фон, соответствующий исследуемой теме. Стихотворение акцентирует внимание на богатстве и разнообразии торговых путей, что непосредственно связано с исторической значимостью города Чанъаня как одного из ключевых центров Великого шелкового пути. Описание повозок, переполненных пряностями, и величественных архитектурных сооружений, таких как Ханьский столп, не только иллюстрирует экономическую мощь и культурное разнообразие региона, но и подчеркивает высокие достижения китайской цивилизации. Таким образом, данный эпиграф не только обогащает текст поэтическим содержанием, но и функционально служит для подчеркивания исследовательских мыслей, углубляя понимание читателя о Чанъане как о важном узле в историческом и культурном развитии региона.

2. Имплицитные маркеры

Аллюзия подразумевает словесный намек на определенный текст, который известен адресату. В. Е. Хализев трактует аллюзию как намеки на реалии современной общественной жизни, создаваемые в произведениях об историческом прошлом [Хализев, 2000].

В контексте исторического нарратива аллюзии служат катализаторами для активации коллективной памяти и культурного контекста, на которые мысленно опирается автор, предлагая читателю декодировать скрытые смыслы. Яркий пример данного явления – название современной инициативы «Один пояс, один путь» – масштабной долгосрочной стратегии Китая по развитию глобальной инфраструктурной, торговой и инвестиционной связности, выдвинутой в 2013 г. Оно является прямой аллюзией к Великому шелковому пути по нескольким ключевым причинам, которые глубоко связаны с геополитическими, экономическими и историческими параллелями. Сама формулировка «Один пояс, один путь» намеренно отсылает к историческому торговому маршруту. «Пояс» (сухопутный) и «Путь» (морской) призваны воссоздать обширную сеть взаимосвязей, аналогичную той, что

существовала вдоль Шелкового пути. Это название создает образ исторической преемственности, позиционируя «Один пояс – один путь» не как нечто совершенно новое, а как современное возрождение древних торговых и культурных связей. Это попытка использовать исторический прецедент для обоснования амбициозного современного проекта, который призван перестроить глобальные торговые и инфраструктурные связи, вновь подтверждая, что география является ключевым, если не определяющим, фактором в формировании экономического и политического ландшафта мира. Основная цель аллюзий обычно заключается в том, чтобы имплицитно донести до реципиента авторскую оценку политических фигур, общественных событий, а также содержания высказывания.

Упоминание. Данную фигуру интертекста Г. Г. Слышкин определяет, как способ введения в текст чужого слова/чужого текста в форме называния или отсылки без обязательного воспроизведения самого фрагмента. То есть автор не цитирует и не пересказывает источник, а лишь обозначает его присутствие: называет автора, произведение, героя, событие, термин, устойчивую формулу и т. п., рассчитывая на узнавание адресатом [Слышкин, 2000]. Например, описывая жизнь разных народов в своей работе «История народа хунну», Л. Гумилев упоминает известные тексты: «А ведь в Степи могли бы создаться поэмы – патетичнее «Илиады», мифы – фантастичнее «Эдды», рассказы – не хуже «1001 ночи»», подчеркивая, что истории народов могли бы послужить рассказами для сборника восточных сказок и легенд, где каждый сюжет поражает своей уникальностью, а яркие и экзотические персонажи оживают на страницах произведения.

Фоновые знания. Согласно О. С. Ахмановой, фоновые знания представляют собой «взаимное понимание реалий между говорящим и слушающим», формирующее основу языковой коммуникации [Ахманова, 1966, с. 489]. Данное понятие включает не только совокупность фактов, но и широкий культурно-исторический контекст, обеспечивающий эффективность коммуникации [Гехтляр, 2017]. Отсутствие общих фоновых знаний может

приводить к коммуникативным сбоям, искажению смысла или неполному пониманию текста. Успешная интерпретация исторических нарративов требует учета культурных различий и специфики исторического контекста. Проиллюстрируем это следующим примером:

蘭州，群山環抱，固若金湯，因此命名為金城，喻其堅固，是絲綢之路上的重要節點城市 (百度百科).	Ланьчжоу окружен горами и неприступен, как крепость, поэтому он и получил название «Золотой город», что символизирует его прочность и надежность; он является важным узловым городом на Шелковом пути.

Использование в нем литературного фразеологизма 《固若金湯》 («неприступный, как крепость») и исторического названия города 《金城》 («Золотой город») являются отсылками к общей для носителей китайской культуры текстовой традиции. Их использование превращает простое географическое описание в символический и оценочный образ**,** насыщая нарратив дополнительными смыслами: город предстает не просто узлом на пути, а неприступной, легендарной цитаделью. Это создает разный уровень понимания для аудитории: читатель, распознающий отсылки, воспринимает глубину исторического мифа, в то время как внешний наблюдатель видит лишь фактическую информацию. Данный пример наглядно иллюстрирует, как фоновые знания превращают простое описание в многомерный исторический нарратив, раскрывающий географические, стратегические и культурные аспекты функционирования Ланьчжоу в системе Великого шелкового пути.

В следующем примере из книги И. Кальвино «Невидимые города» читателю предлагается ситуация взаимодействия исторических персонажей – Марко Поло и Кублай-хана, чьи социальные роли обозначены без дополнительных пояснений. Это проявляется, в частности, в следующем эпизоде:

Нет, Кублай-хан не верит тотчас же всему, что Марко Поло говорит о городах, где побывал он с ханской миссией, но, без сомнения, татарский император вновь и вновь склоняет слух свой к молодому этому венецианцу с большим любопытством и вниманием, нежели к иным своим посланцам и дозорным (И. Кальвино. *Невидимые города*).

В приведенном фрагменте актуализируется комплекс фоновых знаний, без которых полноценное понимание нарратива затруднено. Прежде всего, предполагается, что читатель осведомлен о реальных исторических фигурах Марко Поло и Кублай-хана, а также об их традиционно закрепленных в культурной памяти социальных ролях – европейского путешественника и монгольского правителя. Текст не содержит пояснений относительно их биографий или исторического контекста взаимодействия, что указывает на апелляцию к общеизвестному историко-культурному знанию. Кроме того, фрагмент опирается на представление о дипломатической и миссионерской практике Средневековья, в рамках которой рассказы путешественников и посланников выступали важным источником информации о «чужих» территориях. Наконец, пример предполагает знакомство читателя с художественной условностью произведения И. Кальвино, в котором исторические персонажи функционируют не как объекты документального описания, а как элементы литературной реконструкции и философского осмысления. Таким образом, фоновое знание включает исторический, культурный и жанровый компоненты, обеспечивающие интерпретацию текста на метанарративном уровне.

Результаты проведенного исследования сводятся к следующим основным выводам.

1. Интертекстуальность выступает неотъемлемым свойством исторического нарратива и одним из его конститутивных признаков. Именно она обеспечивает его диалогическую природу, смысловую глубину и включенность в непрерывную сеть культурных текстов.

2. Эксплицитные маркеры – прецедентные тексты и феномены – выступают носителями коллективной памяти, активирующими в сознании читателя устойчивый комплекс ассоциаций, оценок и представлений. Прямое цитирование выполняет аргументативную и смыслопорождающую функцию: включение чужого высказывания усиливает эффект достоверности и подлинности исторического повествования.

3. Имплицитные маркеры представлены аллюзией, упоминанием и фоновыми знаниями. Аллюзия служит инструментом трансляции авторской оценочной позиции и установления скрытой аналогии между различными историческими эпохами. Упоминание ограничивается называнием источника (автора, произведения, события) без воспроизведения самого фрагмента и рассчитано на самостоятельное узнавание адресатом. Фоновые знания образуют глубинный уровень интертекстуальности: их отсутствие у читателя ведет к утрате смыслов.

4. Интертекстуальные связи не только обогащают прошлое, но и активно актуализируют его в современном дискурсе. Это особенно очевидно в случае с наследием Шелкового пути, которое постоянно реинтерпретируется и включается в новые контексты.

2.1.7. Идеологизированность

Если интерпретативность фиксирует сам факт текстовой реконструкции прошлого, то идеологизированность раскрывает систему ценностей, политических установок и культурных ориентиров, которые направляют авторский выбор. Идеологические мнения непосредственно формируют выбор тем и акцентов, определяя, какие события, фигуры или процессы становятся центром внимания исследователя.

Формирование исторических нарративов нередко осуществляется через призму современных политических реалий: способы представления событий адаптируются к текущей государственной или общественной ситуации, что актуализирует определенные аспекты прошлого. Однако идеологизированность исторических нарративов не исключает их фактической основы. Несмотря на предвзятость, в них всегда присутствует компонент правды, отражающий реальные события. Одно и то же событие может трактоваться с разных точек зрения, каждая из которых включает аспекты правды, но акцентирует различные элементы: военные события могут описываться как

героизм и сопротивление одной стороной, тогда как другая может рассказывать о потерях и страданиях.

Идеологизированность исторического нарратива – это неотъемлемое свойство текста, при котором содержание, структура и языковые средства подчинены идеологическим установкам автора. Именно эти установки определяют смысловые акценты, характер трактовки источников и адаптацию текста к текущим политическим, культурным или социальным задачам [Адилханян, 2014; Бантышева, 2005; Мишалова, 2012].

Теоретическое осмысление идеологизированности исторического нарратива охватывает несколько исследовательских направлений – от лингвистики до философии истории. Л. Л. Бантышева рассматривает идеологизированность как имманентное свойство политической лексики, подчеркивая его функцию трансляции ценностных установок и формирования определенной картины мира [Бантышева, 2005]. Это положение в полной мере применимо к историческому нарративу, поскольку история часто выступает инструментом подтверждения идеологических конструкций. И. Л. Адилханян, в свою очередь, вводит понятие идеологической мотивированности, подчеркивая, что выбор языковых средств обусловлен целями политического дискурса [Адилханян, 2014].

Значимый вклад в понимание соотношения идеологизированности и научной ценности исторического нарратива вносит Е. В. Мишалова. По ее мнению, наличие у историка личных или общественных мотивов (стремление восстановить или подорвать чью-то репутацию, желание высказать моральные установки) не умаляет ценности его труда: объективность и субъективность являются взаимодополняющими элементами любого исторического нарратива. Объективность при этом понимается как следование установленным исследовательским стандартам, тогда как субъективность остается неотъемлемой частью исторического анализа. Четко выраженная моральная позиция автора не снижает научной ценности произведения, а личные убеждения исследователя способны обогатить нарратив уникальными

точками зрения, способствующими более глубокому пониманию комплексных исторических процессов [Мишалова, 2012].

А. Данто акцентирует принципиальную важность стремления историка к истине: если историк не стремится сообщить о том, что «на самом деле случилось», то, как справедливо замечает ученый, он пишет не историю [Данто, 2002]. Это положение удерживает идеологизированность в рамках научного дискурса, не позволяя ей превратиться в чистую пропаганду.

Таким образом, исторический нарратив выступает как результат диалога между фактами прошлого, интерпретацией исследователя и актуальными социокультурными контекстами, а идеологизированность – как имманентное, но не разрушающее его научную ценность свойство этого диалога.

Ключевым инструментом идеологизации текста выступает идеологема – понятие, введенное М. М. Бахтиным [1975]. Автор утверждает, что нарратор использует идеологему, чтобы транслировать собственную позицию, поделиться своим мнением с адресатом, и, таким образом, расширить его представление о тех или иных вещах [Бахтин, 1975]. Е. Г. Малышева позже [2009] исследовала идеологему как единицу когнитивного уровня, определяя ее как «особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Малышева, 2009, с. 35]. Идеологема характеризуется динамичной семантикой – она способна изменяться и адаптироваться в зависимости от контекста и времени, обладает национальной спецификой и проявляется через частотность и разнообразие способов своей репрезентации в различных семиотических системах, включая языковую, что обеспечивает ее адаптивность в разных дискурсивных контекстах и делает ее эффективным инструментом передачи культурных установок и социальных норм [Там же].

Мы выделяем следующие языковые и текстовые маркеры идеологизированности, позволяющие выявить данное свойство в историческом нарративе:

1) оценочная лексика, развернутые метафоры и образность с идеологической нагрузкой, задающие смысловую рамку и транслирующие ценностные установки;

2) избирательный отбор фактов и экспертных мнений – включение в нарратив только тех свидетельств и суждений, которые подтверждают заранее выбранную идеологическую позицию, при одновременном замалчивании альтернативных точек зрения, а также обращение к авторитету – ссылки на мнения экспертов, подобранные так, чтобы продемонстрировать лишь одну сторону проблемы;

3) актуализация идеологем – опора на устойчивые понятия, в которых уже заложены общие представления о власти, нации и государстве;

4) бинарная оппозиция «свои – чужие» – конструирование нарратива через противопоставление позитивно описываемой собственной стороны и негативно представленного оппонента; позитивная или негативная репрезентация исторических личностей – идеализация «своих» и дискредитация «чужих».

Идеологизированность в полной мере проявляется в исследуемых нарративах о Великом шелковом пути – как в исторических текстах, так и в современном политическом дискурсе. Рассмотрим последовательно, как каждый из перечисленных маркеров реализуется на конкретном материале.

1. Оценочная лексика, развернутые метафоры и образность с идеологической нагрузкой задают нарративу смысловую рамку и транслируют ценностные установки. Данный маркер проявляется через слова и словосочетания, которые не констатируют факт нейтрально, а сразу навязывают читателю отношение к описываемому явлению с определенных идеологических позиций. Чтобы подчеркнуть

важность и ценность Великого шелкового пути для мировой политики, используются оценочные прилагательные, часто в превосходной степени.

П. Гэллоуэй в своей книге “Adventures on the Ancient Silk Road” («Приключения на древнем Шелковом пути») использует положительно окрашенные эпитеты *“precious goods”* для товаров и *“revolutionary ideas”* для идей. Шелковый путь описывается через метафоры «канала» (*channel*) и «моста» (*bridge*) как главный фактор объединения человечества и прогресса. В отрывке также присутствует оценочный маркер величия Шелкового пути: *«стал главным мостом между Востоком и Западом, сформировавшим историю человеческой цивилизации»*:

The Silk Road was not a single road, but a vast, intricate network of trade routes that linked China to the Mediterranean world <...> For more than a thousand years, it was the most important channel of communication in the world, carrying not only precious goods like silk, jade, and spices, but revolutionary ideas, technologies, and faiths. It was the ultimate bridge between East and West, shaping the history of human civilization.	Шелковый путь был не одиночной дорогой, а обширной, сложнейшей сетью торговых маршрутов, связывавших Китай с средиземноморским миром <...> На протяжении более чем тысячи лет он оставался самым важным каналом коммуникации в мире, переносившим не только драгоценные товары, такие как шелк, нефрит и пряности, но и революционные идеи, технологии и верования. Он стал главным мостом между Востоком и Западом, сформировавшим историю человеческой цивилизации.

Оценочность ярко проявляется и в современных политических интерпретациях инициативы «Один пояс – один путь». Обращение китайских политиков к истории Шелкового пути не случайно. Использование отсылок к тысячелетней истории торговых и культурных связей позволяет представить эту инициативу не как новый спорный внешнеполитический проект, а как исторически обусловленное возрождение уже существовавшего маршрута. В статье 《古丝绸之路与共建一带一路》(«Древний Шелковый путь и реализация инициативы "Один пояс – один путь"») из китайской газеты «Жэньминь жибао» говорится о том, что исторически Китай выходил к внешнему миру с торговлей, культурой и шелком, а не с завоеваниями и колонизацией. Инициатива «Один пояс – один путь» преподнесена как естественное продолжение и

масштабная модернизация древнего Шелкового пути в XXI в. Акцентируется внимание на том, что она исходит из Китая, но принадлежит всему миру:

共建一带一路是超越古丝绸之路的新型国际合作〈…〉一带一路”建设对西方来说不是威胁，而是真正的合作机会，这就是中国说的双赢〈…〉我们完全有理由相信，共建“一带一路”作为历史发展的必然产物，将不断为自己开辟前进的道路，直至到达成功的彼岸(人民网).	Совместное строительство инициативы «Один пояс – один путь» – это новый тип международного сотрудничества, который превосходит древний Шелковый путь <…> Строительство «Пояса и пути» – это не угроза Западу, а реальная возможность для сотрудничества. Это то, что Китай называет беспроигрышной ситуацией. <…> У нас есть все основания полагать, что совместное строительство инициативы «Один пояс – один путь», как неизбежный продукт исторического развития, будет и впредь открывать нам путь вперед, пока мы не достигнем другой стороны успеха.

Однако в статье “*Belt and Road Initiative: Is China's trillion-dollar gamble worth it*?” на сайте британского издания BBC News этой инициативе дается совсем иная оценка:

Beijing's trillion-dollar experiment has created a powerful tool to wield influence.	Триллионный эксперимент Пекина создал мощный инструмент для оказания влияния.

Слово “*tool*” (инструмент) само по себе нейтрально, но наличие глагола “*to wield*” (владеть, орудовать) применяют к оружию или власти, а не к экономическому проекту. В этом тексте экономическая инициатива Китая представлена в виде инструмента геополитической экспансии Пекина.

Б. Масаэш, политолог, бывший государственный секретарь Португалии по европейским делам, усматривает в этой инициативе не просто торговлю, а попытку Китая перестроить мировые стандарты. Сама фраза “*a new world order*” (новый мировой порядок) для него ассоциируется с агрессией и угрозой либеральному порядку:

The Belt and Road is not a series of projects; it is a Chinese plan to build a new world order... It is about creating a new economic geography where all roads lead to Beijing (B. Maçães. *Belt and Road: A Chinese World Order*).	«Один пояс – один путь» – это не серия проектов, это китайский план строительства нового мирового порядка <...> Речь идет о создании новой экономической географии, где все дороги ведут в Пекин.

Автор использует отсылку к Римской империи: Рим строил дороги не просто для торговли, а для военного контроля. Фраза «Все дороги ведут в Рим» означает имперскую централизацию власти. Ставя Пекин на место Рима, Б. Масаэш переносит эту идею на современный Китай. Он считает, что инициативу нельзя воспринимать как просто коммерческий или инфраструктурный проект. По его мнению, это масштабная стратегия по перекройке мировой системы.

2. Избирательный отбор фактов и экспертных мнений. Данный маркер проявляется в том, что нарратор включает в текст только те свидетельства и суждения, которые подтверждают заранее выбранную позицию, при этом умалчивая или отодвигая на второй план альтернативные точки зрения. Примером является материал статьи опубликованном на сайте *Britannica.com* о финансовом бремени инициативы «Один пояс – один путь» для развивающихся стран:

Despite the achievements of the BRI, the initiative has proved to be a significant burden on developing countries' finances, with some experts fearing that these countries have been pushed to the edge of economic collapse… Pakistan, for example, has struggled to make external payments, as one-fourth of its total debt is owed to China <…> in 2023 U.S. Pres. Joe Biden called the BRI a "debt and noose agreement" (*Belt and Road Initiative*).	Несмотря на достижения инициативы «Один пояс, один путь», она оказалась значительным бременем для финансов развивающихся стран, при этом некоторые эксперты опасаются, что эти государства были поставлены на грань экономического коллапса… Пакистан, к примеру, с трудом осуществляет внешние платежи, поскольку одна четверть его совокупного долга приходится на Китай <…> в 2023 году президент США Джо Байден назвал «Один пояс – один путь» «соглашением о долге и петле».

Автор статьи ссылается на мнения экспертов, что придает тексту научный оттенок, однако использует в тексте аргументы, которые способны продемонстрировать именно негативные последствия инициативы; при этом ее позитивные аспекты не рассматриваются. Использование словосочетания “*debt and noose agreement*” самим президентом США указывает на явную политическую предвзятость, акцентирующую идеологическую борьбу между

Китаем и Западом и формирующую у аудитории осуждающий взгляд на инициативу еще до ее реализации.

3. Актуализация идеологем. Идеологему рассматривают как «устойчивое словосочетание, непосредственно связанное с идеологическим денотатом» [Купина, 2003, с. 91]. А. П. Чудинов несколько расширяет это понятие, приписывая идеологеме слова, словосочетания, смысл которых неодинаково понимается сторонниками различных политический взглядов. Особенно часто различия связаны с эмоциональной окраской слова, на которое переносится оценка соответствующего явления [Чудинов, 2007, с. 92]. Актуализация идеологем является маркером, при котором в тексте используется готовое, устойчивое понятие, объединяющиее коллективные, часто уже сложившиеся представления о власти, нации, государстве. Примером идеологемы служит фраза «мировой лидер» в следующем отрывке исторического эссе《中国红：丝绸之路（汉英对照）》(«Красный Китай: Шелковый путь (китайско-английское сравнение»)) Фан Мина (2013):

The Chinese civilization had been for a long time before modern times a world leader.	Китайская цивилизация долгое время, еще до наступления современности, была мировым лидером (перевод).

Данная фраза подразумевает превосходство и уникальность китайской цивилизации в контексте глобального исторического развития, и служит подтверждением культурной и политической идентичности.

Следующий фрагмент также демонстрирует высокую степень идеологизированности через позитивную репрезентацию деятельности государства. В речи председателя КНР Си Цзиньпина на церемонии открытия форума по международному сотрудничеству от 18 октября 2023 г. говорится:

10 年来，我们坚守初心、携手同行，推动 “一带一路”国际合作从无到有，蓬勃发展，取得丰硕成果。〈…〉本着对历史、对人民、对世界负责的态度，携手应对各种全球性风险和挑战，为子孙后代创造和平、发展、合作、共赢的美好未来（习近平）.	В последние 10 лет мы придерживались нашего первоначального намерения и шли рука об руку, продвигая программу международного сотрудничества «Один пояс – один путь» с нуля, процветая и добиваясь плодотворных результатов. <...> Ответственно относясь к истории, людям и миру, мы будем работать вместе, чтобы справиться с глобальными рисками и вызовами, создать для потомков прекрасное будущее, основанное на мире, развитии, сотрудничестве и обоюдной выгоде.

На лексическом уровне текст насыщен идеологически маркированной лексикой с ярко выраженной положительной оценочностью. Такие выражения, как 坚守初心 («неуклонно придерживаться первоначальной миссии»), 携手同行 («идти рука об руку»), 蓬勃发展 («бурно развиваться»), 丰硕成果 («плодотворные результаты»), а также фраза 和平、发展、合作、共赢 («мир, развитие, сотрудничество, взаимная выгода»), являются идеологемами, которые транслируют ценностные установки. Фраза 坚守初心 («неуклонно придерживаться первоначальной миссии») является отсылкой к политическому лозунгу партийной риторики Китая последних лет, который активно использовался на съездах партии как призыв оставаться верным первоначальным идеалам. Си Цзиньпин в речи вместо открытого убеждения использует уже готовые, привычные фразы, каждая из которых сама по себе вызывает у читателя нужную реакцию.

4. Бинарная оппозиция «свои – чужие». В исторических нарративах формируется положительный образ своей страны и персонажей, которые противопоставляются «чужим». Оппозиция «свои – чужие» встречается у Линь Мэйцунь в книге «15 лекций об археологии Великого шелкового пути», в которой которой историк описывает миссию дипломата Чжан Цяня в Западный край (см. Приложение 1, нарратив 9). Автор приводит в тексте оценку Сыма Цяня, назвавшего Чжан Цяня «первопроходцем». При этом сюнну (кочевники) на протяжении всего фрагмента характеризуются исключительно негативно: они «хозяева северных степей», которые *«контролировали Ганьсуский коридор и Таримскую равнину»*, *из-за чего «миссия Чжан Цяня попала в плен».* Автор идеализизирует «своего» героя через мотив верности: Чжан Цянь тринадцать лет живет в плену, обзаводится семьей у сюнну, но не поддается ассимиляции. Он «всегда помнил» о долге и «бережно хранил» символы своей миссии. Дискредитация «чужих» проявляется через описание сюнну, которые появляются в тексте исключительно как сила,

которая «пленяет» и «препятствует». Фрагмент усиливает контраст между героями: Чжан Цянь остается верен миссии даже посреди чужого окружения.

В контексте современной политики деление на «своих» и «чужих» проявляется особенно наглядно, в частности по отношению к уже неоднократно упомянутому проекту «Один пояс – один путь». Продемонстрируем это на примере уже цитированной выше статьи "*Belt and Road Initiative: Is China's trillion-dollar gamble worth it*?", опубликованной в издании *BBC News*:

Some critics accuse China of engaging in "debt trap diplomacy" by luring poorer countries to sign up for expensive projects so that Beijing could eventually seize control of assets put up as collateral. <…> "The BRI is a public road open to all, not a private path owned by any single party," it said. Far from seeking domination as critics say, China claimed it is "helping others to succeed while seeking our own success" (*Belt and Road Initiative: Is China's trillion-dollar gamble worth it?).*	Некоторые критики обвиняют Китай в ведении «дипломатии долговой ловушки» путем заманивания более бедных стран в дорогостоящие проекты с тем, чтобы Пекин мог в конечном итоге захватить контроль над активами, выставленными в качестве залога. <…> «ОПО – это общественная дорога, открытая для всех, а не частная тропа, принадлежащая какой-то одной стороне», –заявляли в Пекине. Китай утверждает, что он далек от стремления к доминированию, в котором его обвиняют критики, и «помогает другим добиваться успеха, стремясь при этом к собственному успеху.

С точки зрения критиков, «чужим» выступает Китай, на что указывают глагол *"luring"* («заманивая») и идеологема *"debt trap diplomacy"* («дипломатия долговой ловушки»). Китаю приписывается роль захватчика и манипулятора, вовлекающего бедные страны в долговую зависимость ради захвата их активов. «Своими» здесь имплицитно оказываются пострадавшие развивающиеся государства. С позиции самого Китая, напротив, «своими» являются сами китайские власти, представленные через метафору *"a public road open to all"* («общественная дорога, открытая для всех») и формулу *"helping others to succeed while seeking our own success"* («помогая другим добиваться успеха, стремясь при этом к собственному»).

Резко негативную оценку инициативы «Один пояс – один путь» находим в выступлении Дж. Болтона, советника по национальной безопасности США, где также выстраивается бинарная оппозиция «свой» (США) – «чужой»

(Китай): «свое» пространство наделяется этическим превосходством (“*ethical standards*”), а «чужое» характеризуется как порочное (“*bribes*”, “*opaque agreements*”, “*corruption*”):

China uses bribes, opaque agreements, and the strategic use of debt to hold states in Africa captive to Beijing's wishes and demands. Its investment ventures are riddled with corruption, and do not meet the same environmental or ethical standards as U.S. developmental programs (Remarks by…).	Китай использует взятки, непрозрачные соглашения и стратегическое использование долга, чтобы держать государства Африки в плену желаний и требований Пекина. Его инвестиционные предприятия пронизаны коррупцией и не соответствуют тем же экологическим или этическим стандартам, что и американские программы развитии.

Таким образом, один и тот же исторический символ становится объектом конкурирующих интерпретаций в зависимости от идеологической позиции нарратора.

Результаты исследования идеологизированности анализируемых текстов сводятся к следующим выводам.

1. Идеологизированность является конститутивным признаком исторического нарратива, обусловленным его интерпретативной природой. Она отражает ценностные установки, политические ориентиры и культурные модели автора, определяющие его выбор на всех уровнях текста – от отбора фактов до выбора языковых средств.

2. Оценочная лексика, развернутые метафоры и образность с идеологической нагрузкой реализуется через прямые эпитеты, идеализирующие описываемый объект, а также через негативно окрашенные лексемы в описании политического оппонента. Метафора транслирует ценностные установки автора через образ, с которым сравнивается описываемое событие или явление.

3. Избирательный отбор фактов и экспертных мнений включает в нарратив только те свидетельства, которые подтверждают заранее избранную позицию, при одновременном замалчивании альтернативных точек зрения.

4. Актуализация идеологем реализуется через использование в тексте готовых, устойчивых понятий, которые не требуют доказательства, поскольку сами уже содержат оценку и объяснение.

5. Оппозиция «свои – чужие» строится на контрасте позитивного образа «своих» и негативного «чужих», что обусловливает противоположную трактовку одних и тех же действий в нарративах разных сторон.

6. Один и тот же исторический феномен – Великий шелковый путь и его современное продолжение (инициатива «Один пояс – один путь») описываются по-разному в зависимости от позиции автора: как сотрудничество, как борьба за влияние или как угроза суверенитету. Это подтверждает, что идеология формирует противоположные трактовки одних и тех же процессов.

2.1.8. Семиотичность

Основу взаимодействия между историческими событиями и текстами составляет господствующий семиотический код, который определяет принципы чтения и понимания текстов и служит критерием для оценки того, как социум воспринимает различную информацию. Этот код формируется под воздействием исторического контекста, норм, традиций и ценностей, свойственных определенному обществу, что изначально накладывает ограничения на интерпретационные возможности. Говоря о семиотических кодах, Д. Чандлер отмечает: «Общество зависит от существования знаковых систем, кодов. Изучая культуру того или иного общества, семиотики относят к знакам любые объекты или действия, которые имеют значение для членов данной культуры, пытаясь определить правила или условности кода, на которых основывается создание смыслов в данной культуре» [Chandler, 2007, p. 148].

Высокий интерес к семиотичности в исторических исследованиях вызван тем, что осмысление прошлой эпохи невозможно без декодирования ее знаковой природы. Исторический документ не просто фиксирует события, а

отражает смысловые коды своей эпохи, требуя восстановления контекста его создания. В последние десятилетия семиотический подход к исследованию истории и культуры демонстрирует возрастающую популярность. В концепции Б. А. Успенского [1996] исторический процесс трактуется как коммуникативная система, где события прошлого интерпретируются через культурные коды. Исследователь отмечает, что «в семиотической перспективе исторический процесс может быть представлен как процесс коммуникации <…>» [Успенский, 1996, с. 12]. Поскольку исторические события всегда представлены в знаково-символической форме. столкновение с интерпретацией текстов, посвященных как отдаленному прошлому, так и его современному переосмыслению, переводит нас в плоскость семиотики [Демин, 2015].

Под семиотичностью в данном диссертационном исследовании мы понимаем конститутивный признак, который заключается в знаковой природе элементов нарратива, выступающих в качестве носителей определенных культурных ценностей, подлежащих интерпретации и декодированию.

Знаки, ассоциируемые с определенными историческими событиями, не просто фиксируют факты, но и отражают особенности мышления, мировосприятия и социального контекста, что делает необходимым понимание их символического значения. Работа по реконструкции исторической реальности требует от историка углубленной интерпретации знаков, поскольку любые источники содержат в себе многослойные смыслы, которые трудно поддаются однозначному трактованию. С точки зрения Е. В. Мишаловой, историческое знание возникает через интерпретацию «следов» прошлого, которые выступают своеобразными знаками исторической реальности: «Следы прошлой исторической действительности предстают как знаки иного бытия… воспринимаемого в заданной им перспективе» [Мишалова, 2012, с. 161]. Таким образом, исторический нарратив представляет собой процесс семиотизации прошлого – реальные события преобразуются в знаки, символы и образы, через которые формируется историческая память.

Семиотичность исторического нарратива реализуется как в вербальных, так и в визуальных знаковых системах. Обращение к невербальному материалу закономерно расширяет границы понятия «нарратив», поскольку, как отмечает Р. Барт, повествование «может быть выражено при помощи членораздельного языка, устного или письменного, неподвижного или движущегося изображения» [Барт, 2000, с. 196]. Таким образом, семиотический подход к историческому нарративу основывается на нескольких ключевых положениях: 1) история рассматривается как знаковая система; 2) исторические события интерпретируются через культурные коды; 3) нарратив выступает механизмом организации и смыслового структурирования прошлого; 4) исторический текст функционирует как элемент культурной коммуникации.

Семиотический анализ нарративов о Великом шелковом пути позволил нам выявить следующие маркеры семиотичности:

1) символические номинации и знаки-эквиваленты – использование предметов или явлений в качестве заместителей ценности (шелк как валюта, верблюд как «корабль пустыни», дорога как символ межкультурного диалога);

2) пространственные знаки – наделение географических объектов (перекресток, оазис, пустыня, река) символическим смыслом, выходящим за пределы их физических характеристик (оазис как знак цивилизации, пустыня как знак испытания);

3) знаки власти и иерархии – архитектурные и административные объекты (дворцовые комплексы, маячные башни, почтовые станции, участки Великой стены), трансформирующиеся из утилитарных объектов в знаки политического контроля, имперской власти и государственного порядка;

4) сюжетные знаки-архетипы – описания странствий, миссий и испытаний, выстраиваемые по архетипическим схемам (герой / жертва / обретение мудрости);

5) товары как знаки культурного трансфера – перечисление товаров (специи, стекло, хлопок, шерстяные ткани, лекарственные средства),

функционирующих не только как предметы торговли, но и как индикаторы межкультурного обмена и технологических заимствований;

6) знаки духовной экспансии – религиозные объекты (буддийские пещерные храмы, религиозные здания), интерпретируемые как символы распространения духовных традиций вдоль маршрутов;

7) метазнаки и геокультурные концепты (сам термин «Шелковый путь» как семиотически насыщенный бренд; деятельность ЮНЕСКО как метазнак, кодирующий идеи мира, единства и защиты культурного разнообразия).

Рассмотрим последовательно, как каждый из перечисленных маркеров реализуется на материале исследуемых нарративов.

1. Символические номинации и знаки-эквиваленты – номинации, в которых конкретный материальный объект утрачивает свою исходную функцию и приобретает символическое значение, репрезентируя определенную ценность, статус или идею. Наиболее ярким примером данного маркера в нарративах о Шелковом пути служит образ шелка, переставшего быть просто текстилем и превратившегося в универсальный знак-эквивалент валюты. П. Франкопан подробно описывает эту трансформацию:

Chief among these was the trade in silk. Silk performed a number of important roles in the ancient world apart from its value to nomadic tribes. Under the Han dynasty, silk was used alongside coins and grain to pay troops. It was in some ways the most reliable currency: producing money in sufficient quantities was a problem, as was the fact that not all of China was fully monetised; this presented a particular difficulty when it came to military pay since theatres of action were often in remote regions, where coins were all but useless. Grain, meanwhile, went rotten after a time. As a result, bolts of raw silk were used regularly as currency, either as pay or, as in the case of one Buddhist monastery in Central Asia, as a	Ключевое место занимала торговля шелком. Помимо своей ценности для кочевых племен, шелк выполнял в древнем мире ряд других важных функций. Во времена правления династии Хань шелк использовался наряду с монетами и зерном для выплаты жалования войскам. В некотором смысле он был самой надежной валютой: производство монет в достаточном количестве представляло проблему, к тому же не весь Китай был полностью охвачен денежным обращением. Это создавало особые трудности при выплате жалования армии, поскольку военные действия часто велись в отдаленных регионах, где монеты были практически бесполезны. Зерно же со временем портилось. Поэтому рулоны необработанного шелка регулярно использовались в качестве валюты – либо как плата, либо,

fine for monks who broke the foundation's rules. Silk became an international currency as well as a luxury product (P. Frankopan. *The Silk Roads: A New History of the World*).	как в случае одного буддийского монастыря в Центральной Азии, как штраф для монахов, нарушавших правила обители. Таким образом, шелк стал не только предметом роскоши, но и международной валютой.

Похожую функцию шелк выполнял в паре с другим товаром высокого статуса – лошадьми, которые выступали как знаки дипломатических отношений, политических союзов и статусных обменов, что подробно описано в монографии "The Silk Road: A Very Short Introduction" («Шелковый путь: очень краткое введение») историка Дж. А. Миллуорда:

Like horses, silk is a product closely associated with Eurasian elites. And as a pair, silk and horses made up one of the most common exchanges on the silk road.	Как и лошади, шелк является товаром, тесно связанным с евразийскими элитами. В паре шелк и лошади составляли один из самых распространенных видов обмена на Великом шелковом пути.

Следующий пример – изображение белого коня на фоне красных стен монастыря (Рис. 3) – связано с легендой, согласно которой именно на белом коне из Индии в Лоян были доставлены буддийские сутры, в честь чего храм получил название «монастырь Белого коня».

Рис. 3. Монастырь Белого коня

Конь, изначально транспортное средство караванного пути, выступает здесь как знак, совмещающий иконическую (изображение реального животного) и символическую функции: являясь частью сюжета, он

метонимически замещает собой весь процесс трансконтинентальной передачи религиозного знания, не поддающийся прямому изображению.

Самым часто используемым символом Великого шелкового пути являются верблюды:

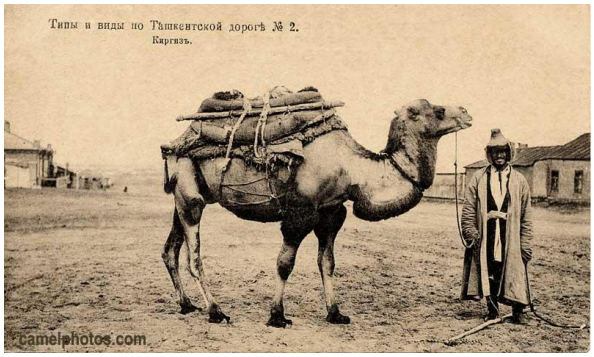

Рис. 4

Рис. 5

Караваны и верблюды выступают знаками глобальной торговой системы и выполняют несколько семиотических функций:

- символизируют экономические связи между регионами;
- выступают формой социальной организации путешествия;
- отражают коллективный характер торговли.

В семиотическом плане верблюд функционирует как материальный знак мобильности и инфраструктуры торговли, как, например, в отрывке из книги “Life Along the Silk Road” («Жизнь вдоль Шелкового пути») С. Уитфилд (2015):

Camels were expensive – an animal in its prime might cost fourteen bolts of silk – and the hirers were responsible for the injury or death of any camel during its period of hire.	Верблюды стоили дорого – животное в расцвете сил могло стоить четырнадцать рулонов шелка, а арендаторы несли ответственность за травму или гибель любого верблюда в период аренды.

Особое значение здесь имеет сопоставление стоимости верблюда с количеством шелка. Указание на то, что один верблюд мог стоить четырнадцать рулонов шелка, формирует символическую систему оценки стоимости. Шелк в данном контексте выступает своеобразной единицей

измерения ценности и одновременно символом богатства и престижного товара, широко распространенного в евразийской торговле.

2. Пространственные знаки. Данный маркер реализуется через наделение географических объектов символическим смыслом. Исторический факт наличия таможенных постов интерпретируется как система знаков контроля и порядка: присутствие «дорожного разрешения» в пустыне – это знак незримого присутствия императорской власти за тысячи километров от столицы. Например, фрагмент из книги Дж. А. Миллуорда “The Silk Road: A Very Short Introduction” («Шелковый путь: очень краткое введение») описывает систему пропускных пунктов династии Хань. В отрывке приводится конкретный пример того, как административная процедура превращается в устойчивый пространственный знак:

According to the law of the Han dynasty, which drew on even earlier precedents, anyone going through a checkpoint, on land or by water, needed *a travel pass, called a guosuo (literally “passing through a place”)* <…> At each stop, officials counted the people in each delegation and the animals traveling with them to ensure that the party exactly matched the one enumerated on the travel pass. Officials could emend these passes and could also issue new passes. They checked the delegations when they went through Xuanquan on their way to China and again when they left Xuanquan, usually about six months later, on their way back to Central Asia.	Согласно законам династии Хань, основанным на еще более древних установлениях, любой человек, проходивший через контрольный пункт – по суше или по воде, должен был иметь дорожное разрешение, называемое *guosuo* (буквально «проход через место»). На каждой остановке чиновники пересчитывали людей в каждой делегации и животных, путешествовавших вместе с ними, чтобы удостовериться, что состав группы точно соответствует указанному в дорожном разрешении. Чиновники могли вносить исправления в эти документы, а также выдавать новые разрешения. Делегации проверялись, когда они проходили через Сюаньцюань по пути в Китай, и затем снова при выезде из Сюаньцюаня – обычно примерно шесть месяцев спустя – на обратном пути в Центральную Азию.

Застава помечает границу и черту, за которой начинается зона прямого контроля центральной власти над передвижением людей. Во фразе *«Делегации проверялись по пути в Китай»* и *«на обратном пути в Центральную Азию»* одна и та же точка пространства функционирует как двойной знак — и как «выход» из-под контроля в начале пути, и как «вход» обратно под контроль по его завершении.

Символика Великого шелкового пути как перекрестка культур и цивилизаций отразилась в уникальном явлении, когда политические границы и конфликты переплетались с идеей сотрудничества и обмена:

Парфия была многонациональным государством. Благодаря своему расположению в центре Евразии она стала перекрестком, где переплетались разные культурные традиции, религии, искусство (Е. С. Докашева. *Великий шелковый путь. Полная история*).

Из-за своего географического положения между Востоком и Западом Парфия выполняла функцию транзитной зоны для торговли, дипломатических контактов и культурных влияний, что делает ее важным элементом исторического дискурса о евразийских связях. В семиотическом смысле перекресток представляет собой знак пересечения путей, где различные направления движения соединяются и взаимодействуют.

Пространственная семиотика также реализуется в описании природного ландшафта коридора Зарафшан-Каракум (объект Всемирного наследия ЮНЕСКО):

The Zarafshan-Karakum Corridor is a key section of the Silk Roads in Central Asia that connects other corridors from all directions. Located in rugged mountains, *fertile river valleys*, and *uninhabitable desert*, the 866-kilometre corridor runs from east to west along the Zarafshan River and further southwest following the ancient caravan roads crossing the Karakum Desert to the *Merv Oasis*. Channelling much of the east-west exchange along the Silk Roads from the 2nd century BCE to the 16th century CE, a large quantity of goods was traded along the corridor. People travelled, settled, conquered, or were defeated here, making it a *melting pot* of ethnicities, cultures, religions, sciences, and technologies (*Silk Roads: Zarafshan-Karakum Corridor*).	Зарафшанско-Каракумский коридор – это ключевой участок Шелковых путей в Центральной Азии, соединяющий другие коридоры, идущие со всех направлений. Расположенный среди суровых гор, плодородных речных долин и непригодных для жизни пустынь, этот коридор протяженностью 866 километров тянется с востока на запад вдоль реки Зарафшан, а затем далее на юго-запад по древним караванным дорогам, пересекающим пустыню Каракумы к Мервскому оазису. Направляя значительную часть обмена между Востоком и Западом на Шелковых путях со II века до н. э. по XVI век н. э., коридор служил местом торговли огромным количеством товаров. Здесь люди путешествовали, селились, завоевывали или терпели поражение, благодаря чему этот регион стал плавильным котлом этносов, культур, религий, наук и технологий.

В тексте *«плодородные речные долины» (fertile river valleys)* противопоставляются *«необитаемой пустыне» (uninhabitable desert)*. В семиотическом плане река Зеравшан выступает как знак жизни и цивилизации,

в то время как пустыня Каракум – это знак испытания и хаоса, который необходимо преодолеть. Упоминание Мервского оазиса *(Merv Oasis)* как конечной или ключевой точки маршрута превращает его в пространственный знак безопасности, завершенности и культурного центра, олицетворяя победу человека над стихией. Завершением семиотизации текста является метафора "*melting pot of ethnicities, cultures, religions, sciences, and technologies*", в котором типично американский знак «плавильный котел» используется, чтобы подчеркнуть, что в данном коридоре происходило порождения новых культурных кодов.

3. Знаки власти и иерархии. Данный маркер реализуется через трансформацию архитектурных и административных объектов из обычных построек в знаки политического контроля. Показателен в этом отношении проект ЮНЕСКО «Шелковый путь: сеть маршрутов коридора Чанъань – Тянь-Шань»:

The thirty-three components included in the routes network include capital cities and palace complexes of various empires and Khan kingdoms, trading settlements, Buddhist cave temples, ancient paths, posthouses, passes, beacon towers, sections of The Great Wall, fortifications, tombs and religious buildings (Silk Roads: Zarafshan-Karakum Corridor).	Тридцать три компонента, входящие в сеть маршрутов, включают столичные города и дворцовые комплексы различных империй и ханств, торговые поселения, буддийские пещерные храмы, древние дороги, почтовые станции, перевалы, сигнальные башни, участки Великой Китайской стены, укрепления, гробницы и религиозные сооружения.

Анализ категории семиотичности в представленном нарративе (описании коридора Чанъань – Тянь-Шань) позволяет рассматривать этот текст не просто как географическую или историческую справку, а как описание сложной знаковой системы. В данном контексте исторические факты и объекты трансформируются в знаки, кодирующие смыслы цивилизационного взаимодействия. Объекты утрачивают сугубо утилитарную функцию и становятся элементами «языка» Шелкового пути, что находит выражение в функционировании знаковых объектов: дворцовых комплексов и городов – знаков политической иерархии и имперской власти; почтовых

станций и перевалов – знаков инфраструктуры; маячных башен (Рис. 6, 7) и участков Великой стены (Рис. 8) – знаков границы и безопасности.

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

4. Сюжетные знаки-архетипы. Данный маркер проявляется в том, что описания странствий великих путешественников выстраиваются не как простая хроника перемещений в пространстве, а как знаки освоения новых пространств и обретения мудрости. Ярким примером такой семиотизации служит описание миссии Чжан Цяня к народу юэчжи, представленное в работе Дж. Миллуорда *"The Silk Road: A Very Short Introduction"* («Шелковый путь: очень краткое введение»):

The Xiongnu caught him, but after a decade in Xiongnu captivity <…> Zhang Qian continued west through Central Eurasia to the pastures of the Yuezhi <…> Zhang Qian's diplomacy was to no avail, however, and the Yuezhi stayed put in their new lands. Still, when Zhang Qian eventually	Сюнну захватили его, но после десятилетнего пребывания в плену у сюнну Чжан Цянь продолжил путь на запад через Центральную Евразию к пастбищам юэчжи. Однако дипломатическая миссия Чжан Цяня не принесла успеха, и юэчжи остались на своих новых землях. Тем не менее, когда Чжан Цянь

made it back to Han territory, he brought intelligence that greatly expanded Chinese geographic [knowledge].	в конце концов вернулся на территорию Хань, он привез сведения, значительно расширившие географические знания китайцев.

В этом контексте лишения (долгие годы в плену) и дипломатическая неудача героя интерпретируются не как провал, а как «сакральная жертва», принесенная ради обретения уникального знания о Западе. Путешественник становится знаком-посредником между цивилизациями, а сам маршрут – знаком «открытия мира».

5. Товары как знаки культурного трансфера. Хотя термин «Шелковый путь» указывает на шелк как на главный товар, в действительности торговля на этих маршрутах включала гораздо более широкий спектр товаров. Это положение подтверждается в книге И. М. Франк “The Silk Road: a History” («Великий шелковый путь: история»), где автор приводит перечень товаров, засвидетельствованных в реальных грузовых декларациях того времени, демонстрируя тем самым, что шелк был далеко не единственным и не всегда даже главным предметом торговли на этих маршрутах:

The Silk Road also provided for exchanges of a rather different sort. Many of the flowers and vegetables that we take so much for granted in the West originated in China or Central Asia and traveled toward Europe along the Silk Road —including roses, azaleas, chrysanthemums, peonies, and camellias; and oranges, peaches, and pears. From the same route, China gained as much as it gave: grapes and grape wine, alfalfa, cucumbers, figs, and pomegranates, along with sesame, chives, coriander, and safflower. Horses and two-humped camels, the mainstays of civilization and trade in Asia, were first domesticated in Central Asia, and came to both East and West Asia along the Silk Road and its northerly cousin, the Eurasian Steppe Route.	Великий шелковый путь также предусматривал обмены несколько иного рода. Многие цветы и овощи, которые мы на Западе воспринимаем как нечто само собой разумеющееся, появились в Китае или Центральной Азии и попали в Европу по Шелковому пути, в том числе розы, азалии, хризантемы, пионы и камелии, а также апельсины, персики и груши. Благодаря тому же пути Китай получил столько же, сколько и отдал: виноград и виноградное вино, люцерну, огурцы, инжир и гранаты, а также кунжут, зеленый лук, кориандр и сафлор. Лошади и двугорбые верблюды, оплоты цивилизации и торговли в Азии, были впервые одомашнены в Центральной Азии и попали как в Восточную, так и в Западную Азию по Великому Шелковому пути и его северному родственнику, Евразийскому степному маршруту.

Текст формирует более сложный образ торговой системы, в которой разнообразные товары выступают знаками экономических связей. Перечисленные товары (розы, азалии, хризантемы, пионы и камелии, а также апельсины,

персики и груши виноград и виноградное вино, люцерна, огурцы, инжир и гранаты, а также кунжут, зеленый лук, кориандр и сафлор) не были традиционными для китайского сельского хозяйства потому символизируют процесс заимствования из западных стран.

随着丝绸之路的正式开通，到了公元 5 世纪，中亚地区的玻璃制造技术随着大月氏商人传入了中国 (方明. 丝绸之路：汉英对照).	С официальным открытием Шелкового пути к V веку н. э. технология производства стекла из регионов Центральной Азии была перенесена в Китай купцами народа Юэчжи.

Отдельное семиотическое значение имеет упоминание стекла и шерстяных тканей, поскольку эти товары связаны с ремесленными технологиями Центральной и Западной Азии и выступают как знаки технологического обмена.

6. Знаки духовной экспансии реализуются через религиозные объекты, интерпретируемые как маркеры распространения духовных традиций вдоль маршрутов Шелкового пути; уже упомянутые выше буддийские пещерные храмы (“*Buddhist cave temples*”) в проекте ЮНЕСКО «Чанъань – Тянь-Шань» выступают знаками духовного и политического распространения идей. Наиболее развернуто данный маркер иллюстрируют почтовые марки набора «Гроты Лунмэнь» из книги Вэньцзе Чжу и Цзыцинь Шан «Великий шелковый путь на почтовых марках Китая», на которых представлены крупные планы голов будд – статуи Будды Лушэна из храма Фэнсянь (Рис. 9) и Будды Шакьямуни из пещеры Биньян (Рис. 10).

Рис. 9

Рис. 10

Можно проследить цепочку последовательных семиотических преобразований одного объекта: скала (природный объект) – статуя (иконический знак, высеченный в скале) – фотографическое воспроизведение статуи (индексальный знак) – гравированное изображение на марке (знак знака) – марка в почтовом обращении (символический знак государственной принадлежности и культурной политики). На каждом уровне происходит дополнительное кодирование, все более удаляющее знак от исходного материального объекта. Семиотическая многозначность самого объекта также важна: авторы книги отмечают, что, по местному преданию, статуя Будды Лушэна воспринимается жителями Лояна как портретное изображение императрицы У Цзэтянь – то есть один визуальный знак получает два не исключающих друг друга значений – сакральное и историко-политическое, которые существуют вместе в культурной памяти. Гроты Лунмэнь, наряду с пещерами Дуньхуана и Юньгана, с 2000 г. входят в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

7. Материальные символы. Метазнаки и геокультурные концепты. Одной из ключевых идей В. Хансен является мысль о том, что Шелковый путь представлял собой не единый магистральный маршрут, а сеть локальных торговых и культурных контактов, объединенных гораздо позже под общим названием:

The term “Silk Road” is a recent invention. The peoples living along different trade routes did not use it. They referred to the route as the road to Samarkand (or whatever the next major city was), or sometimes just the “northern” or “southern” routes around the Taklamakan Desert (V. Hansen. *The Silk Road: A New History*)	Термин «Шелковый путь» – недавнее изобретение. Народы, живущие вдоль различных торговых путей, не использовали его. Они называли этот маршрут дорогой на Самарканд (или любой другой крупный город), а иногда просто «северными» или «южными» маршрутами вокруг пустыни Такла-Макан.

Множество локальных маршрутов, обозначавшихся через конкретные города и географические ориентиры, в современной научной традиции были объединены в один знак – «Шелковый путь». Современное понимание Шелкового пути в глобальном дискурсе характеризуется переходом от восприятия его как исторического феномена к превращению в культурный и геополитический бренд, обладающий высоким семиотическим потенциалом. Как отмечает Т. Винтер, Шелковый путь в XXI в. выступает как «геокультурный концепт», используемый для осмысления современных интеграционных процессов через обращение к историческому прошлому [Винтер, 2019]. ЮНЕСКО, сопровождающая проекты по сохранению наследия (рассмотренные выше коридоры Чанъань – Тянь-Шань и Зарафшан-Каракум), сама становится метазнаком, закрепляющим идеи мира, единства и защиты культурного разнообразия и символическое значение Шелкового пути в культурном сознании.

На основании проведенного анализа семиотичности исторического нарратива о Великом шелковом пути можно сформулировать следующие выводы.

1. Семиотичность – это конститутивный признак исторического нарратива: историческое событие в нем выступает не просто фактом, а знаком, который получает смысл в культуре той эпохи, где он был создан. Реальные события, объекты и маршруты Шелкового пути превращаются в тексте в знаки, символы и образы, из которых складывается историческая память.

2. Ярким примером символических номинаций и знаков-эквивалентов является прежде образ шелка: он перестает быть просто тканью и начинает

работать как валюта, знак статуса и власти. То же происходит с образом дороги, приобретающим символическое значение связи между Востоком и Западом.

3. Пространственные знаки наделяют географические объекты – пропускной пункт, перекресток, реку, пустыню – смыслом, выходящим за пределы простой географии: пропуск на границе – это знак власти императора, перекресток – знак встречи культур, река – знак жизни, а пустыня – знак опасности и испытания.

4. Знаки власти и иерархии показывают, как постройки – дворцы, почтовые станции, сторожевые башни, участки стены – перестают быть просто зданиями и начинают обозначать государственный контроль и имперский порядок.

5. Сюжетные знаки-архетипы проявляются там, где рассказ о путешествии строится по схеме испытания: неудача или трудности путешественника (плен, потерянные годы) преподносятся не как провал, а как жертва ради важного знания, а сам путешественник становится символом связи между культурами.

6. Товары как знаки культурного трансфера символизируют объем торговли, технологии и культурные практики, переходившие от одного народа к другому.

7. Знаки духовной экспансии – буддийские храмы и другие религиозные постройки – показывают распространение религий и верований вдоль торговых путей. На примере почтовых марок с буддийскими статуями видно, что один и тот же священный образ проходит несколько этапов превращения – от камня к фотографии, а от фотографии к изображению на марке, – и на каждом этапе приобретает новый смысл.

8. Метазнаки и геокультурные концепты – это высший уровень обобщения: само название «Шелковый путь» появилось намного позже реальных событий и объединило разные маршруты в один узнаваемый образ, а организации, например, ЮНЕСКО, закрепляя этот образ как всемирное наследие, сами становятся знаком мира и культурного разнообразия.

2.2. Лингвистические средства репрезентации исторического опыта

Язык не просто фиксирует исторический опыт, но и упорядочивает его: задает хронологию, выстраивает логику изложения и формирует восприятие событий с помощью пресуппозиций, коннотаций и аллюзий. При этом сам языковой знак выступает не только средством называния события или его участников, но и инструментом интерпретации. В данном разделе мы рассматриваем языковые средства, обусловливающие специфику вербализации исторического опыта в исследуемых нами нарративах, а именно историческую терминологию, историзмы, архаизмы и прецедентные имена.

Историческая терминология. Исторический дискурс опирается на разветвленную систему терминов, которые могут как нейтрально именовать явления прошлого, так и содержать скрытую оценку. Традиционно термины относят к специальной лексике, лишенной экспрессии и строго привязанной к определенному понятию [Реформатский, 1961; Лотте, 1961], однако, в отличие от точных знаний, гуманитарная, и, в частности, историческая терминология плохо поддается стандартизации: значение таких слов подвижно и напрямую связано с идеологическими установками автора [Суперанская и др., 1989]. На эту же особенность указывает и В. М. Лейчик, отмечая, что в социально-исторических понятиях, помимо смыслового значения, почти всегда присутствует эмоционально-оценочный компонент [Лейчик, 2007]. Применительно к нарративам о Шелковом пути это хорошо прослеживается на примере описания военных и политических событий: понятия «экспансия», «миграция», «колонизация» применительно к одним и тем же фактам формируют совершенно различные исторические картины. Выбор определенного термина – это всегда интерпретационный акт.

Показателен пример терминологического обозначения кочевых народов степи. В русскоязычной историографии традиционно использовался термин «варвары». В современной русскоязычной историографии он сохраняется, но исключительно в двух функциях: как историографический и историко-

антропологический термин. Л. Н. Гумилев сознательно отказывался от этого термина и вместо него писал о «государственности», «стратегии» и «цивилизационной энергии» (*История народа хунну*).

Английский язык демонстрирует ту же терминологическую двойственность: в переводе цитаты китайского буддийского монаха Даосюаня (VII в.) северные тюрки прямо названы "*bloodthirst barbarian Turks*" («кровожадные варвары-тюрки») (Xinru Liu. *The Silk Road in World History)*, тогда как более нейтральные англоязычные источники предпочитают термины *"pastoral nomads"* (скотоводческие кочевники) и *"tribal confederation"* (племенная конфедерация) (F. Wood. *The Silk Road: Two Thousand Years in the Heart of Asia*).

В китайском историческом дискурсе для обозначения соседних некитайских народов исторически использовался иероглиф 胡, в частности в сочетании 胡虏 («варвар-пленник») – термин, с помощью которого чужой народ маркировался как объект, а не как равноправный политический субъект. Другим примером служит терминологическое обозначение самой миссии Чжан Цяня. Э. В. Ртveладзе интерпретирует ее не как «открытие» Шелкового пути, а как «оформление» уже существовавших связей (Э. В. Ртveладзе. *Великий Шелковый путь*). В китайской историографической традиции для этого же события закрепился устойчивый термин 通西域 («открыть сообщение с Западным краем») – сам иероглиф 通 («пронизывать, соединять, сообщаться») указывает не на единовременный акт «открытия» неизвестного, а на установление действующего канала связи, что ближе по смыслу к позиции Э. В. Ртveладзе, чем к образу «первооткрывателя». В англоязычной историографии то же событие чаще описывается через нейтральный, дипломатический термин "*mission*" (миссия) или "*embassy*" (посольство) (V. Hansen. *The Silk Road: A New History*), что смещает акцент с географического открытия на дипломатическую процедуру.

Особого внимания заслуживает разграничение между старой и новой терминологией Шелкового пути. В рассмотренных нами нарративах

упоминается греческое название Китая – *Seres*, означавшее «шелковый» или «страна шелка», в связи с чем китайцев называли «шелковый народ». Китайские ученые отмечают, что еще венецианский купец и путешественник Марко Поло в «Книге о разнообразии мира» назвал данный путь «шелковым», поскольку самым востребованным товаром на всем его протяжении был шелк, который к тому же идеально подходил для перевозок на дальние расстояния из-за своей легкости и дороговизны [Ван Дон Мей, 2004]. Однако термин «Великий шелковый путь» (丝绸之路) был введен в научный оборот лишь в конце XIX в. немецким географом Ф. фон Рихтгофеном в труде «Китай. Результаты собственных путешествий» (1877). Само наименование «Великий шелковый путь» является классическим примером мифологизированной номинации, объединяющей совокупность разнородных, исторически непоследовательных и географически разветвленных торговых и дипломатических маршрутов, никогда не существовавших как единая организованная «дорога». Также важно то, что по этим маршрутам перемещался не только шелк, но и велась торговля стеклом, пряностями, лошадьми, золотом, рабами, идеями и религиями. Тем не менее, название оказалось исключительно продуктивным. Обратим внимание на то, что процесс мифологизации также четко прослеживается в наименованиях современных проектов «Экономический пояс шелкового пути» (丝绸之路经济带) и «Морской шелковый путь» (海上丝路), которые связаны с шелком лишь исторически.

И с т о р и з м ы выступают в качестве одного из ключевых средств создания исторического колорита. Как отмечал Н. М. Шанский, они представляют собой слова, обозначающие предметы, явления или понятия, полностью исчезнувшие из современной действительности, вследствие чего такие языковые единицы переходят в пассивный словарный запас и не имеют синонимов в современном языке [Шанский, 1972, С. 162–164].

В нарративах о Шелковом пути историзмы чаще всего обозначают исчезнувшие социальные институты, воинские и административные реалии

древности, еду, предметы одежды, головные уборы, обувь, ювелирные изделия, предметы домашней утвари и т.д. Так, в китайском материале встречаются слова:

- 胡虏 – собирательное обозначение древних кочевых народов севера и запада; слово несет пейоративную коннотацию «варварства» с точки зрения китайской культурной традиции;
- 匈奴 – название кочевого народа, вступавшего в многовековое противостояние с Китаем в эпоху Хань; в европейской историографии ему нередко соответствуют гунны, хотя отождествление этих народов по-прежнему остается дискуссионным;
- 吴 – усский меч (род мечей с изогнутым лезвием);
- 细柳营 – лагерь в Силю, укрепленный военный лагерь ханьской эпохи; выражение стало прецедентным, символизирующим образцовую воинскую дисциплину.

В качестве примеров русскоязычных историзмов приведем следующие:

- *данник* – лицо, платившее дань:

<…> это сподвигло другие племена стать данниками хазар в обмен на защиту и определенные награды <…> (Н. М. Пржевальский. *Путешествия Н. М. Пржевальского: Путевые записки*).

- *нойон* – монгольский военно-родовой титул, обозначавший командира определенного воинского подразделения:

Я хочу высказать свое благоволение и пожаловать нойонами-тысячниками над составляемыми тысячами тех людей, которые потрудились вместе со мною (Е. Н. Черных. *Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур*).

- *сажень* – старая русская мера длины (≈2,13 м):

<…> светлые струйки родника бегут всего несколько десятков сажен <…> (Н. М. Пржевальский. *Путешествия Н. М. Пржевальского: Путевые записки*).

- *фанза* – распространившееся в русских описаниях Дальнего Востока и приграничных районов Китая слово для традиционного жилища:

<…> «как и гольды, они не знают земледелия, но живут в фанзах <…> ((Н. М. Пржевальский. *Путешествия Н. М. Пржевальского: Путевые записки*).

- *ямбы* – серебряные слитки, которые когда-то использовались в Китае в качестве денег;
- *амбань* – крупный китайский чиновник или наместник в эпоху империи Цин; с падением монархии в Китае эта должность исчезла.
- *баллиста* – античная и средневековая метательная машина для метания камней и стрел;
- *шишак* – старинный металлический шлем с заостренным верхом.

Как в русскоязычных, так и англоязычных нарративах встречается историзм *сатрап* (*satrap*) – наместник провинции в державе Ахеменидов. Сама должность исчезла вместе с персидской державой. Интересно, что в английском и русском языках это слово эволюционировало по-разному: в русском оно закрепилось как бытовое ругательство, обозначающее самодура, грубого руководителя, деспота; в английском – как книжное, полуформальное слово, используемое в политическом дискурсе для негативной оценки марионеточного правителя или влиятельного местного чиновника.

А р х а и з м ы . В отличие от историзмов, архаизмы – это устаревшие слова, обозначающие предметы и явления, которые по-прежнему существуют, но в результате языковой динамики получили новые наименования. В исследуемом материале они встречаются значительно реже, чем историзмы, поскольку современные научно-популярные тексты пишутся обычным, а не стилизованным под старину языком. Тем не менее, в путевых записках Н. М. Пржевальского, написанных в 1868 – 1888 гг., и монографии Е. Н. Черных, где активно используются исторические письма, хроники и документальные источники, обнаруживается ряд подлинных архаизмов:

- *град* – «город»;
- *поры* – времена, время: *в те поры*;
- *воинство* – войско, армия;

- *панегирик* – восторженная похвала;
- *владыка* – правитель.

Использование подобных единиц в нарративе подчеркивает временную дистанцию и формирует у читателя ощущение аутентичного погружения в эпоху.

Прецедентные имена. Понятие прецедентности мы уже рассматривали в разделе 2.1.6. настоящей работы. Прецедентные имена также могут быть отнесены к языковым особенностям исторических нарративов. Д. Б. Гудков определяет прецедентное имя как сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени [Гудков, 2003, с. 108]. В момент своего употребления прецедентное имя отсылает не к конкретной личности, а к комплексу стоящих за ним общих для данного лингвокультурного сообщества представлений и ассоциаций.

Существенное методологическое значение для настоящей работы имеет и наблюдение Г. Г. Слышкина, рассматривающего прецедентные имена в тесной связи с лингвокультурными концептами: по его мнению, они выступают одним из основных способов вербализации концептов в дискурсе, обеспечивая устойчивую, культурно закрепленную связь между языковым знаком и стоящим за ним комплексом ценностных представлений лингвокультурного сообщества [Слышкин, 2004]. Например, в исторических нарративах упоминание известного деятеля – это не просто называние имени; любое такое имя сразу вызывает у читателя целый ряд ассоциаций и образов, которые закрепились за этим человеком в данной культуре.

Материал нарративов о Великом шелковом пути позволяет выделить ряд устойчивых прецедентных имен, регулярно фигурирующих в повествованиях на всех трех исследуемых языках:

Табл. 1

Имя (рус.)	**Имя (кит.)**	**Имя (англ.)**	**Исторический контекст / Роль**
Хань У-ди	汉武帝 (*Hàn Wǔdì*)	Emperor Wu of Han	Седьмой император династии Западная Хань, инициатор дипломатических и торговых контактов с Западным краем
Чжан Цянь	张骞 (*Zhāng Qiān*)	Zhang Qian	Ханьский дипломат, посол императора У-ди, «первопроходец» Шелкового пути
Бань Чао	班超 (*Bān Chāo*)	Ban Chao	Выдающийся полководец и дипломат эпохи Восточная Хань, военачальник Западного края
Сюаньцзан	玄奘 (*Xuánzàng*)	Xuanzang	Танский буддийский монах, паломник, автор путевых заметок «Записки о Западных странах [эпохи] Великой Тан»
Ибн Баттута	伊本·白图泰 (*Yīběn Bái Tútài*)	Ibn Battuta	Знаменитый арабский путешественник и странствующий купец XIV века
Чингисхан	成吉思汗 (*Chéngjísīhán*)	Genghis Khan	Основатель и великий хан Монгольской империи, объединитель степных народов
Хубилай-хан	忽必烈 (*Hūbìliè*)	Kublai Khan	Монгольский хан, внук Чингисхана, основатель династии Юань в Китае
Тамерлан (Тимур)	帖木儿 (*Tiěmù'ěr*)	Tamerlane / Timur	Тюрко-монгольский военачальник, основатель империи Тимуридов и династии Тимуридов
Марко Поло	马可·波罗 (*Mǎkě Bōluó*)	Marco Polo	Венецианский купец и путешественник, автор «Книги о разнообразии мира»
Александр Македонский	亚历山大大帝 (*Yàlìshāndà Dàdì*)	Alexander the Great	Царь Древней Македонии, выдающийся полководец, создатель одной из крупнейших империй древнего мира

Юлий Цезарь	尤利乌斯·恺撒 (*Yóulìwūsī Kǎisā*)	Julius Caesar	Древнеримский государственный и политический деятель, полководец
Цинь Шихуанди	秦始皇 / 秦始皇帝 (*Qín Shǐhuáng* / *Qín Shǐhuángdì*)	Qin Shi Huang	Первый император объединенного Китая, основатель династии Цинь
Дарий I Великий	大流士一世 (*Dàliúshì Yīshì*)	Darius I / Darius the Great	Персидский царь из династии Ахеменидов, реформатор и расширитель границ Персидской державы
Свен Гедин	斯文·赫定 (*Sīwén Hèdìng*)	Sven Hedin	Шведский географ, топограф, исследователь Центральной Азии и Шелкового пути
Аурель Стейн	奥雷尔·斯坦因 (*Àoléi'ěr Sītǎnyīn*)	Aurel Stein	Британский археолог и путешественник венгерского происхождения, исследователь Дуньхуана и Центральной Азии

Ключевой особенностью данных имен в нашем материале выступает то, что набор дифференциальных признаков, стоящих за одним и тем же именем, может существенно расходиться в разных лингвокультурных традициях. Одно и то же прецедентное имя способно нести различную коннотативную нагрузку в зависимости от языка и культуры повествования.

Показателен в этом отношении пример прецедентного имени *Тамерлан* (*Тимур*). В узбекской и центральноазиатской культурной традиции данное имя имеет положительную коннотацию – «покровитель наук и искусств», «строитель Самарканда», «объединитель земель». В европейской традиции за тем же именем закрепился иной, негативный комплекс признаков – беспощадность, жестокость, разрушительность завоеваний. При этом исторический контекст обусловливает различные ассоциации.

В русском коллективном сознании образ Тамерлана (чаще Тимура) формировался веками через призму непосредственного соседства с Золотой Ордой и азиатскими кочевниками. Главная историческая ассоциация Русью —

это поход 1395 г., когда он разгромил Тохтамыша, дошел до Ельца, но затем неожиданно повернул назад. В православной традиции это связывают с чудом Владимирской иконы Божией Матери. Поэтому Тамерлан в русской культуре – это грозная, стихийная сила, которую удалось переждать или отмолить. Образ Тамерлана прочно связан с восточным деспотизмом, беспощадностью к врагам и карательными акциями, что отразилось в содержании уже упомянутой выше картины В. Верещагина «Апофеоз войны» (Рис. 11), которая изначально называлась «Торжество Тамерлана» и закрепила в культуре метафору гор человеческих черепов как символа его завоеваний.

Рис. 11. В. Верещагин. *Апофеоз войны*

В советской и постсоветской культуре имя Тамерлана также окружено мистическим ореолом из-за вскрытия гробницы Гур-Эмир экспедицией М. Герасимова в июне 1941 г. В результате родилась легенда о том, что освобожденный «дух войны» стал причиной нападения нацистской Германии на СССР,

В англоязычной традиции закрепилось имя *Tamerlane* или историческое *Tamburlaine*, которые воспринимаются как классический пример безграничного эго и амбиций. Главная культурная ассоциация — это знаменитая пьеса К. Марло “Tamburlaine the Great” («Тамерлан Великий»), созданная в XVI в. Благодаря ей это имя стало синонимом человека низкого происхождения

(пастуха), который благодаря лишь своей воле, уму и дерзости покорил мир и бросил вызов самим богам. В XIX в. Эдгар По написал поэму "*Tamerlane*" («Тамерлан»), в которой завоеватель на пороге смерти жалеет о том, что ради власти и завоеваний отказался от своей чистой юношеской любви. Это стало символом «цены успеха»: человек получает весь мир, но теряет душу. В настоящее время в англоязычном политическом дискурсе прецедентное имя *Tamerlane* используют как метафору для лидеров, которые действуют как разрушители, а не созидатели.

Следующий фрагмент нарратива иллюстрирует вышесказанное:

Timur, better known in the West as Tamerlane from his nickname Timur-i-leng or "Timur the Lame", was the last of the great nomadic warriors to sweep out of Central Asia and shake the world. As befits a man styled "World Conqueror", we know a lot about him - and not all of it good <…> Historians estimate that Timur, who personally led his forces as far afield as Moscow and Delhi, may have been responsible for the death of as many as 15 million people. Yet he made little attempt to consolidate his conquests, preferring to mount regular, devastating attacks against his neighbours <…> (*Timur's legacy*.)	Тимур, более известный на Западе как Тамерлан — от своего прозвища *Тимур-и-Ленг* («Тимур Хромой»), был последним из великих кочевых воинов, вырвавшихся из Центральной Азии и потрясших мир. Как и подобает человеку, нареченному «Завоевателем мира», мы знаем о нем немало – и далеко не все из этого носит положительный характер <…> По оценкам историков, Тимур, лично водивший свои войска до самой Москвы и Дели, может быть ответственен за гибель порядка 15 миллионов человек. При этом он практически не предпринимал попыток закрепить и консолидировать свои завоевания, предпочитая совершать регулярные, всеопустошающие набеги на соседние земли.

Степень прецедентности имени в разных лингвокультурах может различаться. В китайской традиции прецедентное имя Чжан Цянь рассматривается как «первопроходец» и «основатель связей с Западным краем». Определяя историческое значение миссии Чжан Цяня, исследователь Жун Синьцзян использует формулу 通西域 («наладить сообщение с Западным краем»), закрепившуюся в качестве отсылки к данному прецедентному имени в китайском историческом дискурсе. Показательно, что в русско- и англоязычном материале то же имя, как правило, лишено подобной терминологической закрепленности и вводится описательно – *китайский посол, chinese envoy*. Само имя функционирует скорее как антропоним,

обозначающий конкретного исторического деятеля, нежели как полноценное прецедентное имя со сложившимся набором культурно значимых дифференциальных признаков. Это связано с разным объемом фоновых знаний об одной и той же исторической фигуре.

Таким образом, анализ прецедентных имен показывает, что главное значение в них несет не конкретная личность прошлого, а связанный с ней комплекс культурных смыслов в определенной лингвокультуре. Этот комплекс не является инвариантным: он не фиксируется за именем навсегда, а может переосмысляться автором в зависимости от его исследовательской или идеологической задачи. Способность прецедентного имени поддаваться авторской переоценке и составляет универсальную основу прецедентности в истории. Постоянное обращение к одним и тем же фигурам в разных традициях говорит о формировании единого международного списка исторических деятелей Шелкового пути. Языковая и культурная специфика при этом проявляется на уровне деталей – в том, насколько за именем зафиксирована определенный стереотип и с каким знаком (положительным или отрицательным) описывается роль конкретного деятеля.

Топонимический код нарратива о Шелковом пути также построен на явлении прецедентности. Историческая топонимика выражает пространственные категории «своего» и «чужого», которые были подробно проанализированы в разделах 2.1.2 и 2.1.6.

Проведенный анализ лингвистических механизмов репрезентации исторического опыта позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Основными языковыми единицами, определяющими специфику исторического нарратива, являются историческая терминология**,** историзмы, архаизмы и прецедентные имена.

2. Историческая терминология служит инструментом концептуализации прошлого, транслирующим исследовательскую позицию автора и его идеологический контекст. В отличие от точных наук, историческая терминология сохраняет высокую подвижность значений и социокультурную

обусловленность. На материале нарративов о Великом шелковом пути показано, что применение терминов определяется позицией исследователя или лингвокультурной традицией.

3. Историзмы выступают средствами передачи исчезнувших реалий. Они формируют документально-фактуальную основу нарративов о Шелковом пути, одновременно воссоздавая колорит изучаемой эпохи.

4. Архаизмы обозначают сохранившиеся в действительности объекты и явления, вытесненные из активного употребления современными синонимами. Они подчеркивают временну*ю* дистанцию и передают аутентичность языка ушедших эпох.

5. Прецедентные имена в истории работают на двух уровнях. С одной стороны, существует общий круг ключевых фигур, благодаря которому формируется единое международное пространство исторической памяти. С другой стороны, восприятие того или иного имени зависит от конкретной культуры и языка. Одна и та же личность в разных странах может оцениваться противоположным образом – от положительного образа до негативного. Различается и степень узнаваемости имени: там, где для одной культуры за ним закреплен устойчивый стереотип, в другой оно воспринимается как обычный исторический факт.

6. Историческая топонимика функционирует по тому же принципу прецедентности, что и имена собственные: топоним в историческом нарративе выступает не только географическим ориентиром, но и культурно-пространственным знаком, который отсылает к оппозиции «свой – чужой» и передает сложившиеся в той или иной традиции историко-культурные смыслы.

Рассмотренные механизмы объединяет общий принцип: язык исторического нарратива не просто фиксирует факты прошлого, а конструирует их культурно значимую репрезентацию.

Выводы по главе 2

1. Конститутивными признаками исторического нарратива, отражающими его онтологическую сущность, признаются такие признаки, без которых текст не может быть отнесен к данному типу повествования, в отличие от признаков факультативных, варьирующихся от жанра к жанру, от языка к языку, от одного текста к другому. Ни один из конститутивных признаков не является достаточным сам по себе – именно их совокупность и одновременная реализация делает повествование историческим нарративом. В качестве таких признаков мы выделяем темпоральность, пространственность, событийность, информативность, интерпретативность, интертекстуальность, идеологизированность и семиотичность.

2. Темпоральность представляет собой многоуровневую систему языковых и нарратологических средств, которые организуют и репрезентируют историческое время. Ее текстовыми маркерами являются: абсолютная календарная датировка, эпохально-династийные обозначения, видо-временные формы глагола, относительно-дейктические маркеры, порядок чередования нарративного и дискурсивного времени, маркеры скорости повествования.

3. Пространственность организует географическое пространство нарратива. В качестве ее текстовых маркеров выступают топонимы, лексика движения, языковые средства, выражающие перемещение персонажа из одного пространства (культурного, политического, географического) в другое.

4. Событийность определяет развитие сюжета, конструирует тему, направляет читательское восприятие хронологии и значимых трансформаций в пространстве текста. К ее текстовым маркерам относятся: изменение статуса субъекта; намеренные и ненамеренные действия и процессы; оппозиция фабулы и сюжета; линейные и множественные сюжетные линии; нарушение пространственной связности, обусловливающее «событийную плотность» нарратива.

5. Информативность исторического нарратива отражает уровень его смысловой и содержательной новизны для читателя. Ее амбивалентность заключается в том, что исторический нарратив сочетает в себе элементы фактуальности и фикциональности. Маркерами фактуальности являются антропонимы, топонимы, этнонимы, социокультурные термины, цифровые показатели, номинации военных кампаний, дипломатических инициатив, политических объединений и т. д., обладающие статусом официального, задокументированного наименования; маркерами фикциональности – эксплицитные указания на авторское присутствие, оценочность, художественные тропы.

6. Интерпретативность обусловлена способностью текста допускать вариативность истолкования в зависимости от культурного, исторического и личностного опыта нарратора. Текстовые маркеры интерпретативности представлены языковыми средствами с положительной или отрицательной коннотацией, эпитетами, метафорами, интенсификаторами, причинно-следственными конструкциями, расстановкой акцентов на информации, подтверждающей точку зрения нарратора.

7. Интертекстуальность отражает включенность исторического нарратива в непрерывную сеть культурных текстов. В качестве ее маркеров выступают прецедентные тексты, цитирование; косвенные сигналы межтекстовых связей, аллюзии, упоминания, фоновые знания.

8. Идеологизированность неразрывно связана с ценностными установками и политическими ориентирами автора. Ее текстовые маркеры включают оценочную лексику, образность с идеологической нагрузкой, избирательный отбор фактов и экспертных мнений, актуализацию идеологем, конструирование нарратива через бинарную оппозицию «свои – чужие»

9. Семиотичность преобразует реальные события, объекты и маршруты Шелкового пути в систему культурных знаков, символов и смысловых кодов. К ее текстовым маркерам относятся символические номинации и знаки-эквиваленты, пространственные знаки, знаки власти и иерархии, сюжетные знаки-архетипы, товары как знаки культурного трансфера, знаки духовной

экспансии, метазнаки и геокультурные концепты. Исторический текст выходит за рамки простой дескрипции прошлого, конструируя знаково-символическую систему, формирующую коллективную историческую память.

10. Основными языковыми единицами, определяющими специфику исторического нарратива, являются: историческая терминология**,** транслирующая исследовательскую позицию автора и его идеологический контекст; историзмы, выступающие средствами передачи исчезнувших реалий; архаизмы, передающие аутентичность языка ушедших эпох; и прецедентные имена, формирующие международное и национально-специфическое пространство исторической памяти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью проведенного диссертационного исследования являлся системный анализ ключевых функций, жанров, конститутивных признаков и языковых особенностей исторического нарратива на примере повествований о Великом шелковом пути на китайском, русском и английском языках.

Первая задача была направлена на анализ подходов к понятию «нарратив» в отечественной и зарубежной науке. Для формирования теоретической базы исследования были изучены труды отечественных и зарубежных ученых (А. Данто, Д. Кон, Е. В. Мишалова, П. Рикер, А. Л. Стризое, Х. Уайт, В. Шмид, В. И. Тюпа и др.). Установлено, что, обладая общими структурными признаками нарратива, историческое повествование характеризуется наличием дополнительного уровня организации текста – референциального, то есть опирается на верифицируемые данные о реально имевших место событиях.

В соответствии со **второй задачей** диссертации исторический нарратив был определен как вербально организованное повествование о прошлых событиях, которое, в отличие от вымышленного мира художественного текста, претендует на референциальную соотнесенность с реальной историей, организует эти события в связную, хронологически и/или каузально упорядоченную структуру с началом, развитием и завершением; и неизбежно опосредовано интерпретирующей позицией нарратора, обусловленной культурно-историческим и идеологическим контекстом его создания.

Решение **третьей задачи** позволило выявить комплекс взаимосвязанных функций исторического нарратива: упорядочивающую, трансформирующую, информативную, дидактическую, коммеморативную, убеждающую, развлекательную и функцию переключения внимания, которые в различной степени представлены в текстах разных жанров. Установлено, что упорядочивающая функция организует и структурирует информацию о событиях, выстраивая их в логическую последовательность и устанавливая причинно-следственные

связи; трансформирующая функция направлена на утверждение определенной трактовки событий через эмоциональное вовлечение адресата; информативная и коммеморативная функции ориентированы на сообщение нового знания, фиксацию и трансляцию коллективной культурной памяти; развлекательная функция удерживает интерес адресанта; функция переключения внимания может выступать как инструмент манипуляции.

Четвертая задача заключалась в изучении жанрового многообразия исторических нарративов. Анализ повествований о Великом шелковом пути позволил выявить следующие группы жанров: 1) письменные (летопись, историческая хроника, мемуары, путевой дневник, исторический роман, историческая повесть, историческое нарративное эссе, научная статья/ монография на историческую тему), 2) исполняемые (нарративные песни, эпос, пьесы, оперы, балет, кинофильмы); 3) жанры изобразительного искусства (картины, фрески, скульптура); 4) креолизованные медиажанры современности (исторические комиксы и компьютерные игры). Показано, что при сохранении общих содержательных признаков (событие, повлиявшее на ход истории; сочетание фактического материала с элементами интерпретации; локализация в конкретном историческом пространстве и времени) каждый жанр реализует их с разной степенью документальности и художественного вымысла.

Пятая задача предполагала выявление и описание конститутивных признаков исторического нарратива. На основе анализа повествований о Великом шелковом пути был сделан вывод о том, что исторический нарратив организуется единой системой из восьми взаимосвязанных конститутивных признаков: темпоральности, пространственности, событийности, информативности, интерпретативности, интертекстуальности, идеологизированности и семиотичности, образующих целостную, логически выстроенную структуру, в которой каждый признак раскрывает новый аспект смыслового конструирования исторического материала. Выявлена и описана система текстовых маркеров каждого из конститутивных признаков.

В соответствии с **шестой задачей** были выделены лингвистические средства репрезентации исторического опыта в нарративах о Великом шелковом пути: историческая терминология, историзмы, архаизмы и прецедентные имена. Историческая терминология служит инструментом научной концептуализации прошлого; историзмы обозначают исчезнувшие реалии и формируют документально-фактуальную основу нарративов, одновременно воссоздавая колорит изучаемой эпохи; архаизмы выступают как средство стилизации текста; прецедентные имена формируют единое пространство исторической памяти благодаря своей узнаваемости. При этом их оценочное наполнение, коннотации и отнесенность к оппозиции «свой – чужой» варьируются в зависимости от культурного контекста и авторской позиции.

Таким образом, проведенное исследование показало, что исторический нарратив о Великом шелковом пути представляет собой особый тип нарратива, организованный устойчивой системой конститутивных признаков, функций и языковых механизмов репрезентации, реализация которых на конкретном языковом материале обусловлена типологическими особенностями языка и национально-специфичной историографической традицией.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с более детальным исследованием отдельных жанров исторического нарратива, в частности исполняемых (опер, кинофильмов) и креолизованных (компьютерных игр), потенциал которых для лингвокультурологического анализа раскрыт в настоящей работе лишь частично. Большой научный интерес также представляет анализ функционирования описанных в диссертации конститутивных признаков в современном политическом дискурсе, связанном с инициативой «Один пояс – один путь».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агибалова Е. В., Донской Г. М. Всеобщая история. История Средних веков. 6 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / под ред. А. А. Сванидзе. – 10-е изд. – М.: Просвещение, 2021. – 288 с.

2. Адилханян И. Л. Идеологическая мотивированность китайского политического партийного дискурса предметной области коррупции // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 1 (26). – С. 14 – 20.

3. Аксенова Е. П., Чарчоглян А. С. Китайская классическая литература в контексте межкультурной коммуникации // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 86. – С. 15–21.

4. Андреева К. А. Текст – нарратив: опыт структурно-семантической интерпретации: учеб. пособие. – Тюмень, 1993. – 110 с.

5. Андреева В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс. – С.-Пб.: Норма, 2006. – 182 с.

6. Анкерсмит Ф. Р. Историописание и репрезентация: нарратологический анализ исторического опыта / пер. с англ. Е. Г. Трубиной, В. В. Целищева. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 320 с.

7. Антюхов А. В. Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII века: генезис, жанрово-видовое многообразие, поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. – Брянск, 2003. – 451 с.

8. Аристотель Поэтика / пер., введ. и прим. Н. И. Новосадского. – Л.: Academia, 1927. – 160 с.

9. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. / под ред. П. Е. Бухаркина. – С.-Пб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 444 с.

10. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с немецкого М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

11. Ахматова А. Н. О китайских летописях и традициях исторического описания // Востоковедение и синология. – 2023. – № 2. – С. 45–52.

12. Ахметшин Н. Х. Тайны Великого шелкового пути. – М.: Вече, 2002. – 416 с.

13. Бантышева Л. Л. Идеологизированность как особое свойство политического слова (на материале словарей конца XIX – начала XX веков) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2008. – № 55, вып. 15. – С. 138–145.

14. Баранов А. Г. Текст в функционально-прагматическом аспекте. – Краснодар: Издательство Кубанского государственного университета, 1997. – 180 с.

15. Барахов В. С. Литературный портрет: (Истоки, поэтика, жанр). – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1985. – 312 с.

16. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / пер. с фр. Г. К. Косикова // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе / сост. Г. К. Косиков. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 387–422.

17. Барт Р. Мифологии. Mythologies / Зенкин С. (пер. с фр.). – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. – 314 с.

18. Бартольд В. В. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии // Сочинения: в 9 т. / отв. ред. Б. Г. Гафуров; АН СССР, Институт народов Азии. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1964. – Т. 2, ч. 2. – 657 с.

19. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. – Л.: Прибой, 1929. – 244 с.

20. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советский писатель, 1963. – 363 с.

21. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.

22. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.

23. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5: Работы 1940–1960 гг. – С. 159–206.

24. Беккер И. Л. Путешествие как способ социального бытия и становления личности // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2006. – № 6. – С. 80 – 85.

25. Белявский М. Т. Мемуары как исторический источник: учебное пособие. – М.: Издательство Московского университета, 1981. – 112 с.

26. Бешукова Ф. Б. Жанровые трансформация исторического романа в современной литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2021. – № 2. – С. 75–82.

27. Бремон К. Логика повествовательных возможностей // Семиотика и искусствометрия: сб. пер. под ред. Ю. М. Лотмана, В. М. Петрова. – М.: Мир, 1972. – С. 108–135.

28. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. – 2000. – №3 – С. 29–42.

29. Валуева О. Р. Интерпретация текста как лингвокогнитивный процесс // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – Вып. 15 (648). – С. 45–54.

30. Васильев Л. С. История Китая История Китая: учеб. для студентов вузов, обучающихся по ист. специальностям / под ред. А. В. Меликсетова. – 2. изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Моск. ун-та, Высшая шк., 2002. – 736 с.

31. Вейн П. Как пишут историю. Очерк эпистемологии / пер. с фр. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 432 с.

32. Виноградов А. В. Китайская модель модернизации: социально-политические и социокультурные аспекты: автореф. дис. д-ра полит. наук. – М., 2006. – 46 с.

33. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – 656 с.

34. Галич А. А. Закономерности развития русской мемуарно-автобиографической прозы XVIII–XIX вв. – Душанбе: Сино, 1991. – 168 с.

35. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.

36. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое лит. обозрение, 1996. – 351 с.

37. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. – 2-е изд. – М.: Учпедгиз, 1955. – 463 с.

38. Гехтляр С. Я. Фоновые знания как лингвокогнитивная основа коммуникации // Вестник Брянского государственного университета. – 2017. – № 3 (33). – С. 182–187.

39. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. – Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1971. – 464 с.

40. Голубева Е. И. Соотношение различных видов информации в тексте автобиографии // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – М.: МГПИИЯ, 1986. – Вып. 263. – С. 66–75.

41. Голубцов В. С. Мемуары как исторический источник по истории советского общества: учебное пособие. – М.: Издательство Московского университета, 1981. – 113 с.

42. Городникова М. Д. О некоторых способах передачи эмоциональной информации // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – М.: МГПИИЯ, 1978. – Вып. 118. – С. 64–78.

43. Греймас А.-Ж. Структурная семантика. – Поиск метода. – М.: «Академ. проект». – 2004. – 368 с.

44. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.

45. Данто А. Аналитическая философия истории / пер. с англ. А. Л. Никифорова, О. В. Гавришиной. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 292 с.

46. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ / пер. с англ. под ред. В. И. Герасимова. – 2-е изд. – Москва: УРСС, 2000. – 308 с.

47. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 600 с.

48. Демин И. В. Семиотический подход к анализу исторического нарратива [Электронный ресурс] // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2015. – № 1 (17). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semioticheskiy-podhod-k-analizu-istoricheskogo-narrativa (дата обращения: 08.08.2026).

49. Демьянков В. З. Интерпретация как проведение в жизнь и как интерпретирование // Сценарии культуры и информатика. – М.: Всероссийский институт научной и технической информации (ВИНИТИ), 1999. – С. 82–98.

50. Дильтей В. Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. – 1988. – № 4. – С. 135–152.

51. Елизаветина Г. Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров в русской литературе XVIII века // Переходные явления в русской литературе XVIII в. – М.: Наука, 1982. – С. 143–164.

52. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. / пер. с франц. Е. Васильевой [и др.]. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 944 с.

53. Жун Синьцзян. Великий Шелковый путь и культурный обмен между Востоком и Западом / пер. с китайского А. Ю. Кислова, Чэнь Вэйи. – М.: Шанс, 2021. – 471 с.

54. Иванова Н. В. Жанр «путешествия» в русской литературе: генезис, эволюция, поэтика: монография. – Стерлитамак: Стерлитамакский государственный педагогический институт, 2010. – 188 с.

55. Ильин И. П. Постмодернизм: Словарь терминов. – М.: ИНИОН РАН-INTRADA, 2001. – 384 с.

56. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин, С. Г. Воркачев [и др.]. – 3-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 348 с.

57. Карамзин Н. М. Сочинения [Текст]: в 2 т. / сост. и коммент. Г. П. Макогоненко. – Л.: Художественная литература, 1984. – Т. 2: Критика. Публицистика. Исторические прозы. – 456 с.

58. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

59. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учебник для студентов педагогических институтов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.

60. Колодина Н. И. Теоретические аспекты процесса понимания и интерпретации художественного текста. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2001. – 160 с.

61. Колядич Т. М. Воспоминания писателей: Проблемы поэтики жанра. – М.: Мегатрон, 1995. – 110 с.

62. Кондракова В. Н. Композиционно-структурные и языковые особенности повествовательного текста // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 4 (127). – С. 112–116.

63. Кончаловская Н. П. Жанрово-стилевое своеобразие и поэтика древнерусских летописей // Вестник славянских культур. – 2015. – № 3 (37). – С. 132–140.

64. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Прецедентный текст как современная грамматическая единица // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 3. – С. 73–76.

65. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.

66. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Система прецедентных феноменов в контексте современной филологии // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. – М.: Филология, 1997. – Вып. 2. – С. 62–74.

67. Кривонос В. Ш. Поэтика неразличимости в «Мертвых душах» Гоголя // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2011. – Т. 13, № 2-1. – С. 167–172.

68. Кристева Ю. Слово, диалог и роман // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 167.

69. Крюкова Н. В. Понимание философского текста как лингвистического феномена // Культура народов Причерноморья. – 2010. – № 177. – С. 242–246.

70. Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 1994. – Т. 53, № 2. – С. 3–15.

71. Купина Н. А. Тоталитарные идеологемы и мифологемы на страницах районных газет Урала // Идеология и язык: сб. науч. тр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. – С. 52–65.

72. Кусков В. В. История древнерусской литературы: учебник для вузов. – 8-е изд., стереотип. – М.: Высшая школа, 2008. – 336 с.

73. Кухаренко В. А. Интерпретация текста: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.

74. Латов Ю.В. Великий шелковый путь – пролог мировой экономики и глобализации (к 2130-летию его «открытия») // Историко-экономические исследования. – 2010. – Т. 11. – № 1. – С. 127 – 129.

75. Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. В. В. Иванова. – Москва: Эксмо-Пресс, 2001. – 512 с.

76. Левицкий Л. Г. Мемуары // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – Т. 4: Лакшин – Мураново. – С. 759–764.

77. Левченко М. Н. Категория информативности в философском тексте // Вопросы современной лингвистики. – 2022. – № 1. – С. 14 – 23.

78. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.

79. Леонтович О. А. Китайский нарратив как средство осмысления реальности: монография / О. А. Леонтович, Нин Хуайин, Е. В. Гуляева [и др.]; под ред. О. А. Леонтович, Нин Хуайин. – Волгоград: Перемена, 2019. – 228 с.

80. Леонтович О. А., Симоненко Н. Ю. Chinese narrative song: structure, language and historical dynamics // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – Москва: Изд-во РУДН, 2017. – Т. 21, № 4. – С. 789–804.

81. Леонтович О. А., Ханова А. А. Исторический нарратив: конститутивные признаки и языковые характеристики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2024. – № 6. – С. 28–41.

82. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований– М.: Гнозис, 2011. – 224 с.

83. Лиотар Ж-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Ин-т экспериментальной социологии. – СПб.: Алетейя, 1998. – 159 с.

84. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис: Прогресс, 1992. – 272 с.

85. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М., 1970. – 288 с.

86. Лотман Ю. М. Семиосфера. – С.-Пб.: Искусство-СПБ, 2005. – 704 с.

87. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры // Избранные статьи: в 3 т. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1. – 464 с.

88. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – С.-Пб.: Азбука, 1998. – 285 с.

89. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: вопросы теории и методики. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 158 с.

90. Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути: Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая (Серия «Культура народов Востока. Материалы и исследования»). – М.: Наука, 1994. – 325 с.

91. Лю Цзюань. Концепт «путешествие» в китайской и русской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004. – 20 с.

92. Ма Вэньмэй. Рецензия на книгу Тань Цзюньцяна «Эстетическая культура и нарратология: теория и практика» = 评谭君强《审美文化叙事学：理论与实践》 // Семиотика. Нарративные исследования = 符号学论坛. 《叙事学探索》 [Электронный ресурс] 2012. – URL: http://www.semiotics.net.cn/xsxts.asp?page=1 (дата обращения: 07.09.2026).

93. Макаров И.А., Соколова А.К. Сопряжение евразийской интеграции и экономического пояса Шелкового пути: возможности для России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2016. – № 2. – С. 40–57.

94. Малков А.С. О математическом моделировании товаропотоков. Препринт. – М.: Институт прикладной математики РАН, 2005. – 45 с.

95. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. – 2009. – № 4 (30). – С. 32 – 39.

96. Маслова Н. М. Путевой очерк как специфическая форма публицистического отражения действительности: автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1973. – 24 с.

97. Матвеева Ю.В. Формирование и основные особенности менталитета Китайцев [Электронный ресурс] // Культура. Духовность. Общество. – 2012. – №1. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-osnovnye-osobennosti-mentaliteta-kitaytsev (дата обращения 14.10.25).

98. Мегилл А. Некоторые соображения о проблеме истинностной оценки репрезентации прошлого // Эпистемология и философия науки. – 2008. – Т. 15, № 1. – С. 48–57.

99. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. – М.: РГГУ, 2008. – 358 с.

100. Мишалова Е. В. Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания // Epistemology & Philosophy of Science (Эпистемология и философия науки). – 2012. – № 1. – С. 157 – 173.

101. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие / пер. с фр. – М.: Мир, 1966. – 354 с.

102. Монгилева Н. В. Лингвокогнитивные механизмы интерпретации текста в современной парадигме // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, вып. 2. – С. 112–118.

103. Москвин В. П. Интертекстуальность: понятийный аппарат, фигуры, построение поэтического текста. – 2-е изд. – М.: Либроком, 2013. – 168 с.

104. Мурзаев Э. М. Топонимика и география. – М.: Наука, 1995. – 304 с.

105. Негматов Н.Н. Концепция истории и реалии «Великого шелкового пути» // Центрально-Азиатские гуманитарные исследования. – 1998. – № 2. – С. 97 – 114.

106. Ноздрина Л. А. Интерпретация художественного текста. Поэтика грамматических категорий. – М.: Дрофа, 2009. – 252 с.

107. Нора П. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаевой. – С.-Пб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1999. – 328 с.

108. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

109. Пауткин А. А. Беседы о летописях: учебное пособие. – М.: Издательство Московского университета, 2003. – 208 с.

110. Петров А. М. Великий Шелковый путь: Очерки историографии и обществоведения. – М.: Восточная литература, 1995. – 208 с.

111. Пригарина А.С. Реализация исповедальной интенции в разных типах дискурса: дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2012. – 25 с.

112. Приймакова Н. А. Жанрово-стилевое богатство современного адыгского романа об историческом прошлом (поэтика сюжета). – Майкоп: Издательство МГТИ, 2003. – 115 с.

113. Пропп В. Я. Морфология сказки. – Л.: Academia, 1928. – 152 с.

114. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр. общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – 2-е изд. – М.: Изд-во LKI, 2008. – 240 с.

115. Радкевич В.А. Великий шелковый путь. – М., 1990. – 204 с.

116. Ранчин А. М. Вертоград филологии: Лабиринт словесности. Язык – текст – смысл: монография. – М.: Флинта, 2019. – 484 с.

117. Растье Ф. Интерпретирующая семантика / пер. с фр.; предм.-имен. указ. А. Е. Бочкарева. – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2001. – 367 с.

118. Реформатский А. А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии: сб. ст. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 46–54.

119. Рикер П. Время и рассказ. – М.; С.-Пб.: Университетская книга, 1998. – Т. 1: Интрига и исторический рассказ. – С. 114–115.

120. Рикер П. Время и рассказ: в 2 т. – М.; С.-Пб.: Университетская книга, 2000. – Т. 3: Время и рассказ. Конфигурации в вымышленном рассказе. – 338 с.

121. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и выступления / пер. с фр. – М.: Академия, 1998. – 412 с.

122. Руднев В. П. Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.

123. Сахаров А. Н. История с древнейших времен до конца XIX века. 10 класс: учебник для общеобразовательных организаций. – 2-е изд. – М.: Русское слово: учебник, 2014. – 448 с.

124. Симоненко Н. В. Нарративная песня в китайской лингвокультуре: дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2015. – 187 с.

125. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе: монография. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

126. Смирнов И. П. Порождение интертекста (Элементы интертекстуальной теории с примерами из творчества Б. Л. Пастернака). – С.-Пб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. – 191 с.

127. Соколова М. В. История туризма: учебное пособие. – М.: Академия, 2002. – 352 с.

128. Соколова М.В. История туризма. Учебное пособие. – М.: Мастерство, 2002. – 352 с.

129. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю., Крюков А.Н. и др. Фоновые знания и языковая коммуникация. – М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1988. – С. 19–34.

130. Стризое А. Л. Исторический текст как научный нарратив // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2012. – № 2 (22). – С. 172–177.

131. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Теоретические вопросы / отв. ред. Т. Л. Канделаки. – М.: Наука, 1989. – 246 с.

132. Сутаева З. Р. Мемуарный жанр в дагестанской литературе: дис. … канд. филол. наук. – Махачкала, 1998. – 156 с.

133. Сыров В. Н. Нарратив в историческом познании: о перспективах использования нарратологии // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 113–135.

134. Сюй Х. Особенности китайского национального характера (часть 2) // Молодой ученый. – 2011. – № 3. – Т. 2. – С. 190–192.

135. Тамарченко Н. Д. Эстетика дискурса и нарратология // Поэтика дискурса и нарратология: сборник научных трудов / под ред. В. И. Тюпы. – М.: Изд-во РГГУ, 2011. – С. 11–24.

136. Тамарченко Н. Д. Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. – М.: Академия, 2001. – Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – 512 с.

137. Тань Аошуан Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.

138. Тарасова И. А. Категория времени в языковой картине мира. – М.: Наука, 1992. – С. 27–28.

139. Тимофеев И. В. Ибн Баттута. – М.: Молодая гвардия, 1983. – 270 с.

140. Тодоров Ц. Понятие литературы // Семиотика / под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 350–369.

141. Томахин Г.Д. Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения // Иностранные языки в школе. – 1980. – № 4. – С. 84–87.

142. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. – Л.: Государственное издательство, 1925. – 228 с.

143. Троицкий Ю. Л. Исторический нарратив между текстом и процессом // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 3. – С. 21–28.

144. Троцук И. В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2004. – № 1 (6). – С. 41 – 54.

145. Трубецкой Т. Н. Поэтика древнерусского летописания. –М.: Наука, 1995. – 212 с.

146. Тюпа В. И. Горизонты исторической нарратологии. – С.-Пб.: Алетейя, 2021. – 188 с.

147. Тюпа В. И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. – М. – 2002. – Вып. 5. – С. 5–31.

148. Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса (“Архиерей” А.П. Чехова). – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 58 с.

149. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной, В. В. Чешева. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. – 528 с.

150. Успенский Б. А. Избранные труды. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. – 608 с.

151. Федорова Л. Н. Повтор как средство формирования ретроспекции в художественном тексте // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – М.: МГПИИЯ, 1981. – Вып. 103. – С. 111–121.

152. Франкопан П. Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий / пер. с англ. В. Шарлая. – М.: Эксмо: Бомбора, 2017. – 688 с.

153. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.

154. Хализев В. Е. Теория литературы. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 2000. – 398 с.

155. Хошимов М. Великий Шелковый путь и Центральная Азия. – Ташкент: Фан, 2005. – 176 с.

156. Хошимова М. М. Великий Шелковый путь и Центральная Азия // Преподавание языка и литературы. – 2005. – № 4. – С. 45–51.

157. Черных Е. Н. Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 624 с.

158. Чернявская В. Е. Текст в медиальном пространстве: учеб. пособие. – М.: URSS: Либроком, 2013. – 228 с.

159. Чечнев Б. А. Информация как проблема знания. – Киев: Институт философии АН УССР, 1989. – 48 с.

160. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 254 с.

161. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972. – 327 с.

162. Шкловский В. Б. Искусство как прием // О теории прозы. – М.: Федерация, 1929. – С. 7–23.

163. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

164. Шпенглер О. Закат Европы. – Минск: Попурри, 1998. – Т. 1. – С. 218–219.

165. Шпетный К. И. Лингвостилистические и структурно-композиционные особенности текста короткого рассказа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1980. – 24 с.

166. Эко У. Lector in fabula. Роль читателя, или Интерпретативная кооперация в нарративных текстах / пер. с итал. С. Д. Серебряного. – М.: Симпозиум / РГГУ, 2007. – 512 с.

167. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах / пер. с англ. А. Глебовской. – С.-Пб.: Симпозиум, 2002. – 288 с.

168. Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. – М.: Советский писатель, 1987. – 416 с.

169. Эткинд А. М. Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 1 (47). – С. 7–25.

170. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.

171. Adam J.-M. Les textes: types et prototypes. Récit, description, argumentation, explication et dialogue. – 2e éd. – Paris: Armand Colin, 2005. – 223 p.

172. Barthes R. The Discourse of History / translated by S. Bann // Comparative Criticism. – 1981. – Vol. 3. – P. 7–20.

173. Carr E. H. What is history? The George Macaulay Trevelyan lectures delivered in the Univ. of Cambridge, Jan.-March 1961. – Repr. – Harmondsworth: Penguin Books, 1975. – 159 p.

174. Chatman S. Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film. – Ithaca and London: Cornell UP. – 1978. – 277 p.

175. Friedemann K. Die Rolle des Erzahlers in der Epik. – Berlin, 1910. – 108 p.

176. Genette G. Boundaries of Narrative. // trans. A. Levonas. New Literary History. – 8.1 – 1976. – P. 1–13.

177. Genette G. Figures 1. (Tel Quel). – Paris: Seuil. – 1966. – 272 p.

178. Genette G. Figures 3. – Paris: Seuil. – 1972. 288 p.

179. Genette G. Narrative Discourse / Trans. Lewin, J. E. – Oxford: Blackwell, 1980. – 285 p

180. Greimas A.-J. Structural Semantics: An Attempt at a Method. Trans. D. McDowell, R. Schleifer, A. Velie. – Lincoln, Nebraska: Nebraska UP, 1966. – 264 p.

181. Jahn M. Narratology: A Guide to the Theory of Narrative [Electronic resource]. – University of Cologne, 2005. – URL: http://www.uni-koeln.de/ (date of treatment: 10.03.26)

182. Kayser W. Wer erzahlt den Roman? // Die Vortragsreise: Studien zur Legende. – Bern, 1958. – S. 82–101.

183. Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time / translated by Keith Tribe. – New York: Columbia University Press, 2004. – 317 p.

184. Linde C. Life Stories: The Creation of Coherence. – New York; Oxford: Oxford univ. press, 1993. – XIV, 242 p.

185. Margolin U. Structural Analysis of Narrative Representation of Speakers in Real and Fictional Discourse // Style. – 1989. – Vol. 23, no. 1. – P. 1–24.

186. Prince G. A Dictionary of Narratology. – Lincoln and London: Nebraska UP, 1987. – 126 p.

187. Schiffrin D. Narrative as Self-Portrait: Sociolinguistic Constructions of Identity // Language in Society. – 1996. – Vol. 25, № 2. – P. 167–203.

188. Searle J. R. The Logical Status of Fictional Discourse // New Literary History. – 1975. – Vol. 6, no. 2. – P. 319–332.

189. The World of the Ancient Silk Road / edited by X. Liu. – London; New York: Routledge, 2023. — 618 p.

190. Todorov T. Grammaire du Decameron. – Mouton: The Hague, 1969. – 100 p.

191. Todorov T. Theorie du symbole. – Paris: Seuil, 1977. –252 p.

192. White H. Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. – Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1973. – 448 p.

193. White, H. Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. – Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1973. – 448 p.

194. 傅修延 (Фу Сюянь) “二合”——汉语叙事的优雅传统 («Двусмысленность» – о традиции изящества нарратива на китайском языке)[J] [Электронный ресурс]. 符号学论坛。《叙事学探索》 (Семиотика. «Нарративные исследования»). – 2009. – URL: http://www.semiotics.net.cn/xsxts.asp?page=1 (дата обращения: 07.09.2026).

195. 傅修延 (Фу Сюянь) “聚焦” 的焦虑——关于“focalization”的汉译及其折射的问题 («Фокализация» – к вопросу о переводе термина “focalization” на китайский язык)[J] [Электронный ресурс]. 符号学论坛。《叙事学探索》 (Семиотика. «Нарративные исследования»). – 2013. – URL: http://www.semiotics.net.cn/xsxts.asp?page=1 (дата обращения: 07.09.2026).

196. 傅修延 (Фу Сюянь) 我之叙事观 (Моя концепция повествования)[J] [Электронный ресурс]. 符号学论坛。《叙事学探索》 (Семиотика. «Нарративные исследования»). – 2009. – URL: http://www.semiotics.net.cn/xsxts.asp?page=1 (дата обращения: 07.09.2026).

197. 张寅德 (Чжан Иньдэ) 叙述学研究 (Исследование нарратологии): 叙述学论文集 (сб. науч. тр.) 北京 (Пекин, 1989. – 378 с.).

198. 张隆溪 (Чжан Лунси) 故事中的故事——结构主义叙事学简介 (Сказка под сказкой: о структуралистской нарратологии). 读书 (Чтение). – 1985. – № 11. – С. 110–118).

199. 曹文轩 (Цао Вэньсюань). 《小说门》(Двери в нарратив) / 曹文轩 (Цао Вэньсюань). – 作家出版社, 2003.

200. 杨义 (Ян И). 中国叙事学 (Китайская нарратология) / 杨义 (Ян И). – 北京人民出版社, 1997. – 430 页.

201. 申单 (Шэнь Дань).《叙述学与小说文体研究》 (Нарратология и исследование романа). – 北京大学出版社, 1998. – 367 页.

202. 罗钢 (Ло Ган). 叙事学导论 (Введение в нарратологию) / 罗钢 (Ло Ган). – 云南人民出版社. – 1994. – 299 页.

203. 胡亚敏 (Ху Яминь). 叙事学, 基本信息 (Нарратология. Основные сведения). 华中师范大学出版社, 2004. – № 2. – 309 页.

204. 董乃斌 (Дун Найбинь) 中国文学叙事传统研究 (Исследование нарративной традиции китайской литературы). 北京, 2012. – 485 页.

205. 董乃斌 (Дун Найбинь) 中国文学叙事传统研究[M] (Исследование нарративной традиции китайской литературы) 中华书局, 2012. – 483 页.

206. 谭君强 (Тань Цзюньцян) 比较叙事学[M] (Сравнительная нарратология) 中国社会科学出版社, 2022. – 208 页.

207. 赵毅衡 (Чжао Ихэн) 苦恼的叙述者 (Расстроенный нарратор). 北京, 1994. – 303 页.

208. 陈平原 (Чэнь Пинюань). 中国小说叙事模式的转变 (Трансформация нарративной модели китайского рассказа). – 上海人民出版, 1988. – 326 页.

209. 鲁迅 (Лу Синь).《中国小说史略》 (История китайского рассказа). – 人民文学出版社, 1981. – 312 页.

210. 《丝绸之路》 [Электронный ресурс] // 百度题库 (Baidu Tiku). – URL:https://easylearn.baidu.com/edupage/tiangong/questiondetail?id=1820518212410590123 (дата обращения: 26.04.26).

Лексикографические источники

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.

2. Большой китайско-русский словарь (БКРС) [Электронный ресурс]. – URL: http: // bkrs.info (дата обращения: 24.08.26).

3. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб: Норинт, 1998. – URL: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar (дата обращения: 24.05.2026).

4. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.

5. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 696 с.

Источники практического материала

1. Бергрин Л. История знаменитых путешествий: Марко Поло / пер. с англ. Г. Соловьевой. – М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2024. – 464 с.

2. Ван Дон Мэй. Великий Шелковый путь в истории китайской музыкальной культуры: дис. канд. искусствоведения. – С.-Пб.: 2004. – 154 с.

3. Великий Шелковый Путь — памятник пытливости человеческого ума [Электронный ресурс] // Dolores Travel Group. – URL: https://dolorestravel.com/ru/guide/great-silk-road (дата обращения: 07.08.2026).

4. Великий шелковый путь на почтовых марках Китая: в 2 т. / гл. ред. Чжу Вэньцзе, Шан Цзыцинь; пер. с кит. Е. Бабешко. – М.: Издание книг ком, 2022. – Т. 1. – 399 с.

5. Вэньцзе Чжу. Великий шелковый путь на почтовых марках Китая / пер. с кит. Е. Бабешко. – Т. 2. – М.: КомКнига. – 2022. – 563 с.

6. Гумилев Л. Н. История народа хунну. – М.: Наука, 1974. – 447 с.

7. Докашева Е. С. Великий шелковый путь. Полная история. – М.: АСТ, 2022. – 352 с.

8. Котюкова Т. В. Оазисы Шелкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения народов Центральной Азии: сборник научных статей и докладов. – М.: ИВИ РАН, 2022. – 312 с.

9. Кузьмина Е. Е. Предыстория Великого шелкового пути. – М.: КомКнига, 2010. – 240 с.

10. Кузьмина Е. Е. Предыстория Великого шелкового пути: диалог культур Европа-Азия / отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин; Министерство культуры РФ, Российский институт культурологии. – 2-е изд. – М.: URSS: КомКнига, 2010. – 236 с.

11. Линь Мэйцунь. 15 лекций об археологии Великого шелкового пути / пер. с кит. – М.: Шанс, 2017. – 383 с.

12. Пиотровский М. Б. Тайны Шелкового пути: каталог выставки. – С.-Пб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2025. – 184 с.

13. Поло М. Книга о разнообразии мира / пер. с старофр. И. П. Минаева. – М.: Эксмо, 2019. – 480 с.

14. Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки / под редакцией, со вступительной статьей и комментариями Э. М. Мурзаева. – 2-е изд. – Москва: Государственное издательство географической литературы, 1948. – 256 с.

15. Ртveладзе Э. В. Великий Шелковый путь: энциклопедический справочник. – Ташкент: Узбекистан, 2022. – 416 с.

16. Сахаров А. Н., Загладин Н. В. История с древнейших времен до конца XIX века. 10 класс. – М.: Русское слово – учебник, 2019. – 448 с.

17. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи): в 9 т. / пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина; под общ. ред. Р. В. Вяткина; вступ. ст. М. В. Крюкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Восточная литература, 2001. – Т. I. – 415 с.

18. Сюаньцзан. Записки о западных странах [Да Тан Сююй цзи] / пер. с кит. Н. В. Александровой // Путешествие Сюаньцзана: материалы и исследования. – М.: Восточная литература, 2012. – С. 85–140.

19. Торопыгин А. В. Великий шелковый путь. Перезагрузка. – С.-Пб.: Издательство СПбГЭУ, 2012. – 184 с.

20. Торопыгин А. В. Великий Шелковый путь. Перезагрузка // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2012. – № 11. – С. 162–169.

21. Фэн Ишу. [Шелковый путь на кончике кисти] / пер. с кит. Д. Я. Палецкого; ред. А. Демьянова. – М.: Шанс, 2019. – 224 с.

22. Чжан Ханьхуэй. Вместе – по «Шелковому пути» [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2023. – URL: https://ru.theorychina.org.cn/c/2023-10-18/1484353.shtml (дата обращения: 11.05.26).

23. Belt and Road Initiative [Электронный ресурс] // Encyclopædia Britannica. – URL: https://www.britannica.com/topic/Belt-and-Road-Initiative (дата обращения: 08.09.2026).

24. Belt and Road Initiative: Is China's trillion-dollar gamble worth it? [Электронный ресурс] // BBC News. – 2019. – URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-china-48038089 (дата обращения: 08.09.2026).

25. Cohn D. The Distinction of Fiction. – Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1999. – 216 p.

26. Fang Ming. Silk Road = 丝绸之路. – Chinese-English bilingual ed. – Huangshan: Huangshan Publishing House, 2013. – 140 p.

27. Foltz R. Religions of the Silk Road. – New York: St. Martin's Press, 1999. – 192 p.

28. Frankopan P. The Silk Roads: A New History of the World. – London: Bloomsbury Publishing, 2015. – 656 p.

29. Galloway P. Adventures on the Ancient Silk Road / illustrated by D. Zhang. – Toronto: Annick Press, 2009. – 144 p.

30. Genghis Khan and the Mongol Empire / edited by W. W. Fitzhugh, M. Rossabi, W. Honeychurch. – Seattle: Media Special Studies; Houston: Houston Museum of Natural Science; Distributed by University of Washington Press, 2009. – 318 p.

31. Hansen V. The Silk Road: A New History. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 320 p.

32. Jeong Su-il. The Silk Road Encyclopedia / written & compiled by Jeong Su-il. – Irvine: Seoul Selection, 2016. – 1086 p.

33. Larsen J. Silk Road: A Novel of Eighth-Century China. – New York: Henry Holt and Company, 1989. – 434 p.

34. Liu X. The Silk Road in World History. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 168 p.

35. Maçães, B. Belt and Road: A Chinese World Order. – New York: Oxford University Press, 2019. – 240 p.

36. Mark J. J. Silk Road // World History Encyclopedia. – 2018. – [Электронный ресурс] URL: https://www.worldhistory.org/Silk_Road/ (date of treatment: 07.09.2026).

37. McNeill, W. Plagues and Peoples. – New York: Anchor Press, 1976. – 369 p.).

38. Millward J. A. The Silk Road: A Very Short Introduction. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2013. – 168 p.

39. Silk Roads: Zarafshan-Karakum Corridor (англ.) // UNESCO World Heritage Centre. – 2023. – [Электронный ресурс] URL: https://whc.unesco.org/en/list/1675 (date of treatment: 07.09.2026).

40. Thubron C. Shadow of the Silk Road. – London: Chatto & Windus, 2006. – 363 p.

41. Timur’s legacy // CPA Media. – [Электронный ресурс] URL: https://www.cpamedia.com/article.php?pg=archive&acid=120613150427&aiid=120613151433 (date of treatment: 30.08.2026).

42. Tlustý J. Narratives Between History and Fiction // Revue Belge de Philologie et d’Histoire. – 2017. – Vol. 95, no. 3. – P. 549–560.

43. Whitfield S. Life Along the Silk Road. – 2nd ed. – Berkeley: University of California Press, 2015. – 328 p.

44. Winter T. Geocultural Power: China's Quest to Revive the Silk Road for the Twenty-First Century. – Chicago: University of Chicago Press, 2019. – 288 p.

45. Wood F. The Silk Road: Two Thousand Years in the Heart of Asia. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2002. – 270 p.

46. Zhang Yiping. Story of the Silk Road / trans. by Jia Zongyi. – Beijing: China Intercontinental Press, 2005. – 176 p.

47. 郭建龙 (Го Цзяньлун) 丝绸之路大历史：当古代中国遭遇世界 (Великая история Шелкового пути: когда древний Китай столкнулся с миром) 成都 (Чэнду): 天地出版社, 2021. – 568 页.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Разножанровые нарративы о Великом шелковом пути

Нарратив 1. Хошимов М. *Великий Шелковый путь и Центральная Азия*

Ранние связи торговых путей прослеживается из Турана на многие части света. Из ранних караванных дорог эксплуатируемые в Центральной Азии является «лазуритовый путь» из Бактрии, с ее Бадахшанскими источниками удивительного небесно-голубого камня в Иран, южную Туркмению и Передний Восток. «Большой популярностью в Китае пользовался лазурит (ляпис-лазурь), кусочки которого считались здесь «роскошным подарком». Он применялся при изготовлении ювелирных изделий, отделке священных предметов, амулетов» [67, 14]. Из Бадахшана в Китай через Хотан лазурит поставлялся через Чач. Кроме востока лазурит экспортировался и на запад. В этом направлении лазуритовый путь шел по южной Туркмении по рекам Теджен и Теджен. Второе направление, возможно, было через поселения Сарразм по долине Зарафшана и район Термез. Дорога шла также через Вахшскую долину, Ферганскую долину и Чуйскую (Семиречье). Также активная торговля шла через «Ваханский путь», в обход Памира. Самые ранние находки лазуритовых изделий на юге в Иране и Месопотамии, Египта и Передней Азии относятся к 3-4 тыс. до н.э. Один из древних источников о существовании лазуритового пути находим в отрывке из письма ассирийскому царю от его агента: «По поводу лазурита, о котором писал царь, господин мой: Пусть мне принесут лазурит! Царь, господин мой не зная, что я поднялся в горную местность за лазуритом, но когда, я унес лазурит, страна восстала против меня. Если изволит царь, господин мой, пусть придут большие воинские силы и заберут лазурит, только с ними я ни буду, ни есть хлеба, ни пить воды, ни приходить рядом с ними, не буду вставать к твоему гонцу и о благополучии царя, моего царя, моего господина, не буду спрашивать, царь, господин мой, не должен считать это за грех.».

«Нефритовый путь», так называлась дорога из Дуньхуана через Хотан на юг в обход Памира по Ваханскому коридору. Светло зеленого цвета полудрагоценный камень нефрит высоко ценился в древнем Китае. Однако месторождений нефрита Китай не имел. Основным центром его добычи и торговли являлся Хотан, расположенный на трассе Великого Шелкового пути. В конце VIII в. Китайский император послал своего представителя по имени Чжу-юй, имя которого в переводе значит «жемчуг, подобный яшме», чтобы тот раздобыл для него в Хотане изделия из яшмы. Посол возвратился с жезлом, поясными украшениями, изголовьем, шпильками, косметическими коробками, браслетами и другими вещами из самого лучшего нефрита.

Месторождение нефрита тогда было известно на дне двух рек, слившихся у Хотана перед впадением в Тарим. Из более поздних месторождений известна на верховье р. Или на горе Кетментепе откуда куски нефрита были принесены по приказу Улугбека в 1425 г. по позднему шелковому пути в Самарканд и установлена на могиле Амир Темура.

«Золотой путь» соединял Бактры с городами Согда и Хорезма. По нему доставлялись золото и самоцветы, разнообразные строительные материалы. На севере, в степной зоне, где существовал союз могучих сакских племен, выделялся обширный «степной регион», по которому от Причерноморья до Сибири мигрировали номады и передвигались товары, в первую очередь знаменитое скифское золото.

«Серебряный путь». В X веке нашей эры особенно была развита торговля Турана с Булгарским царством. Эта дорога шла из Средней Азии на юго-восток Европы. Раньше

путь из Багдада и Ирана в Булгарское царство шел через Кавказ и Хазарский каганат. Однако в начале X века, т.е. при халифе Муктадире, отношения между Багдадским халифатом и Хазарским каганатом ухудшились, и торговые пути переместились в Туран. Тогда караваны из Бухары шли к Амударье, а затем вдоль реки в Кят-центр южного Хорезма и далее в Куня – Ургенч, или как он тогда назывался – Джурджания (Гургандж), а оттуда через Эмбу в Булгарское царство. Таким образом, торговый путь огибал территорию Хазарского каганата и шел по левому берегу Итиля (Волги). По пути было выстроено множество караван-сараев, где купцы останавливались на отдых. По этой дороге из Булгарского царства через Хорезм вывозили меха, кожу, скот, рабов, мед, орехи. Из Турана в Русь и далее в Восточную Европу везли рис, перец, изюм и сухофрукты, ткани, но более всего серебряные дирхемы «Исмаили». Поэтому чаще всего при упоминании этой пути его вспоминают как «серебреный путь». При уровне цен и объеме торговли того времени даже крупные сделки вполне обеспечивало серебро, серебряные монеты - дирхемы. В IX-X веках государство Тахиридов и Саманидов чеканило различные виды дирхемов, и каждый из них имел свое название и назначение. В IX и особенно в X веках чекан общегосударственных серебряных дирхемов стало регулярным. На этих монетах нет никаких изображений, только надписи арабским почерком куфи. Такие монеты и получили название «исмаили» по имени Исмаила Самани. Любопытно, что на территории Турана дирхемы Исмаилы встречаются не часто, тогда как в Восточной Европе и Прибалтике найдены уже несколько кладов этих монет. А значит, в первую очередь они выполняли функции мировых денег. И основная масса этих денег уходило через дорогу «серебряный путь», в Булгарское царство и на западную Европу.

Из восточного серебра древние волжские булгары, финно угри, скандинавы делали магические украшения, кубки для пиршеств в честь богов, орнаментировали оружие. Серебро было священным металлом, поэтому большие запасы серебра поступившего по серебряному пути превращались в подземные клады. «Хлебный путь», так называлась древняя дорога, проходящая по поверхности древней Европы. О существовании этого пути писал еще античный ученый Геродот до н.э. в V веке. Исходной точкой хлебного пути по Геродоту является Ольвия, куда привозили хлеб из черноземных областей между Днепром и Бугом. Здесь по Геродоту жили оседлые скифы, каллипиди, алазаны и «пахари», которые сеяли хлеб не только для потребления, но и для продажи.

«Янтарный путь», эта дорога пролегала по руслу реки Днепра, по которой товары везли на север к Балтийскому морю в обмен на столь ценный товар - янтарь.

Нарратив 2. Liu X. *"The Silk Road in World History"*

The Silk Road started from Chang'an (Western Han Dynasty) and Luoyang (Eastern Han Dynasty) bifurcated into two routes along the north and south edges of the Taklimakan Desert after passing through the Hexi Corridor, Yang Gate, Yumen Gate into the Loulan Kingdom around the Lop-nor. Walking along the north rim of the desert, go through the Quli, Qiuci, Gumo to Shule, and then crossing the Cong Ling Ridges (the	Великий шелковый путь начинался от Чанъаня (в эпоху династии Западная Хань) и Лояна (в эпоху династии Восточная Хань) и разветвлялся на два маршрута вдоль северного и южного краев пустыни Такла-Макан после прохождения коридора Хэси, застав Янгуань и Юймэньгуань в направлении царства Лоулань вокруг озера Лобнор. Пройдя вдоль северного края пустыни через заставы и оазисы Куча (Кьючи), Аксу (Гумо) до Кашгара (Шуле), а затем пересекая хребты Цунлин (Памир),

Pamirs), one could have reached Dayuan (in Ferghana) and Kangju (in Sogdiana). While walking along the south edge, one could have reached Da Yuezhi (the Kushan) and An Xi (the Parthian), via Qiemo, Jingjue, Yutian, Shache and Pamirs. The South Silk Road was the main traffic road for a long time in the Han Dynasties, as it was deep in desert and far away from the threat of raids by nomadic tribes. The Oasis Kingdoms along the South Silk Road, nourished by the snow water of Kunlun Mountain, has been serving as transportation posts and supply stations, maintaining the smoothness of the Silk Road for centuries. These kingdoms were like pearls in the desert, linking the Silk Roads and carrying the important mission of transmitting East-West civilization.	можно было добраться до Даюаня (в Ферганской долине) и Кангюя (в Согдиане). Маршрут, проходивший по южному краю через Черчен (Кимоно), Нию (Цзинцзюэ), Хотан (Ютянь), Яркенд (Шаче) и Памир, вел к государствам Да Юэчжи (Кушанское царство) и Аньси (Парфия). Южный Шелковый путь долгое время оставался главной транспортной магистралью в эпоху династии Хань, поскольку пролегал в глубине пустыни и был защищен от набегов кочевых племен. Королевства-оазисы вдоль Южного Шелкового пути, питаемые талыми водами гор Куньлунь, веками служили ключевыми транспортными узлами и станциями снабжения, обеспечивая бесперебойное функционирование трансконтинентального маршрута. Эти царства подобно жемчужинам в пустыне связывали нити Шелкового пути и выполняли важнейшую миссию по диалогу и передаче цивилизационных достижений Востока и Запада.

Нарратив 3. Е. Н. Черных «*Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур*» *(а)*

Край западной зоны Степного пояса начинает проявлять себя уже в бассейне Нижнего Подунавья. Здесь относительно узкая полоса степи вплотную прилегает к северо-западному побережью Черного моря, следует вдоль его побережья, заходит в Крым, потом по периметру огибает море Азовское.

Морские границы сменяются мощным и труднопреодолимым валом Главного Кавказа. Лишь у побережья Каспийского моря «стена» гор как бы отступает на запад: здесь намечается знаменитый Дербентский проход, который и служил долгие тысячелетия наиболее удобным путем для мирных или немирных контактов различных народов севера и юга. Крутые изгибы берегов Каспия вновь предельно ясно очерчивают южную грань Степного пояса. К юго-восточному побережью этого огромного и в древности называемого Хвалынским моря-озера близко подходит хребет Копетдага. Хотя эта горная система и не в состоянии сравниться с мощью Кавказа, однако и здесь граница между захватывающим пустыню Каракумы Степным поясом и более южными регионами, с зелеными оазисами Иранских нагорий, также выглядит вполне определенной.

Вслед за Копетдагом — и опять-таки с юга — Степной пояс резко ограничивают труднопреодолимые громады горной системы Памиро-Тяньшаня. Их запутанные хребты и высокогорья внезапно разворачиваются и резко «ныряют» к югу, к Гиндукушу. Затем, затейливым кольцом огибая обширную пустыню Такла-Макан, горные цепи Куньлуня и Алтынтага почти без заметных прогибов сливаются с Тибетом и Гималаями.

Нарратив 4. Е. Н. Черных «*Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур*» (б)

Вслед за тем, в год Зайца [1219], Чингис-хан через Арайский перевал пошел войною на Сартаульский [хорезмийский] народ... Чжебе (Джебе) был послан во главе передового отряда, вслед за ним — отряд Субеетая, а за Субеетаем — отряд Тохучара. Отправляя трех полководцев, он дал им такой наказ: «Идите стороною, в обход, минуя пределы Солтана [Хорезмшаха], так чтобы по прибытии нашем вы вышли к нам на соединение». Чжебе так и пошел. Он обошел стороною, никак не задевая города Хан-Мелика. Вслед за ним точно так же прошел и Субеетай, никого не затронув. Но следовавший за ними Тохучар разорил пограничные Хан-Меликовы города и полонил его землепашцев. Вследствие разорения его городов, Хан-Мелик [Хорезмшах] открыл военные действия и двинулся на соединение с Чжалалдин-солтаном [сыном Хорезмшаха]. Соединенными силами Чжалалдин-солтан и Хан-Мелик двинулись навстречу Чингис-хану. В передовом отряде Чингис-хана шел Шиги-Хутуху. Вступив с ним в бой, Чжалалдин-Солтан и Хан-Мелик потеснили отряд Шиги-Хутуху и, преследуя его, уже подошли к Чингис-хану, когда Чжебе, Субеетай и Тохучар общими силами ударили на Чжалалдин-солтана и Хан-Мелика с тыла и... нанесли им полное поражение, гоня их и не давая им соединиться ни в городе Бухаре, ни в Несгябе или Отраре; по пятам преследуемые до самой реки Шин, те стремительно бросились в реку, и тут в реке Шин погибло множество Сартаульцев. Спасая свою жизнь, Чжалалдин-солтан и Хан-Мелик бежали вверх по течению реки Шин.

Нарратив 5. Е. Н. Черных «*Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур*» *(в)*

<…> Очень похожие картины рисует уже христианский клирик Смбат Спарапет в своем отчете о поездке в Каракорум в 1246 г. Он был отправлен в далекий и опасный путь царем Малой Армении. Предлагаемые им жутковато-мрачные картины, конечно, очень похожи, вот только оценка деяний крайне различается: «Миновав многие страны, оставив позади Индию, мы прошли всю землю Бодак, на что потратили около двух месяцев пути. Я увидел там несколько городов, разрушенных татарами, величие и богатство которых неоценимы. Я видел некоторые из них за три дня пути и несколько удивительных гор, состоящих из груды костей тех, кого умертвили татары. И нам казалось, что, если бы Господь распорядился иначе и татары, которые таким образом уничтожили язычников, не пришли сюда, все эти народы были бы способны завоевать и заселить эти земли до моря».

Нарратив 6. Жун Синьцзян *«Великий Шелковый путь и культурный обмен между Востоком и Западом»*

В 14-м году правления под девизом Чжэньгуань (640) Тай-цзун уничтожил княжество Гаочан и основал на его месте Тинчжоу с той же системой административного управления, что и во внутренних частях страны. Уже после смерти Тай-цзуна, во 2-м году правления императора Гао-цзуна под девизом Юнхуэй (651), глава Западно-тюркского каганата Халлыг Ышбара-Джагбу хан поднял военное восстание и взял Тинчжоу штурмом. После многочисленных сражений империя Тан в 3-м году правления Гао-цзуна

под девизом Сяньцин (658) усмирила мятеж и вернула себе Тинчжоу. Во 2-м году правления под девизом Луншо (662), чтобы справиться с остатками Западно-тюркского каганата и стабилизировать обстановку в районах с северной стороны Тяньшаня, Гао-цзун приказал основать в Тинчжоу наместничество Цзиньшань для усиления и расширения полномочий даши Тинчжоу. Во 2-м году правления У Цзэтянь под девизом Чанъань (702) на основе наместничества Цзиньшань было создано наместничество Бэйтин с расширенной сферой полномочий и усиленной военной охраной. Оно заменило собой Тинчжоу, став политическим и военным центром империи Тан на северных путях Тяньшаня. После провозглашения девиза правления Кайюань (713) и установления новой системы управления наместничество Бэйтин обрело статус генерал-губернаторства и стало пограничным опорным пунктом. После начала восстания Ань Лушаня главные силы имперской армии были переброшены во внутренние регионы для спасения трона, и власть на местах ослабла. В 6-м году правления Дэ-цзуна под девизом Чжэньюань (790) Бэйтин захватил Тибет, который, в свою очередь, был разгромлен уйгурским ханством с Монгольского плато. Уйгуры стали новыми хозяевами региона Тяньшань, в том числе земель Бэйтина.

Нарратив 7. Е. В. Агибалова, Г. М. Донской «*Всеобщая история. История средних веков. 6 класс»*

1. Правление династий Тан и Сун в Китае. В начале VII века в стране утвердилась *династия Тан*, управлявшая страной около 300 лет. Единое государство возглавлял император с неограниченной властью: он считался Сыном Неба, а империя — Поднебесной. В его распоряжении была большая армия и множество чиновников.

Империя Тан стремилась подчинить себе соседей. В зависимость от Китая на время попали Корея и Вьетнам, китайская армия овладела *Великим шёлковым путём* вплоть до Средней Азии. После поражения от арабов в середине VIII века Китай потерял над ним полный контроль. Но торговля по этому пути с Ираном, Средней Азией и Византией продолжалась.

Для облегчения перевозок внутри страны был сооружён *Великий канал* длиной 1700 км. Он соединил могучие реки Янцзы и Хуанхэ, связал их с юго-восточным морским побережьем, а позже его протянули далеко на север. Канал использовали и для орошения полей. А для защиты от северных кочевников китайцы продолжали возводить Великую Китайскую стену.

Ослабленная восстаниями и войнами, династия Тан была свергнута. На севере Китая сменилось пять династий. В 960 году в Китае утвердилась *династия Сун*. Её правление отмечено борьбой с соседями и народными восстаниями.

2. Китай под властью монголов. В начале XIII века на северной границе Китая появились племена *монголов*. Они были кочевниками-скотоводами, занимались охотой и рыбной ловлей. В 1206 году съезд представителей монгольских племён выбрал правителем всех монголов *Чингисха́на*.

В 1211 году войско Чингисхана вторглось в Северный Китай. В течение четырёх лет оно овладело частью империи Цзинь вместе со столицей Пекином. Монголы переняли у китайцев осадные орудия, научились брать штурмом крепости. С конца XIII века Китай стал основной частью Монгольского государства со столицей в

Пекине. Постепенно великие ханы перенимали китайские порядки и допускали к управлению образованных китайцев.
В середине XIV века в Китае началось восстание против монголов, названное по отличительному знаку повстанцев *восстанием Красных повязок*. В 1368 году Китай добился независимости.

Нарратив 8. Е. В. Агибалова, Г. М. Донской. *Всеобщая история. История средних веков. 6 класс*

В Китае был изобретён *порох*. Сначала его применяли для фейерверков, а затем стали начинять им зажигательные снаряды. В XIII веке были изобретены ружья в виде бамбуковых трубок, а в XIV веке — металлические (клёпаные) пушки, которые заряжались каменными или железными ядрами. Китайские моряки раньше других начали применять в мореплавании *компас*, изобретённый ещё в древности. Из Китая компас вывезли на запад арабы, а от них его позднее заимствовали европейцы.Китайцы изобрели *фарфор*, который изготовляли из смеси особых сортов глины. Китайские мастера говорили, что фарфоровая посуда должна быть «блестящая, как зеркало, тонкая, как бумага, звонкая, как гонг, гладкая и сияющая, как озеро в солнечный день». Способ производства фарфора, как и способ производства шёлка, хранился в строгом секрете.

Нарратив 9. Линь Мэйцунь *«15 лекций об археологии Великого шелкового пути»*

В исторических источниках не осталось записей о ранних годах жизни Чжан Цяня. Чжан Цянь отправился с миссией в Западный край, будучи ланом – одним из придворных. После завершения миссии он удостоился ранга тайчжундафу, а затем ему пожаловали титул Бован-хоу. Карьера чиновника у Чжан Цяня складывалась не очень успешно. Сопровождая армию генерала Ли Гуана в походе против сюнну, Цянь совершил серьезную ошибку, в результате которой ханьская армия была повержена. В искупление вины Чжан Цянь лишился всех титулов и стал простолюдином, но вскоре император У-ди отправил его во второе путешествие в Западный край. После успешного завершения этой миссии Чжан Цянь был назначен дасином и включен в число девяти цинов. Однако Чжан Цяню не суждено было мирно наслаждаться высоким рангом и сопутствовавшими ему благами: всего через год после возвращения из Западного края (в 114 г. до н. э.) он скончался.ьСыма Цянь дал чрезвычайно высокую оценку походам Чжан Цяня в Западный край, назвав ханьского дипломата «первопроходцем». В 1877 г. немецкий географ Фердинанд фон Рихтгофен (Ferdinand von Richthofen) предложил термин «Шелковый путь» и датировал его открытие 114 г. до н. э. – год начала миссии Чжан Цяня в Западный край. Маршрут с востока на запад, по которому проходило путешествие ханьского дипломата, можно считать самым ранним отрезком Шелкового пути.

Приложение 2. **Великий шелковый путь в изобразительном искусстве**

Рис. 12. Чжоу Вэньцзюй. *Ученые в саду* **(**周文矩 《文苑图》**)**

Рис. 13. Верещагин В. В. *Двери Тимура (Тамерлана)*

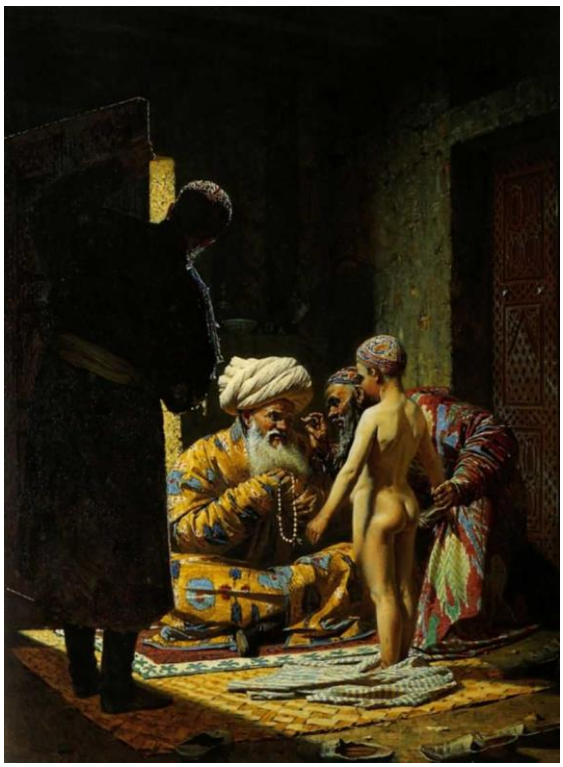

Рис. 14. Верещагин В. В. *Продажа ребенка-невольника*

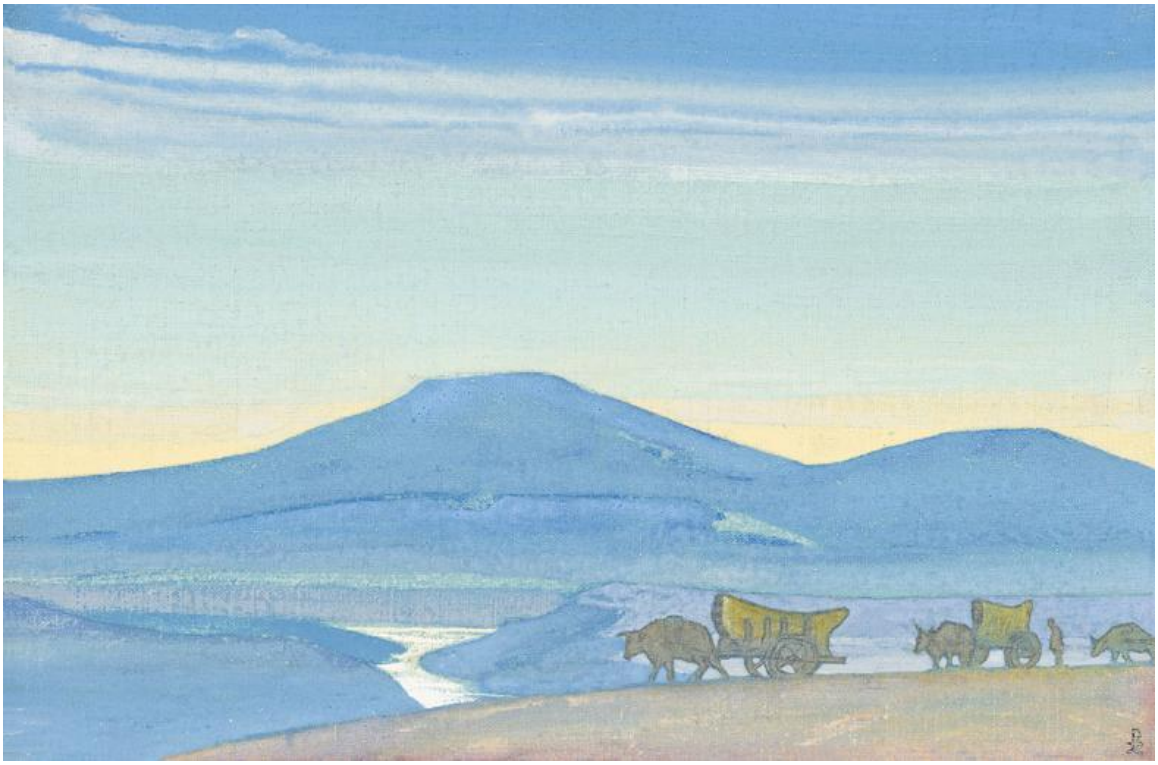

Рис. 15. Рерих Н. К. *Караван*

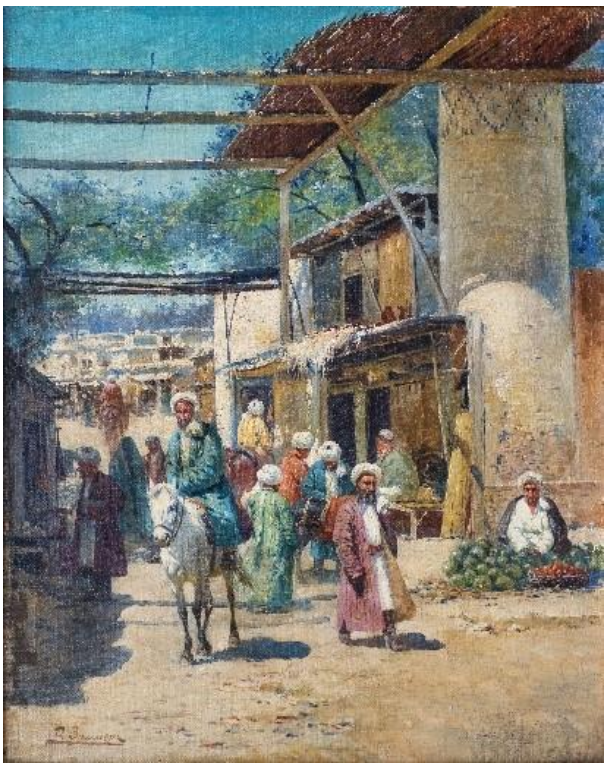

Рис. 16. Зоммер Р. Р. *Базар в Самарканде*

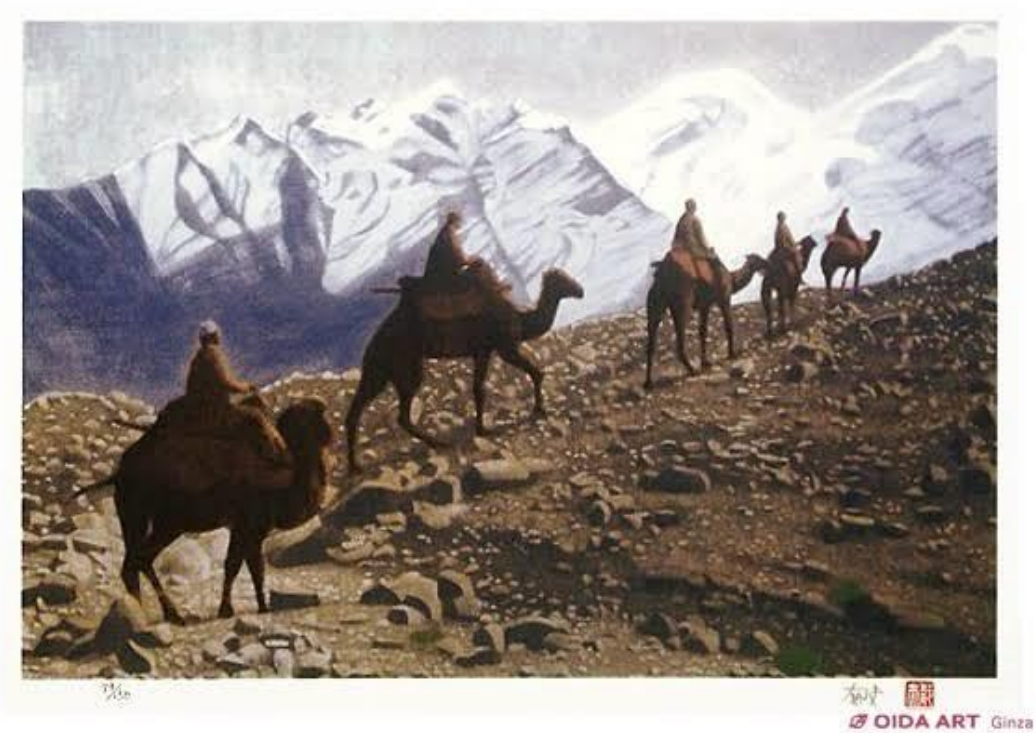

Рис. 17. Хираяма И. “*Going in pamir heights”*
(«Восхождение на памирские высоты»)